



УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

им. В. И. Вернадского

Том 14 (53). № 1

Политические науки

Симферополь
2001

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 14 (53). №1:

Политические науки.

Симферополь, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2001

Журнал основан в 1918 г.

Редакционная коллегия:

Багров Н. В. – главный редактор
Бержанский В. Н. – заместитель главного редактора
Ена В. Г. – ответственный секретарь

Редакционный совет:

Физические науки

Бержанский В. Н. (редактор отдела),
Воляр А. В., Мищай Ю. Н., Пономаренко В. И.,
Терез Э. И.

Математика. Механика.

Информатика и кибернетика

Донской В. И. (редактор отдела),
Бутакос Е. А., Копачевский Н. Д. (зам.
редактора отдела), Кужель А. В. (зам.
редактора отдела), Луковский И. А.,
Орлов И. В. (отв. секретарь), Персидский С. К.,
Полумиленко С. К., Руденко Л. И., Рудницкий О. И.,
Самойленко Ю. С., Чехов В. Н., Чижрий А. А.

Биологические науки

Коренюк И. И., Мананков М. К.,
Сидякин В. Г., Темурыяц Н. А.,
Юрахно М. В. (редактор отдела)

Химические науки

Дрюк В. Г., Коношенко С. В.,
Федоренко А. М., Чирва В. Я. (редактор
отдела), Шульгин В. Ф.

Экономические науки

Ефремов А. В., Крамаренко В. И.,
Кудряшов А. П., Нагорская М. И.,
Чмковская Т. Я., Подсолонко В. А. (редактор
отдела)

Географические науки

Сажков В. А. (редактор отдела), Ломакин П. В.,
Савицкий А. Н., Пистун Н. Д., Позаченюк Е. А.,
Тарасенко В. С., Толчнев А. Г.

Экономика и предпринимательство

Апатова Н. В., Крамаренко В. И.,
Кудряшов В. А., Нагорская М. И. (редактор
отдела), Никития М. Г., Новиков Ю. Н.,
Руденко А. И.

Филологические науки

Казарин В. П. (редактор отдела),
Киречек П. М., Меметов А. М.,
Новикова М. А., Орехова Л. А.,
Петренко А. Д., Рудяков А. Н.

Исторические науки

Айбабин А. И., Буров Г. М.,
Дементьев Н. Е., Урсу Д. П.,
Филимонов С. Б. (редактор отдела)

Философские науки

Берестовская Д. С., Лазарев Ф. В. (редактор
отдела), Мартынюк Ю. Н., Николко В. Н.,
Шоркин А. Д.

Политические науки

Артох П. И., Габриелян О. А. (редактор
отдела), Кальной И. И., Кащенко С. Г.,
Муляр В. И., Швецова А. В., Юрченко С. В.

Педагогические науки

Апатова Н. В., Глаузиан А. В. (редактор
отдела), Заслуженюк В. Н., Игнатенко Н. Я.,
Калтин В. К.

Физическое воспитание и спорт

Буков Ю. А., Ефименко А. М.,
Лейкин М. Г. (редактор отдела)
Муравов И. В., Похолодячук Ю. Т.

© Таврический национальный университет, 2001 г.

Подписано в печать 17.10.2001. Формат 70x100^{1/16}
9,6 усл. л. л. 11,2 уч.-изд. л. Тираж 500. Заказ № 273.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.
ул. Ялтинская, 4, г. Симферополь, 95007

"Учення запискі Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського"

Науковий журнал. Том 14(53). №1. Політичні науки.
Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2001
Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано у інформаційно-видавничському відділі Таврійського національного університету
ім. В. І. Вернадського. Вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007

УДК 130.2

Буряк В.В.

НОМО GEOPOLITICUS

ГЕОПОЛИТИКА В ПОИСКАХ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Понятие "геополитика" само по себе весьма проблематично. Все дело в его двусоставности. Оно рождено пересечением двух типов дискурса: географического и политического. География в обыденном сознании принадлежит сфере естествознания, изучает природу¹, политические науки исследуют функционирование и реализацию идей, относясь, таким образом, к гуманитарному знанию. Методы естествознания основаны на принципе "генерализации", определении законов, квантификации, получении точных результатов, эмпирической подтверждаемости. В противоположность этому, гуманитарные знания имеют дело с системами ценностей, которые вариабельны и пластичны, причем в пределах не только одной эпохи, но и в пределах одной социальной группы, этноса и даже семьи. Разумеется, гуманитарное знание не растворяется в абсолютном релятивизме ценностей и оценок, а стремится обнаружить устойчивые ментальные или праксеологические структуры, называя их "инвариантами", разрабатывая свои методы как "индивидуирующие". Тем не менее, брешь между *Mathesis universalis*² и *Humaniora*³ существует, отбрасывая тень двусмысленности на концепт "геополитика".

Единственным связующим звеном между геополитическим и политическим дискурсом может стать антропология, точнее философская антропология как наука о человеке, его сущности, месте в мире, ценностях и целях существования человека. В контексте нашей работы мы, разумеется, должны сфокусировать внимание на определенном аспекте философской антропологии, который можно назвать геополитической антропологией.

"Ниже" геополитики по линии "физической" и "естественнонаучной" оси находится геотектоника, оперирующая "понятиями устойчивых и неустойчивых участков земной коры"⁴ "Ниже" идеологии, которая лежит в основании политических структур и действий, если придерживаться "антропологической оси", находится человек. Итак, можно обозначить два полюса силы, или два силовых полюса, влияющих на формирование геополитических стратегий и их осуществление: "земля"⁵ и "человек". Традиционно "точкой отсчета"

геополитического дискурса всегда была "земля", Гея. Но возможно также вести отсчет от "человека", антропоса, вида, от которого соответственно и происходит homo geopoliticus.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Одно из первых концептуальных определений человека принадлежит Аристотелю – "dzoon politikon", так он определяет сущность человека, указывая на его самую характерную, отличительную черту - быть "существом политическим, социальным, общественным".

"dzoon" - это живой организм, автономный и самодостаточный. Именно этим термин "dzoon" отделяют организмичность от витальности вообще, которая терминологически обозначается через "биос". "Жизнью вообще" занимается наука биология, "организмами вообще" – наука зоология, а "политическими организмами" тогда должна заниматься наука "политическая зоология". Кстати, отец термина "идеология" Дестю де Траси, автор пятитомной работы "Элементы идеологии", в своей системе наук определяет место идеологии сразу же после зоологии.

Полис - это город-государство, "политикос" - гражданский, общественный, т. е. не принадлежащий природе, отделенный от нее. Поэтому очевидно, что биос в качестве органической, естественной, консервативной среды обитания некоторым образом противостоит "полису" - искусственной, нормативной, релятивной среде обитания. Если рассмотреть внеполисную жизнь, биос в самом широком смысле, то явственно наблюдается определенная стабильность и предсказуемость типов поведения внутри одного вида, наличие определенной и почти неизменной системы организации живых существ и правил их сосуществования в течение миллионов лет. В противоположность этому полис – это некий топос, в пределах которого могут существовать и сосуществовать самые различные системы организации и правила поведения, отражая так называемый плюрализм гражданского общества. Причем типы организации по своим основополагающим принципам могут быть диаметрально противоположны: охлократия - власть толпы в одном государстве, и аристократия - власть достойнейших и благороднейших⁶ в другом. Уже в античности Аристотель и Теофраст насчитывают 158 различных типов государственных устройств.

Итак, "зоон политикон", оградивши полис институциональными рамками легитимирующих предписаний, конструирует некий искусственный топос-анклав отгородившись каменными стенами начинает строить и переустраивать внутриволисную жизнь - политику, согласно правилам искусства особого рода, называемого Аристотелем "политике тэхне" или "политического искусства".

Эта полисно-социальная инженерия постепенно приобретает все более приоритетный характер, и в дальнейшем становится предметом профессионального интереса специалистов работающих в области политических наук, исследующих анатомию и стратегии власти.

ПО ТУ СТОРОНУ ГОСПОДСТВА И ПОВИНОВЕНИЯ

Повсеместно появляются полисные "техники приручения". Конечно, в современном обществе способы "приручения", "воспитания", "укрощения" не всегда связаны с физическим воздействием, эти старые инструменты власти применяются в крайних случаях. Современная стратегия власти основана на использовании и регулировании дискурсивных поведенческих практик. "Дискурс" переводится с французского как "речь", однако в современном философском употреблении дискурс – это и поведение, и система дорожных знаков, и система коммуникации власти с населением, и способ функционирования образов в шоу-бизнесе, рекламе (видеоряд как дискурс) и т.д.

Мишель Фуко, пытаясь сделать "прозрачной" и "видимой" скрытую от большинства дискурсивную сеть, полагает, что "... в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функции которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события. В обществе, подобном нашему, конечно же, известны процедуры исключения. Самая очевидная и самая привычная из них – это запрет. Нам хорошо известно, что говорить можно не все, не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, не всякому можно говорить о чем угодно. Табу на объект, ритуал обстоятельств, привилегированное или исключительное право говорящего субъекта – здесь мы имеем дело с действием трех типов запретов, которые пересекаются, усиливают друг друга или компенсируют, образуя сложную решетку, которая непрерывно изменяется. Отмечу лишь, что в наши дни областями, где растет число черных клеточек, являются области сексуальности и политики" [8, с. 57].

"Техники domestikasi" отработаны тысячелетиями⁷. Зоон политикон называется в Хозяине, Распорядителе, Повелителе, ему необходим homo dominus⁸ – вчера, сегодня, навсегда. Основной смысл латинского слова dominus жестко определяет иерархическую систему не только римского рабовладельческого общества, но и сущность социальной организации коммуникации вообще. Dominus всегда присутствует там, где есть хотя бы два существа, и выражает универсальное отношение – господство/подчинение, или, в терминологии Аристотеля, а затем и Гегеля – господин/раб. Там, где есть лишь двое, существует скрытое или явное подавление, господство, подчинение, "тираноборчество", а если признать (а не признать нельзя) существующую дихотомию "тело-дух", то и в человеке всегда присутствует "функция-доминус"; отсюда: либо дух->тело, либо тело->дух. Возможны компромиссы: обмен/обман, купля/продажа и в конце концов сознательная/бессознательная игра в "свободу и необходимость". Для неприручаемых создаются "техники усмирения" и "техники укрощения". Их пользователь – homo domitor⁹, Укротитель и Дрессировщик. Доминус и домитор, а точнее доминус/домитор предписывает обитателям полиса, затем мегаполиса, а сегодня уже космополиса, строго определенные "техники существования". Формально это различные модусы существования, но корень у них один –

дисциплина. Спектр дисциплин огромен (*disciplina domestica, disciplina militaris, disciplina libidinosus* и проч.)¹⁰, но суть одна - "быть примером для других" (*disciplinae alii esse*).

ГЕНЕАЛОГИЯ АГРЕССИИ

"Государь", будь то вождь первобытной орды или президент демократического государства, в решающий момент, чтобы усилить свое влияние либо отвлечь внимание от очередного (либо внеочередного) провала, склонен нажать на "красную кнопку" с названием "территориальные претензии". А поскольку каждый человек в той или иной степени обладает инстинктом охраны своей территории, инстинктом, унаследованным от своих архаических предков и присущим всем без исключения животным, то в случае подлинной, ложной, а то и сфальсифицированной территориальной угрозы срабатывает механизм "территориального императива", возникает "синдром ответного удара". Так запускается "дьявольская машина" агрессии – социальной, религиозной, этнической, политической и, наконец, военной. На этом основаны все геополитические рефлексы.

Концепция "территориального императива" Роберта Ардри показывает, как иррационально-инстинктивный агрессивный модус человеческого существования оказывается антитезой "категорическому императиву" Иммануила Канта, рассматривавшего человеческое существование в его сентиментально-рационалистическом модусе. Р.Ардри в своей работе "Территориальный императив" [10] пытался доказать, что непроходимой границы между животным, охраняющим свою "территорию" и человеком, защищающим свой дом, свою родину, принципиальной разницы нет, различаются лишь стили и формы "демаркации" и "делиминации".

Человек перед своим владением вывешивает табличку *private property* - "частная собственность", а собака "помечает" свою территорию невербально, физиологически. Табличка "Злая собака" - недвусмысленно указывает на сумму агрессивности - человека и собаки.

Французский семиолог Роллан Барт почти все свои работы посвятил "разоблачению" буржуазного истеблишмента, высвечиванию тщательно скрываемого и утаиваемого, глубинной сути, того, в чем люди не могут признаться даже самим себе, в том числе и агрессивности. В статье 1973 года "Война языков" исследователь под скромной и даже тривиальной табличкой обнаруживает пересечение и противоборство языков, идеологий и систем мировоззрения. "Гуляя однажды в местах, где я вырос - на Юго-Западе Франции, в тихом краю удалившихся на покой старичков, - я встретил на протяжении нескольких сот метров три различные таблички на воротах усадеб: "Злая собака", "Осторожно, собака!", "Сторожевая собака". Интересно., что во всех трех выражениях содержится одно и то же сообщение: НЕ ВХОДИТЕ (если не хотите быть укушенными). ... лингвистика... могла бы тут сказать лишь самые элементарные и тривиальные вещи; ... ибо смысл заключен в их различии: "Злая собака" звучит агрессивно, "Осторожно, собака!" - человеколюбиво, "Сторожевая собака"... -

простая констатация факта. ... С помощью языка своей таблички... хозяин каждой усадьбы воздвигает себе надежное укрытие в виде определенного образа, я бы даже сказал определенной системы собственности. В первом случае эта система основана на дикой силе (собака злая и хозяин, разумеется, тоже), во втором - на протекционизме (остерегайтесь собаки, усадьба находится под защитой), в третьем - на законности (собака сторожит частное владение, таково мое законное право)". [1, с.535]

Барт хотя и не формулирует в явном виде, но вплотную подходит к проблеме "инфинитезимального" анализа человека. В приведенном выше отрывке ясно проглядывается монструозная система "территория - человек - животное", что в более упрощенном виде можно представить как систему "человек/собака", "человек/зверь". Где заканчивается "собака", а где начинается "человек", сказать трудно вне культурно-исторического контекста. Homo homini lupus est, как сказал некогда Плавт, впоследствии Гоббс построил на этом принципе свою теорию государства, изложенную в "Левиафане". Видимо, альтернативы этому нет, и "виной" всему - "территориальный императив".

Несколько ранее, чем Ардри, проблему агрессии в сугубо биологическом ключе поставил Конрад Лоренц. В книге "Агрессия. Так называемое зло" [13] он утверждает, что агрессивность есть не что иное, как инстинктивная деятельность, присущая всем высшим животным. Однако у человека агрессивность выходит далеко за пределы разумной необходимости и часто становится патологической, но не от избыточности, а от чрезмерного ее сдерживания. Его вывод шокирующе-парадоксален: "... сегодняшний цивилизованный человек вообще страдает от недостаточной разрядки инстинктивных агрессивных побуждений. Более чем вероятно, что пагубные проявления человеческого агрессивного инстинкта... основаны просто-напросто на том, что внутривидовой отбор в далекой древности сдерживал человека определенной мерой агрессивности, для которой он не находил адекватного выхода при современной организации общества" [7, 239]. Пути агрессивности неисповедимы¹¹.

Подобную точку зрения на универсальность агрессивности мы обнаруживаем у франко-канадского психолога Ж. Годфруа, полагающего, что агрессивное поведение есть жизненно важная характеристика существования человека: "На всем протяжении развития нашего вида агрессивность играла важную роль в выживании его представителей" [5, с.72].

О психо-биологических и социальных детерминантах агрессивности будет сказано ниже. Сейчас укажем на первичные территориальные факторы, действующие на формирование "человека геополитического" и влияющие опосредованным образом на создание геополитических стратегий и теорий. Не будем упрощать проблему территориальности, но все же биогенетические механизмы деятельности животных и человека во многом стереотипны. Ж. Годфруа дает интегральную схему восприятия территории, и этот взгляд отражает точку зрения многих биологов, психологов и социологов. "Территория" представляет собой некий стратегический центр, находящийся внутри "жизненного пространства". Границы "территории" всегда четко очерчены. В свою очередь, в

центре "территории" находится "укрытие, нора, гнездо или логово", составляющие "индивидуальный участок", ожесточенно защищаемый животным от всякого вторжения. Если у животных "территориальный императив" имеет достаточно жесткие границы и определяет достаточно простую тактику защиты и нападения, то в социуме современного типа способы реализации "территориального императива" более разнообразны, усложнены, замаскированы и часто размыты. Чем сложнее объект, тем сложнее вычисление траекторий его поведения. "О том, какие территории или индивидуальные участки необходимы отдельным людям, известно немного. Размеры территории и степень ее защиты у разных людей неодинаковы и зависят от возраста, социального положения и т.д. Индивидуальный же участок представляет собой невидимое пространство, в котором нуждается каждый человек и внутри которого он с трудом переносит присутствие других людей [4, с.44].

Номо geopoliticus своей территорией считает не только и не столько "индивидуальный участок", но "большую территорию", находящуюся в рамках государственных границ и даже более, в зависимости от актуальной геополитической доктрины (этнической, национальной или континентальной). Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что Номо geopoliticus в основе своей "территориален" и "агрессивен". Номо geopoliticus, судя по всему, дикий вид, и приручению вряд ли поддается.

"Территориальный инстинкт" на уровне особи становится "территориальным сознанием" на уровне племени, этноса, нации, а в своем концептуальном выражении это собственно и есть "геополитика".

Несомненно, что агрессию можно пробудить в нужный момент, направить в необходимое русло, играть ею, использовать ее. Есть только одно "но". Разбушевавшуюся агрессивность уже нельзя изящным жестом обратно спрятать в "сундучок". "Посеешь ветер, пожнешь бурю". Агрессивность, будь она управляемой или неуправляемой, всегда была, есть и будет доминантой геополитических стратегий. Энергетическим центром "человека геополитического" является агрессия и воля к власти. Это факторы не только антропологического порядка, но к тому же - исторические силы. Эффективность реализации этих сил зависит от организации системы. Самая грандиозная система использования этих сил - государство. Если в прежние времена достаточно было "раскурить трубку мира", выдать замуж за агрессора царскую дочь, откупиться золотом, скотом, благовониями, то впоследствии только территория становится "разменной монетой" всякой геополитики.

TERRA MATER В ОПАСНОСТИ

В результате т.н. "неолитической революции" возникает цивилизация производящего типа со всеми вытекающими отсюда последствиями: перманентной, основанной на техническом превосходстве экспансии, архаическими геополитическими доктринами, выраженными в мифологической форме, военной организации и "тотальной мобилизации". Льюис Мэмфорд замечает: "На базе комплекса раннего неолита возник новый тип социальной организации. ... Это была авторитарная система, с центральной властью и подчинением большинства

правлящему меньшинству. Это общество не довольствовалось некоторой ограниченной территорией, а энергично осуществляло "передел границ" с целью распространения своего господства на другие земли, захвата источников сырья, порабощения людей и получения дани... Правители этого общества, применяя новые методы и средства принуждения, около 3 тыс. лет до н.э., создали невиданную военную и индустриальную машину власти, организованность которой не имеет себе равных по сей день" [14, с.164]. После того, как маленькие поселения превратились в города-государства, состоялась вторая после неолитической - урбанистическая революция [11]. От каждого поля, от каждой деревеньки "нити" власти, "щупальца" власти тянулись к городу, к площадям и храмам, свиваясь в "клубок" власти, "узел" власти, затягивающийся все туже и туже.

Так постепенно Terra Mater, Terra Genetrix¹² испещряется дорогами, разделяется межами и каналами, огораживается валами и каменными стенами, а затем оказывается "стреноженной", геометрически совершенной, исчислимой, калькулируемой сетью меридианов и параллелей. Terra Mater, Tellus Mater¹³ превращается в нечто безликое и чужое, в territorium¹⁴. Изначальное значение слова territorium - "земля, принадлежащая к городу - округ, область, coloniae"¹⁵. Территориальный, суть "отчужденный", "инструментальный", "используемый". Землю в качестве "территории" можно арендовать, продать / купить, заложить / задолжать, затопить / высушить, вспахать / засеять, застроить / забетонировать / заасфальтировать, освоить / присвоить. "Территория" появляется одновременно с "населением". На земле живут люди. К территории прикреплено население. Кроме того, что "территория" заселена "населением", там еще есть и "администрация".

ПРОСТРАНСТВА И «МАССЫ»

Геополитическое пространство не "социометрично", не "наукометрично", как это представляют себе многие геополитики, оно в некотором роде сакрально. Любое пространство явно или неявно обладает "Центром". И из этого Центра идут либо центростремительные импульсы, либо центробежные. Либо собирать "земли", либо отпускать их. Homo geopoliticus мыслит в категориях священного традиционалистски. Но не таков человек мирской, "кочевник с подошвами из ветра" (Ж.-М.Бенуа). Ибо, "... мирское восприятие поддерживает однородность, а следовательно, относительность пространства. Всякая истинная ориентация исчезает, т.к. "точка отсчета" перестает быть единственной с онтологической точки зрения. Она появляется и исчезает в зависимости от повседневных нужд. Иначе говоря, больше нет "Мира", а есть лишь осколки разрушенной Вселенной, т.е. аморфная масса бесконечно большого числа "мест" более или менее нейтральных, где человек перемещается, движимый житейскими потребностями, обычными для существования в индустриальном обществе" [9, с. 23-24].

Любая администрация в той или иной мере, лучше или хуже, обладает "техниками власти". С помощью этих техник ("политике техне" Аристотеля), администрация занимается "формовкой" "массы населения", заселяющей "территорию". Здесь возникают проблемы, решаемые так или иначе, сегодня или

когда-нибудь. "Одним из великих новшеств в техниках власти стало в XVIII веке появление "населения" в качестве экономической и политической проблемы: население - богатство, население - рабочая сила, или трудоспособность населения в его равновесии между его естественным ростом и ресурсами, которыми оно располагает. Правительства замечают, что они имеют дело не просто с отдельными подданными или даже с "народом", но с "населением", с его специфическими феноменами и характерными для него переменными - рождаемостью, смертностью, продолжительностью жизни, плодovitостью, состоянием здоровья, частотой заболеваний, формой питания и жилища" [8, с.121].

Население "лучше", когда оно "управляемо", т.е. когда надо - пассивно, когда потребуется - реактивно, а если необходимо, то агрессивно.

СYBER-GEOPOLITICUS И ВИРТУАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Поскольку homo geopoliticus принадлежит к виду homo sapiens, то в соответствии с правилами игры, называемой Humanitas, он маскирует свое инстинктивное начало агрессивности. Именно "геополитический человек", будучи наиболее инстинктивным типом "человека разумного", и оказывается наиболее "энтузиастическим" и "воодушевленным", так как точкой отсчета его мировоззрения и праксиса является Gea, terra. Соки земли питают и возвращают его "геополитический энтузиазм". Homo geopoliticus не только энтузиастичен, но и амбициозен. Он мыслит не в "миллиметрах" и "миллиграммах". Его мысль измеряется тысячами километров, на весах его - материка и острова. Это несомненно "Последний Герой" уходящей эпохи Государств и грядущей эпохи мультимедиального Космополиса, упаковывающего Землю в соблазнительно прозрачную / призрачную сеть Internet.

И если говорить о новой эре геополитического мышления, то следует ввести в "расчетный счет" новые параметры пространственного порядка, а точнее, учитывать появление и усиление позиций cyber-space – пространства нового типа. Уже сейчас можно говорить о существовании GeoNet, GeoWeb, о метагеографии [12]. "Киборги", "киберпанки" вполне вероятно в ближайшее время будут потеснены тем, кого можно назвать cyber-geo-politicus.

Некоторый шанс на выживание этого исчезающего вида, homo gtopoliticus, может быть дан в свете развития традиционных этнокультурных форм, ландшафтного мироощущения, обращения к автохтонным мифам и ритуалам.

Примечания

¹ Предвижу упреки географов по поводу этого положения. Конечно, есть ведь и такая отрасль географической науки, как экономическая география, а экономическое измерение невозможно исследовать без социальных и, в конечном счете, антропологических координат. Тем не менее, "экономика" здесь предикативна, "прилагательна", вторична.

² Mathesis universalis - (греч.-лат.) "универсальная наука", термин, встречающийся в работах Декарта и Лейбница и отражавший сциентистскую идеологию XVII - XVIII вв., целью которой было рациональное, математически фундированное знание, ядром которого было естествознание.

³ *Humaniora* - (лат.) совокупность гуманитарных знаний, гуманитарные науки как таковые, т.е. науки, связанные с миром человеческих ценностей, воспитанием, образованием.

⁴ Киселев С.Н., Киселева Н.В. Размышления о Крыме и геополитике. Симф. 1994, С.10. Эта работа, несмотря на относительно небольшой объем, стала первой работой по геополитике, вышедшей в странах постсоветской эпохи. Это квинтэссенция прикладного геополитического дискурса, аутентичного для начала 90-х годов. Правда, некоторые выводы, основанные больше на эмоциональном, нежели академическом отношении, сегодня должны быть заново скорректированы. Например, чрезмерно преувеличенные ожидания на быстрое восстановление геополитических стратегем России. Сегодня очевидно, что после распада СССР сама Россия находится на пороге полураспада в связи с кризисом политики на Северном Кавказе, экономическими, демографическими негативными тенденциями и, пожалуй, более всего кризисом национально-патриотической идеологии.

Геополитическое своеобразие и культурно-историческая своеобразность обязывает все этносы Крыма, несмотря на этнокультурные и религиозные различия, точкой отсчета и конечной целью полагать то местообитание, к которому привела их историческая Судьба.

Необходимо отметить, что основатель Крымской школы геополитики С.Н.Киселев создал теоретическую и культурно-идеологическую основу, своеобразное интеллектуальное движение, выражающее неопочвенническое стремление, присущее фактически всем этносам, населяющим Крым.

⁵ Почва, "земля" как субстанциальные основы формирования геополитического сознания рассмотрены мною в статье "Архаическое сознание и сакральная география". В кн. Проблемы мирового устройства и международных отношений в общественно-политической мысли XIX - XX вв. Первые Крымские Чтения Н.Я.Данилевского. Материалы. Симф. 1996. [см. 3]

⁶ Спектр - "кратий" (греч. "кратос", означает проявление силы, власти, как божественной, так и человеческой) обширен: охлократия, демократия, олигархия, аристократия, тирания, меритократия (общественная иерархия, основанная на личном вкладе, заслугах). Фуко, наиболее глубокий исследователь "генеалогии власти", указывает на некие "структурно-математические" свойства тех или иных государственных устройств." Напомним здесь - в чисто символическом смысле - старый греческий принцип: занятием демократических городов вполне может быть арифметика, так как она учит отношениям равенства, но только геометрия должна преподаваться в олигархиях, поскольку она демонстрирует пропорции в неравенстве". Фуко М. Порядок дискурса: Воля к истине. М. 1996. [См. 8]. Сегодня, несмотря на общий упадок культуры и образования, мы начинаем забывать "социальную арифметику" и постигаем азы "социальной геометрии".

⁷ Доместикация (лат. *domesticus* - домашний) - приручение животных для последующего их разведения... Лучшим критерием д. является выведение новых пород, любое отклонение от дикого вида: позволяет предположить селекцию". Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М. 1994. С.77 [См. 2]. *Homo geopoliticus*, судя по всему, дикий вид, и приручению вряд ли поддается.

⁸ *dominus* - господин, хозяин; 1) распорядитель; 2) повелитель, отсюда: *dominatio* - господство, владычество, единовластие.

⁹ *domitor* - 1) укротитель; 2) покоритель, победитель. Происходит от *domo* - укрощать, обуздывать, повелевать, т.е. "повелевать - воспитывать", "повелевать - дрессировать", "дисциплинировать".

¹⁰ *disciplina* - весьма коварное слово, смысл коего "мягко стелет, да жестко сплет". Здесь можно обнаружить и респектабельно-просветительские значения: 1) наука; 2) учение, система; 3) обучение, наставление и жесткие значения с элементами манипулирования и подчинения: строгий порядок, собственно дисциплина. *D.domestica* можно трактовать и как "домашняя дисциплина", и как "дисциплина доместикации", т.е. система приручения животных для последующего их разведения в интересах человека. В связи с этим нельзя не вспомнить идеи фон Либенфельса, изложенные им в "Тезоологии", и пресловутую "евгенику".

D.militaris - это и военная наука, и военный порядок.

D.libidinosus - "дисциплина желаний, страсти", "дисциплина либидо", "воспитание чувств", "сексуальная дисциплина", "воздержание", "аскеза".

¹¹ *Adrey R. The Territorial Imperativ: A Personal Inquiry into the Animal Origins of Property and Nations.* N.X. 1966.

¹² *Terra Mater* - лат. Земля-Мать; *Terra Jenetrix* - Мать-Прародительница, Порождающая Мать.

¹³ *Tellus Mater* - Земля-Мать.

¹⁴ Territorium - "территория", земля, принадлежащая городу, округ, область, колония. Слово Territorium происходит от Terra - земля. Если Terra - это природное, изначальное, неопределенное и не-определенное состояние земной поверхности, то, что необусловлено ничем и никем, то Territorium - исторически и физически ограниченная Terra, обусловленная земля, "пресловутая" земля, "район", "область", "округ", "штат", "кантон", "резервация", "гетто".

¹⁵ Colonia - "новая территория", Territorium nova. Это и колония, город, основанный переселенцами, и сами переселенцы. Важное дополнительное значение слова проясняется от порождающего его слова - colo: 1) обрабатывать, возделывать; 2) обитать, жить; 3) украшать; 4) почитать, чтить. Впрочем, выражение colo servitutum означает "быть рабом". Иными словами колония - территория, отчуждаемая от земли (terra), т.е. от Terra Mater. Это место, где в гипертрофированной форме реализуется механизм господства / подчинения.

Список литературы

1. Барт Р. Война языков. В кн. Избр. работы. М. 1994.
2. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М. 1994.
3. Буряк В.В. Архаическое сознание и сарральная география. В кн. Проблемы мирового устройства и международных отношений в общественно-политической мысли XIX-XX вв. Первые Крымские Чтения Н.Я. Данилевского. Материалы. – Симферополь, 1996.
4. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х т.т., М. "Мир", 1992, Т.1.
5. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х т.т., М. "Мир", 1992, Т.2.
6. Киселев С.Н., Киселева Н.В. Размышления о Крыме и геополитике. Симф. 1994, С.10.
7. Лоренц К. Агрессия. М. 1994.
8. Фуко М. Порядок дискурса. В кн. Воля к истине. М. 1996.
9. Элиаде М. Священное и мирское. М. 1994.
10. Ardrey R. The Territorial Imperativ: A Personal Incuiry into the Animal Origins of Properti and Nations. N.X. 1966.
11. Childe V.J. Man makes himself. L. 1936.
12. Harpold T. Dark Continents: A Critique of Internet Metageographics. www.iath.virginia.edu/pmc/current/issue
13. Lorenz K. Das sogenannte Bose. Zur Naturqeshichte der agression. Wien, 1963.
14. Mumford L. The myth of the machine, techniques and human development. N.Y. 1967.

Поступило в редакцию 25 мая 2001 г.

УДК 130.2

Габриелян О.А.

МИФОТВОРЧЕСТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ

I.

"Уже написаны "Мифы народов мира". У нас и воздух пахнет архетипом. По пояс в мифе, по горло в истории, по маковку в лучшем из миров, стоим, дрожа, дожидаясь жениха очередного. "Девочке нужен хороший психоаналитик", - сказал бы со вздохом старый домашний доктор. Где же он? "

(Шевелев И. Философия на марше. Межи и промежности. // Независимая газета. 27.05.94)

Социальный мир, в который мы погружены, с одной стороны, безусловно, объективен, с другой — творится нашим сознанием. Достаточно вспомнить, что когда мы сталкиваемся с малознакомой нам культурой, то необходимо время, чтобы осмыслить новую реальность, "перевести" ее в термины нашей собственной культуры. Если бы в созидании культуры участвовали только природа и ее объективные законы, то, очевидно, мы не имели бы того многообразия цивилизаций, о котором свидетельствует и прошлое, и настоящее. Это многообразие творится народами как субъектами истории и, следовательно, субъективно. Созданное их сознанием и волей превращается в реальность. Она имеет очень важное для них значение. Думаем, никто не будет оспаривать значимость ценностей культуры для народов, их создавших. Вряд ли найдутся оппоненты, которые поставят под сомнение духовную составляющую культуры. Однако именно эта компонента культуры определяет ту реальность, которая, трансформируясь, преобразует мир неочевидным образом. Здесь мы имеем в виду миф, без которого не мыслим ни народ, ни культура.

Мы полностью солидарны с французским литературоведом и семиологом Роланом Бартом, когда он пишет: «Стимулом к размышлениям чаще всего служило чувство раздражения, вызываемое тем флером «естественности», которым наша пресса, искусство, обыденное сознание непрестанно окутывают реальность; но ведь эта реальность не перестает быть глубоко историчной только оттого, что она наша собственная реальность: одним словом, я испытывал настоящие муки, видя как люди, повествующие о современности, ежесекундно путают Природу с Историей: глядя на праздничные витрины *само-собой-разумеющегося*, мне хотелось вскрыть таящийся в них идеологический обман.

Лучше всего, как мне показалось с самого начала, передает суть всех этих лжеочевидностей понятие мифа; в то время я вкладывал в слово «миф» вполне традиционный смысл, хотя уже тогда у меня сложилось твердое убеждение, из которого я попытался извлечь все логические выводы: миф – это своего рода язык» [1, с.46]. Посредством его мы осмысляем мир, структурируем и систематизируем его в описании.

Тезис, который мы здесь утверждаем и хотим обосновать, звучит следующим образом: глобальный социальный кризис – это прежде всего кризис мифа, господствовавшего в данном обществе. Преодолеть этот кризис – значит создать новый миф. Поэтому понять смысл происходящих преобразований можно не только, наблюдая за экономическими показателями общественного развития, но и за успехами нового мифотворчества.

Базовым определением мифа для нас является то его толкование, которое дает А.Ф.Лосев: " Короче говоря, миф - такая диалектически необходимая категория сознания и бытия (1), которая дана как вещественно-жизненная реальность (2) субъект-объектного, структурно выполненного (в определенном образе) взаимодействия (3), где отрешенная от изолированно-абстрактной вещи жизнь (4) символически (5) претворена в до-рефлексивно-инстинктивный, интуитивно понимаемый умно-энергичный лик (6). Еще короче: миф есть интеллигентно данный (3) символ (4-5) жизни (2,6), или – символически данная интеллигенция жизни. Наконец, чтобы не оставить места никакому упреку в неясности, можно принять во внимание, что под "жизнью" здесь мыслится просто категория осуществления той или иной интеллигенции. И тогда определение мифа будет такое: он - символически осуществленная интеллигенция. Я же утверждаю, что *личность* и есть символически осуществленная интеллигенция. И потому вот наикратчайшее резюме всего предыдущего анализа, со всеми его отграничениями и подразделениями: **миф есть бытие личностное** или, точнее, *образ бытия личностного, личностная форма, лик личности*" [2, с.74]. Очевидно, что личностью здесь может выступать народ, и тогда его личностная форма бытия и есть миф.

Такое определение не совсем совпадает с обыденным пониманием слова "миф". Дело в том, что религия (богословие) и наука (политология, социология, этнология

и др.) во всем постсоветском пространстве претерпевают в настоящее время некий ренессанс. И вольно или невольно, адаптируясь к массовому сознанию, они вынуждены считаться с ним и определять миф как выдумку, фикцию, фантастический вымысел. *У философии, обладающей потребностью творить одновременно множество систем, как миры, есть возможность не согласиться с общепринятым толкованием именно для того, чтобы лучше понять явление и дать его, может быть, "неевклидовую" интерпретацию. А в ней миф есть самая "подлинная и максимально конкретная реальность", "трансцендентально-необходимая категория жизни и мысли", конечно, именно для мифологизированного сознания. Здесь я готов утверждать, что собственно иного сознания и нет в реальности.*

Предлагаемый нами подход в понимании мифа имеет свою традицию. «Уже полвека западноевропейские ученые исследуют миф совсем с иной позиции, чем это делалось в XIX веке. В отличие от своих предшественников они рассматривают теперь миф не в обычном значении слова как «сказку», «вымысел», «фантазию», а так, как его понимали в первобытных и примитивных обществах, где миф обозначал как раз наоборот «подлинное, реальное событие» и, что еще важнее, событие сакральное, значительное и служащее примером для подражания. Но это новое значение слова «миф» делает его употребление в современном языке достаточно двойственным. И в самом деле, это слово употребляется в наши дни, обозначая как «вымысел», «иллюзию», так и «священную традицию, первородное откровение, пример для подражания», что близко и понятно, прежде всего, этнологам, социологам и историкам религии» [3, с.5].

Миф только по форме напоминает выдумку, на самом же деле это самая реальная по переживанию и творению действительность. Он эмоционально нагружен, жизнен и поэтому экзистенциален. *Миф можно рассматривать как экзистенциал – феномен и понятие, определяющие существование человека в мире.* Облеченный в слово миф может показаться нам всего лишь мысленной, идеальной конструкцией. Но это не так. Анализируя лексику "застоя", и сравнивая ее с лексикой "демократии", мы можем без труда обнаружить, что в "гуле языка" (Р. Барт) слышится дыхание времени. Лексика эпохи как бы творит ее и здесь очень трудно, а, скорее всего, невозможно определить, что порождает что: слова - эпоху или эпоха - слова. Такая нерасчлененность объясняется тем, что *в словах-символах оформляется миф, которым живет общество. Чтобы понять, насколько это важно для человеческого существования, а, в конечном счете, и для народа в целом следует, может быть, повнимательнее присмотреться к пониманию истины людьми. Ведь очевидно, что они действуют, исходя из своего представления об истине, а не по критериям научной объективности, тем более, что и сами последние в основе своей мифологичны¹.* Собственно все рассуждения о том, что наука разрушает мифы, неверны. Конечно, наука исследует

и объясняет мифы, но и только. *Внутренняя логика развития приводит к смене социальных мифов. На место старому мифу приходит новый. Миф коммунизма сменяется мифом цивилизованного капитализма. Наука не в состоянии разрушить мифы, так как они действуют как бы в пересекющихся мирах там, где речь идет об истине.* Вот как точно пишет об этом С.Кьеркегор в своем дневнике: "... Что мне действительно необходимо, - понять, что я должен делать, а не то, что я должен знать (хотя, в определенной мере, понимание должно предварять любое действие). Вопрос в том, чтобы понять самого себя, понять, для чего предназначен я Богом, вопрос в том, чтобы найти истину, истину для меня, найти то, для чего я смогу жить и умереть. Что толку в обнаружении так называемой объективной истины, пригодной для всех философских систем и способной, если потребуется, проверить их все и обнаружить несообразности внутри каждой; что пользы мне в возможности развить теорию государства, собрать все детали в единое целое, создав, таким образом, мир, в котором бы я не жил, но лишь являлся перед глазами окружающих; что пользы, если я смогу объяснить значение христианства, но это не имеет глубочайшего значения для меня и моей жизни; что толку, если истина предстанет передо мной холодная и нагая, не заботясь о том, узнаю ли я ее, заставляя меня дрожать от страха, но не пробуждая доверчивой преданности во мне? Я, конечно, не отрицаю, что признаю императив понимания и что, только принимая его, можно воздействовать на людей, но истина должна быть принята всей моей жизнью. Это и есть то, что я теперь полагаю наиболее важным вопросом"[4, с.136]. Очевидно, что *человек руководствуется такой экзистенциальной истиной, которая говорит ему, как поступать, что делать, как осуществлять выбор принципиально важный для его жизнедеятельности. Ни на один из этих вопросов объективная научная истина не отвечает, более того она может быть полезна только тогда, когда перестает быть истиной теоретической и вовлекается в жизнь, в миф. В последнем же вообще не может возникнуть вопроса о такого рода истине. Тем более, лишается смысла вопрос о реальности мифа. Человек живет в нем и с ним и уже поэтому миф реален, а мифические явления могут различаться только степенью своей бытийной напряженности.* Все эти рассуждения обретают более обоснованный и прагматический вид, как только мы обращаем внимание на фантомы, с которыми живут люди, как они увлекаются демагогами от политики, как до самоотречения верят тому или иному харизматическому лидеру, который вдруг здесь и сейчас предстал перед ними живым ... идолом.

Миф не только нейтрален по отношению к науке, но и к морали. Его нельзя оценивать с точки зрения морали. Он не может быть ни плохим, ни хорошим. У него иная функция. Она позитивна. Он предлагает модели мироустройства и тем самым придает смысл и значимость человеческому существованию. *Миф выполняет регулятивную функцию.*

Миф, безусловно, ориентирован на сохранение традиции, но в этом пункте есть момент, существенно разнящий современного цивилизованного человека и представителя архаического общества. Для первого события необратимы, второй же считает, что они могут повториться посредством ритуала. Но в контексте тех проблем, которые мы рассматриваем в статье, важно и то, что сознание находится в постоянном мифотворческом процессе: воспроизведении и сохранении мифа, или мифологическом осмыслении и освоении реальности. Именно в этом смысле мы отметили выше вопрос о создании новых мифов. Собственно они имеют только новую форму. Архетипические основания у них те же, что и у очень далеких наших предков.

Особенно явно процесс мифотворчества наблюдается при радикальном изменении социальных устоев общества, во времена перемен. «Миф оказался превзойденным лишь после открытия Истории, точнее после пробуждения исторического сознания в иудеохристианстве и расцвете этого сознания у Гегеля и его последователей, только после радикальной ассимиляции того нового способа бытия в меру человеческого существования. Но вряд ли можно говорить об уничтожении мифологического мышления. ... Оно выжило и сохранилось, хотя и радикальным образом изменившись. И парадоксальнее всего, что выжило и сохранилось оно прежде всего в историографии» [3, с.117]. Перманентность мифотворчества и преодоление его Историей представляют противоречивую специфику сознания современного человека. В политической действительности это обретает своеобразные формы. Например, поиски «благородного происхождения». «Народ без истории (то есть без исторических документов и историографии) как бы не существует». Эти идеи получают распространение в историографии народов центральной и восточной Европы. Подобная страсть являлась, несомненно, следствием пробуждения национального чувства в этой части Европы и очень скоро превратилась в инструмент политической борьбы и пропаганды. Желание доказать «благородное происхождение» и «древность» своего народа распространилось на юго-востоке Европы до такой степени, что все историографии, за редким исключением, ограничивались национальной историей и в конце концов, привели к самому настоящему культурному провинциализму» [3, с.182]. Собственно любой аспект политической действительности, а тем более идеологии может быть прекрасно проанализирован предлагаемой методологией. Она отнюдь не нова. Мы встречаем ее у З.Фрейда и К. Г.Юнга и у многих более поздних авторов².

Возможно, в отличие от них мы пытаемся систематичнее и последовательнее применить ее к анализу именно политики. Поэтому, безусловно, мы не можем не отметить замечания М.Элиаде (и не только его) о марксизме как эсхатологическом и миллениаристском построении. Маркс использовал один из самых распространенных эсхатологических мифов средиземноморского-азиатского мира – миф о справедливом герое-искупителе. Он обогатил его элементами мессианской (роль

освободителя пролетариата) и иудейско-христианской идеологии (борьба Добра со Злом, Христа с Антихристом). Еще более интересными являются выявленные исследователями факты воздействия средств массовой информации на сознание людей путем использования мифологических элементов. Персонажи комиксов, герои фильмов являются современной версией, как сказал бы Юнг, одних и тех же архетипов. Именно в этом аспекте есть больше всего оснований говорить о СМИ как четвертой власти. Посмотрите, как в визуальном пространстве телевидения создаются и низвергаются политические деятели, партии и блоки. Безусловно, лидер должен обладать определенными личностными характеристиками, но кроме этого он (или другие) должен строить свой образ так, чтобы этот образ совпадал с архетипами коллективного бессознательного.

Миф символичен и в этом смысле может быть схематичен или аллегоричен. Но символика мифа не противоречит его реальности, конкретности, субъективности. Вот пример: два флага - белый и красный. Будучи символами, они поднимают в нашем сознании и памяти очень глубокие пласты, и разве мы можем не признать их реальности и значимости для нас. Если эти символы всего лишь фикция, то почему парламентарии поднимают белый флаг и доверяют свою жизнь ему. Гибли тысячи людей, защищая другой флаг. Очевидно, что осмысленная символика цвета создала культуру даже там, где все направлено на уничтожение человека — культуру ведения войны. (И Нюрнберг или Международный трибунал в Гааге - это тоже факты этой культуры.) Осмысляя данную нам вещь или явление непосредственно, напрямую, мы как бы маркируем ее символически. Потом мы можем осмыслять ее научно, религиозно и т.д., но она уже нами понята, включена в "семиотическое поле", окультурена. Это и есть процесс создания мифа и шире — культуры.

По сути, все наши предыдущие и последующие рассуждения о мифотворчестве человека, как представителя определенного социума (народа, нации, этноса), обозначены координатами философских понятий *zoon politicon* у Аристотеля и *zoon symbolicon* у Кассирера. Для Кассирера нет действительности вне символических форм. Только через них возможен доступ к "идеальному миру", который открывается через религию, философию, искусство, науку, политику и т.п. Такой подход позволяет понять актуальность и значимость современного мифотворчества в процессе обуздания социального хаоса.

Резюмируя открытия философии мифа, мы скорее согласимся с теми исследователями, которые отстаивают *принципиальное единство логики мифа с логикой современного мышления*. (Это отнюдь не противоречит приведенному выше утверждению о его специфике.) С такой точкой зрения мы сталкиваемся у Леви-Строса. Различия между первобытным и современным мышлением он видит не в недоразвитости первого, не в формах и принципах мышления, а в том, что для логического умозаключения берутся разные основания. «Может быть, в один

прекрасный день мы поймем, что в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в мышлении научном, и человек всегда мыслил одинаково «хорошо». Прогресс – если этот термин по-прежнему будет применим – произошел не в мышлении, а в том мире, в котором жило человечество, всегда наделенное мыслительными способностями, и в котором оно в процессе долгой истории сталкивалось со все новыми явлениями» [5, с.207]. Не умаляя ум современного человека, тем не менее, можно утверждать, что при мифотворчестве он функционирует как ум первобытного человека, то есть, нарушая и обходя законы формальной логики. Он не замечает логических противоречий, допускает нарушение закона исключенного третьего, свободно манипулирует причиной и следствием и т.п. Принцип сопричастности, эмоционального единства оказывается для него важнее истины или правил логики, посредством которых она достигается. “Динамическая структура мифа есть структура метаморфозы его образов и их движения по кривой смысла. Это и есть собственно Логика мифа” [6, с. 8]. Она основана на воображении, на имагинативной способности сознания. С высоты достижений нашего ума мы иногда снобистски пренебрежительно считаем эту способность не главной, детской. На самом деле: “Пока не угасло воображение, до тех пор есть, есть и есть логика чудесного. Вычеркнуть ее можно только с истиной. ... Деятельность воображения ... высшая форма мышления, как деятельность одновременно и творческая и познавательная” [6, с. 9,12]. И далее: “...Там, где в мире действительном проявляется причина и действие согласно законам естественной необходимости, там в мире воображения, в мифе, имеется в латентной форме основание и следствие, порожденные и связанные между собой только абсолютной свободой и силой желания, то есть творческой волей воображения, играющего роль естественной необходимости. “Так хочет” моя логика – таков закон необходимости в творческом желании” [6, с. 17]. *Поэтому никакие доводы не вовлеченных в процесс мифотворчества не доходят до тех, кто увлечен своим желанием – стать нацией, достроить себе древнюю родословную, расширить тезаурус своей культуры за счет других народов и т.п.*

Но почему мы нуждаемся в мифе и постоянно творим его. Ответ снова находим у Р.Барта: «Дело в том, что идеологизация и ее противоположность, вероятно, представляют собой все те же магические типы поведения, вызванные слепым страхом, замороженностью перед лицом разорванного социального мира» [1, с. 130]. *В политике мифотворится настоящее и предлагается народу.* Если политики это делают в соответствии с ментальностью народа, его ожиданиями, то достигается внутренняя политическая стабилизация, преодолевается страх социального хаоса, что ведет, несомненно, к процессам интеграции общества в целом.

II.

«Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее. Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую».
(Левин-Стросс К. Структурная антропология.)

По отношению к мифу могут складываться две позиции: существование в мифе, внутри мифа и осмысление его извне, по сути, с точки зрения, другого мифа. Взгляд извне означает взгляд с позиции другой культуры, с точки зрения другого мифа.

Если переносить все сказанное выше в область прикладных политических исследований, то можно утверждать, что в Крыму складываются несколько пластов мифологий общественного сознания. Это связано, прежде всего, с тем, что здесь проживают, по крайней мере, три большие этнические группы. **Подавляющее большинство так называемого русскоязычного населения (ядро составляют этнические русские) до сих пор живет в советском мифе.** Сколько бы мы не ерничали по поводу *совка*, и не отрицали реальность советского человека, он сложился как некая общность людей, которая есть сила и проблема. Имеет ли смысл давать этому факту оценки, называть этих людей манкуртами. На наш взгляд, нет, так как в этом случае мы уподобляемся унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекла. Очевидно, что наш современный демократизм, национализм и любой другой «изм» не более подлинный, чем наша «советскость». А точнее - они такие же реальные, как и это последнее качество. Следовательно, чтобы окончательно преодолеть стадию политического романтизма, надо иметь в виду, что русскоязычное население в Крыму на сегодня составляет большинство и с ним надо считаться. Русская идея, обеспечившая президенту Ю.Мешкову победу на выборах, явно обозначила волю русскоязычного населения Крыма. Но это не была этнически русская идея, вектор ее имел не столько географическую направленность в сторону России, сколько временную - в прошлое, к СССР как России. Желание воссоздать Советский Союз, воссоздать единство огромной страны доминировало и доминирует в сознании большинства населения Крыма. Безусловно, мифы, с которыми живут эти люди и творят свою повседневную реальность, претерпевают определенную трансформацию и преобразуются, но процесс этот крайне сложный и длительный. Ситуации могут меняться, меняться могут политические лозунги, даже на диаметрально противоположные, однако невозможно изменить логику мифотворчества. Поэтому нет ничего удивительного, что все бывшие республики СССР развиваются почти по одинаковому сценарию.

Второй миф как реальность, с которым мы имеем дело в Крыму, это миф крымских татар о себе как коренном народе Крыма. Снова подчеркнем, что под мифом мы понимаем не обыденное толкование слова, а реальность, творимую народом по законам мифотворчества, имеющим венаучную процедуру построения и доказательства истинности. Поэтому последнее упоминание о мифе крымских татар как о коренном народе не носит оценочный характер. Мы только фиксируем то, что

реально сегодня существует - эта часть населения Крыма живет в созданном им или его элитой реальности, в которой мыслит себя как коренной народ. В настоящее время это не меньшая реальность, чем первый миф русскоязычного населения. Конституция и законы Украины со временем наверняка определяют политическое содержание понятия «коренной народ», многое, наверное, определится в документах Курултаев и Меджлиса, но главное для нас то, что это понятие становится мифологемой народа. Он начинает жить этой идеей и творить себя и свою культуру под ее сильным воздействием. И этот процесс идет безотносительно к тому, насколько оперативно законодательство Украины откликается на него или насколько эффективно исполнительная власть реализует те или иные постановления по обустройству крымскотатарского народа в Крыму.

Разные мифы, складывающиеся на одной территории в данной стране, - это основа будущих конфликтов. Если не будет создан единый миф, единая жизненная реальность, то конфликты неизбежны. Единый миф для разных этносов - это единая логика его построения и постоянный диалог по всем несопадающим пунктам, в результате которого государство, чтобы сохраниться как единое, должно иметь в каждый момент времени согласованную шкалу ценностей и как гарантию общие интересы своих граждан.

Проблема усугубляется тем, что Крым является перекрестком культур, местом встречи различных цивилизаций. Такие встречи не только определяют ход истории, но и придают ему динамику. Именно здесь происходит диалог культур, их взаимное обогащение. Как отмечает Сэмюэл Хантингтон, ближайшие десятилетия будут временем конфликтов, обусловленных схватками цивилизаций. Под цивилизацией он понимает высшую ступень культурного объединения людей, имеющих объективные основания общности: язык, историю, религию и в конце концов самосознание самих людей. В Крыму встретились две цивилизации: славяно-православная и исламская. Отношения между ними в целом, возможно, определяют и конкретные рамки диалога или конфронтации в Крыму. Сегодня было бы преувеличением говорить, что исламский фундаментализм активно проникает в среду крымских татар, но какими замысловатыми путями может проникнуть в их среду исламский экстремизм, предсказать не сложно. Собственно для этого достаточно выявить те общие условия, которые наблюдаются в странах, непосредственно столкнувшихся с этим явлением.

Развитие православной и мусульманской конфессий в Крыму происходит как бы в двух параллельных мирах. Я имею в виду не заявления их глав, а реальное течение внутренней жизни общин. Пока обе стороны избегают публичной политики, сосредоточив свои усилия на просвещении своей паствы. Обе конфессии активно восстанавливают храмы и мечети, посылают на учебу своих активистов. Но церковь как институт есть лишь оформление религиозности, а в исламе нет даже такой институционализации, как в православии. Безмятежность формальных отношений еще не свидетельствует о том, что нет цивилизационных разногласий или найдена приемлемая форма диалога.

В коллективном бессознательном народа, как гиперличности, «теплится и древняя идея национального превосходства. Это псевдопроблема, нерешаемая на логическом уровне – уж очень много противостоящих друг другу аргументов можно выдвинуть

при попытке к размежеванию. Тем более, неразрешима она методом насилия – в этом случае национальная боль лишь загоняется в подполье с тем, чтобы вспыхнуть с новой силой в моменты политических обострений. Возможно только компромиссное решение, основанное на поиске содружества».⁷ Оно достигается не обязательно формальным заключением договора, а непрерывным подтверждением его легитимности посредством созидания общих мифов и структур повседневности.

Примечания

¹ «Вопрос «почему» не всегда позволяет задавать и наука. Почему соединение плюса (+) и минуса (-) электричества дает искру и свет? Почему камень, подброшенный вверх, падает? И если в последнем случае наука отвечает: «В силу закона тяготения», то этот ответ столь же чудесен, как и ответ Шопенгауэра на вопрос, почему падает камень. Камень падает потому, что так хочет камень. Но почему камень, повисающий в пустоте над головой Тантала, только грозит упасть, но не падает, - почему? Потому что так хочет Зевс, отвечает миф». Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М., 1987, с. 21

² «В нашем мифологическом учении об инстинктах легко найти формулу косвенных методов борьбы с войной. Если готовность к войне проистекает из инстинкта деструктивности, то ближайшим средством будет призвание противоположного ему инстинкта, Эроса. Все, что устанавливает эмоциональные связи между людьми, должно противостоять войне. Такие связи могут быть двоякого рода. Прежде всего это отношения, подобные отношению к объекту любви – даже при отсутствии сексуальной цели. Психоанализ не нуждается в том, чтобы стыдиться, говоря о любви – ведь религия говорит то же самое: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Только это легко предписать, но трудно исполнить. Другого рода эмоциональная связь возникает через идентификацию. Все, что представляет собой для людей общезначимый интерес, возбуждает подобную общность чувств, идентификацию. На этом в значительной мере покоится здание человеческого общества». Фрейд З. Почему война? // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М., 1992, с. 266.

Список литературы

1. Барт Р. «Мифологии» // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. - М., 1989.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М., 1991.
3. Олиаде М. Аспекты мифа. – М., 1996.
4. Кьеркегор С. "И это было светом его очей...". Фрагменты из дневника (1834-1842). // Новая Юность. № 2, 1993.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1985.
6. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М., 1987.
7. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М., 1993.

Поступило в редакцию 18 мая 2001 г.

УДК 327.82

Ганоу Усама Исмаил

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ ООН В КОНТЕКСТЕ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Уже более пятидесяти лет Ближний Восток является одним из самых "горячих" районов земного шара. Четвертое поколение жителей этого региона существует в условиях непрекращающихся вооруженных столкновений. Сердцевиной ближневосточного конфликта была и остается палестинская проблема. Все происходившие и происходящие конфликты прямо или косвенно связаны здесь с палестино-израильским, а в более широком контексте – арабо-израильским противостоянием.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Завершение Второй Мировой войны и поражение нацистов в некоторой степени способствовало тому, что сионисты подняли вопрос об образовании еврейского государства на территории Палестины. Этот вопрос был вынесен на рассмотрение в Организацию Объединенных Наций.

Атмосфера, в которой рождалось первое решение ООН по палестинской проблеме, создавалась и под воздействием целого ряда эмоциональных факторов, в немалой степени способствовавших формированию позиции многих из тех, от чьих голосов зависело это решение. Это прежде всего сочувствие к жертвам фашизма, среди которых были европейские евреи. Несколько миллионов евреев погибло от рук нацистов. Сотни тысяч уцелевших людей оказались без крова и средств к существованию. Многие из них нашли временный приют в лагерях для перемещенных лиц. Сионисты активно работали с "перемещенными" евреями, склоняя их к поселению на "земле обетованной", где, убеждали они, уже сложился "еврейский национальный очаг" и появилась перспектива превращения его в государство. В глазах измученных годами травли и послевоенными невзгодами "перемещенных лиц" Палестина приобретала, таким образом, особую притягательность и казалось единственным выходом.

Ко всему прочему, во время рассмотрения вопроса об образовании Израиля практически не возникало серьезных аргументов против разделения Палестины, чему во многом способствовали миролюбивые заверения сионистских лидеров. Так, кандидат в президенты будущего еврейского государства Хаим Вейцман убеждал: "Не может быть и речи о нашем господстве над арабами в смысле отнятия у них их естественных прав или их языка или какого-либо вмешательства в их культурную

жизнь". Ему вторил кандидат в премьеры Бен Гурион: "Мы будем относиться к нашим арабским и другим нееврейским соседям... как к евреям, прилагая усилия к тому, чтобы они могли сохранить свой арабский характер, свой язык, свою арабскую культуру, свою арабскую религию, свой арабский образ жизни, и в то же время, делая все, чтобы... постепенно поднимать уровень жизни..."[1, с. 92-93]

Учитывая изложенные выше факты, Генеральная Ассамблея ООН провела две специальные сессии, посвященные палестинскому вопросу¹, и 29 ноября 1947 года приняла небезызвестную Резолюцию № 181. Именно этот документ стал точкой отсчета палестинской проблемы в современном международном праве. Некоторыми историками-аналитиками высказывается мнение, что своевременное и скрупулезное выполнение всех постановлений резолюции 1947 года действительно привело бы к нормализации положения в Палестине и устранению условий для возникновения очага напряженности на Ближнем Востоке. Рассмотрим некоторые основные положения, декларируемые данной резолюцией.

Основная идея Резолюции № 181 – образование на территории Палестины двух государств: государства арабского и государства еврейского. Другими словами, Организация Объединенных Наций законодательно закрепила право на существование еврейского государства. В этой резолюции были изложены условия, относящиеся как к процедуре образования государства, так и к его конституционным основам.

Относительно арабского государства Резолюция № 181 не только признает наличие у арабского народа Палестины законного основания для выдвижения требования о самоопределении, но и ставит выполнение его на первое место. В резолюции говорится об арабском и еврейском государствах. Кроме того, резолюция детально описывает границы арабского государства, так как именно их начертание взято за основу раздела Палестины. Нельзя не отметить, тот факт, что резолюция специально оговаривает абсолютное равноправие народов, населяющих Палестину, запрещает будущим государствам прибегать к каким бы то ни было дискриминационным мерам по отношению к меньшинствам, оказавшимся на их территории. Резолюция формулирует основные принципы конституционного права этих государств, которое по мысли авторов резолюции должно носить демократический характер, а также вменяет в обязанность их правительствам проведение миролюбивой политики.

Заметим сразу же, что вопрос о процедуре, которая должна была привести к появлению на территории Палестины двух независимых государств и международной зоны Иерусалима, имел далеко не формальное значение. Эта процедура была рассчитана на создание юридических и политических предпосылок независимости арабского и еврейского государств и их последующего конституционного развития на демократической основе. Учитывая сложность этого процесса, авторы резолюции предусмотрели максимально сжатые, но в общем вполне достаточные сроки поэтапного движения к обретению образуемыми государствами своего суверенитета в полном объеме. Осуществляться оно должно было под руководством Палестинской комиссии ООН в течение двухмесячного периода после окончания эвакуации британских войск, завершаемой не позднее 1

августа 1948 года. Крайним сроком установления независимости упомянутых государств было названо 1 октября 1948 года. Следовательно, Палестинская комиссия, к которой в процессе вывода английских войск должен был перейти полный контроль над страной, имела бы в своем распоряжении минимум два месяца для проведения всех необходимых мероприятий по созданию конституционных основ будущих государств. Этим двух месяцев в принципе было бы достаточно и для демаркации границ.

Комиссии поручалось образовать временные органы управления на территориях, отведенных для арабского и еврейского государств, и передавать этим государствам свои полномочия постепенно. Временным органам вменялось в обязанность провести в течение указанного выше двухмесячного срока демократические, без какой-либо дискриминации, выборы в учредительные собрания, а уже этим последним предстояло выработать конституции своих государств и выбрать временные правительства. В резолюции не только изложены некоторые обязательные положения будущих конституций, но содержится и полный текст декларации, которую временные правительства обоих создаваемых государств были обязаны представить Организации Объединенных Наций "до того, как они станут независимыми". Из всего этого явствует, что авторы резолюции 1947 года предусмотрели вполне определенные юридические гарантии против самоуправства временных административных органов, формируемых из представителей местного населения². Будь эти гарантии реализованы, ситуация, наверное, развивалась бы не так, как к сожалению, произошло в действительности.

О каких конституционных основах шла речь? Прежде всего, о принятии самих конституций демократически избранными учредительными собраниями и о включении в эти конституции обязательств о проведении миролюбивой внешней политики, исключающей экспансионизм и агрессивность. Кроме того, в резолюции содержалось обязательное требование ввести в текст конституции соответствующие положения о правах национальных и религиозных меньшинств, о равноправии граждан во всех областях государственной и общественной жизни, о запрещении какой-либо дискриминации по признаку расы, религии, языка или пола. С учетом опыта сионистского "завоевания земли" во времена английского мандата предусматривалось, что в конституциях будет статья (или статьи) следующего содержания: "Не допускается отчуждения земли, которой владеют арабы в еврейском государстве (или евреи в арабском государстве), за исключением тех случаев, когда это требуется общественными интересами. Во всех случаях отчуждения выдается полное вознаграждение, определяемое Верховным судом и выплачиваемое до того, как земля отнята".

Часть вышеизложенных положений была сформулирована в тексте Декларации, той самой, которую каждое временное правительство должно было представить в ООН до провозглашения независимости своего государства. Все они являются одновременно и конституционными положениями, поскольку в резолюции недвусмысленно сказано, что главы 1 и 2 Декларации включаются в конституции обоих государств, причем "никакие изменения в них не могут делаться без согласия Генеральной Ассамблеи". Впрочем, как конституционный документ

мыслилась вся декларация. Условия, содержащиеся в Декларации, признаются как основные законы данного государства, и никакой закон, обязательное постановление или действие правительства не может иметь большей силы, чем эти условия и требования. Следовательно, к заранее обусловленным конституционным основам еврейского (и арабского) государства относятся и положения главы 3 декларации, хотя и не включаемой в конституцию, но рассматриваемой как один из основных законов. Эта глава имеет особую важность, так как в ней сформулированы четкие правила установления гражданства. Палестинские граждане, живущие в Палестине вне Города Иерусалима, а также те арабы и евреи, которые не являются палестинскими гражданами, но живут в Палестине вне пределов Города Иерусалима, должны после признания независимости стать гражданами того государства, в котором проживают, и пользоваться всеми гражданскими и политическими правами. Право выбора гражданства (в течение одного года) ограничено одним исключением: араб, живущий на территории будущего арабского государства, не может избрать гражданство еврейского государства так же, как еврей, живущий на территории будущего еврейского государства, не может избрать гражданство арабского государства.

Процедура образования двух государств с заранее определенными конституционными основами и обязательствами перед ООН, друг перед другом (в частности, относительно создания экономического союза) и перед своими будущими гражданами и представляет собою совокупность тех условий, на которых Объединенные Нации согласились разделить Палестину и дали возможность появиться еврейскому государству рядом с государством арабским. Тот факт, что большинство из условий оказалось невыполненным, ничего не меняет. Организации Объединенных Наций Израиль обязан своим правом на жизнь. Поэтому огромное значение для Израиля имеет неукоснительное соблюдение обязательных и не утративших силу условий и требований резолюции 1947 года, а также всех других относящихся к нему решений ООН. Об этом ему напомнили, когда встал вопрос о его приеме в члены ООН. Произошло, как известно, это не сразу. Прежде чем решить вопрос, принимать или не принимать Израиль в ООН, от него потребовали отчета о том, как он выполняет резолюцию ООН 181 [2, с.556] от 29 ноября 1947 года, а также резолюцию ООН 194(III) от 11 декабря 1948 года, подтверждающую международный статут Иерусалима и право палестинских беженцев на возвращение.

В настоящее время, по прошествии более пятидесяти лет, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181 с международно-правовой точки зрения все еще остается невыполненной в части образования арабского государства. Во многом причиной этого является неисполнение и нарушение предписаний, установленных вышеуказанной Резолюцией со стороны Израиля, что в свою очередь является нарушением норм международного права.

В оккупации Израилем территории, отведенной Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1947 года для образования арабского государства, наряду с неисполнением предписаний Организации Объединенных Наций относительно процедуры образования арабского и еврейского государств можно выделить еще

один юридический аспект проблемы. Он заключается в нарушении международно-правовых норм, касающихся недопустимости угрозы силой или ее применения.

ОСНОВНЫЕ НАРУШЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РАМКАХ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

В Уставе ООН говорится, о том, что в международных отношениях недопустима угроза силой или ее применение как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций (п. 4 ст. 2). Устав обязывает государства разрешать международные споры мирными средствами (п. 3 ст. 2) и жить в мире, как добрые соседи.

В ст. 1 Устава ООН подчеркивается, что мирное урегулирование должно проводиться "в согласии с принципами справедливости". Это значит, что никакое "мирное урегулирование" не может быть навязано государству в ущерб его жизненным интересам, в нарушение его суверенных прав.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Устава ООН члены Организации обязались проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, разрешение международных споров или ситуаций, которые могут повести к нарушению мира. В п. 3 ст. 2 Устава подчеркивается, что члены ООН не должны подвергать угрозе международный мир и безопасность.

В Уставе (ст. 33) перечислены и те средства, к которым обязаны прибегать стороны в случае возникновения спора между ними: переговоры, обследование, посредничество, примирительные комиссии, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным органам или соглашениям или к иным мирным средствам по своему усмотрению.

Из принципа запрещения агрессивной войны вытекает другой важнейший принцип современного международного права – обязательность использования мирных средств в случае возникновения споров между государствами. Обе нормы являются ныне универсальными нормами. Современное международное право не предусматривает случаев, когда эти нормы могли бы быть "обойдены государством". Обязательность их применения носит всеобщий характер, оно не ограничено ни в отношении субъекта, ни в отношении той или иной ситуации, которая может возникнуть на международной арене.

Израиль нарушил одновременно обе эти нормы, начав агрессивные действия против своих соседей-палестинцев, отказываясь до настоящего времени от какого бы то ни было реального мирного урегулирования.

С самого начала ООН рассматривала агрессию Израиля против палестинцев как ситуацию, угрожающую поддержанию международного мира и безопасности.

В соответствии с Уставом ООН, чтобы предотвратить ухудшение ситуации, Совет Безопасности уполномочивается, прежде чем сделать рекомендации или решить о принятии мер, предусмотренных ст. 39, потребовать от заинтересованных сторон выполнения тех временных мер, которые он найдет необходимыми и желательными. Такие временные меры не должны наносить ущерба правам,

притязаниям или положению заинтересованных сторон. Совет Безопасности должным образом учитывает невыполнение этих временных мер.

Израиль игнорировал резолюции Совета Безопасности ООН. В результате действий Израиля вся территория Палестины, установленная Генеральной Ассамблеей ООН в 1947 году, в настоящее время является оккупированной. А это означает явное нарушение Израилем ст. 40 Устава ООН.

Политика государства Израиль свидетельствует о том, что его руководители исходят из доктрины допустимости применения силы и войны для осуществления своих политических целей.

Эта доктрина, разработанная рядом политологов и юристов, утверждает, что, несмотря на существование ООН и известных положений ее Устава, за государствами остается право применять насилие в качестве "последнего средства", имея в виду осуществление их политических целей. "Если государство не способно решить свой спор полюбовно, - пишет английский юрист Дж. Старк, - его разрешение может иметь место принудительными средствами"[3, с. 117]. "Международным отношениям, - утверждает французский юрист К. Кольяр, - присущи специфические формы разрешения споров как мирного, так и насильственного характера" [4, с.67].

На этой же точке зрения – допустимости войны в качестве одного из крайних, но законных методов разрешения спора стоят Р. Хиггинс, Дж. Брайерли и др.

Особенность современных международных отношений, и международно-правовых в частности, заключается в наличии принципа неделимости мира, что означает обязанность всех государств, участвующих в международном общении, содействовать укреплению мира, либо его восстановлению, а также наказанию агрессора. Эта обязанность выражается и в том, что государства не должны своими действиями создавать осложнений, могущих вызвать международный конфликт. С особой силой это следует подчеркнуть в связи с событиями на Ближнем Востоке, которые намного осложняют и без того напряженную и опасную международную обстановку.

Нарушения, касающиеся территориальной неприкосновенности. Как уже было сказано выше, принцип международного права о недопустимости угрозы силы или ее применения в полной мере относится к запрещению нарушения территориальной неприкосновенности любого государства. Думается, что в данном отношении Палестину можно признать «арабским государством», так как по существу государства в международно-правовом смысле этого слова не было создано именно в силу противоправных действий Израиля.

Безусловным правом каждого государства является его право на вооруженную защиту от агрессии в интересах охраны своего суверенитета, закрепленное ст. 53 Устава ООН. Уже в 1948-1949 годах Израиль силой захватил значительную часть территории арабского государства, образование которого предусматривалось решением ООН: всю Западную Галилею, часть сектора Газа, район Лидды и Рамле. Кроме того, в их руках оказался западный сектор международной зоны Иерусалима. Незаконно оккупированные современные кварталы "святого города" сионисты поспешили объявить "столицей" государства Израиль, игнорируя протесты со

стороны фактически всех членов ООН. Впоследствии Израиль продолжал оккупацию, и уже в 1967 году вся территория Палестины находилась под его властью.

Израильские войска проводили систематическую оккупацию территории по мере эвакуации английских вооруженных сил, стремясь захватить как можно больше и не считаясь с границами, установленными ООН. Небезызвестная в истории арабо-израильского конфликта деревня Дейр Ясин находилась в пределах международной зоны Иерусалима, а не будущего еврейского государства, Яффа должна была войти в состав арабского государства, Западная Галилея тоже и т.д. Израильская газета "Гаарец" вспоминала в 1967 году, что Бен Гурион как кандидат на пост премьер-министра и министра обороны категорически воспротивился определению границ Израиля в официальном документе о его провозглашении, ссылаясь на то, что и Америка в момент провозглашения своей независимости в 1776 году тоже уклонилась от определения своих границ. С тех пор вон как расширились ее границы, убеждал Бен Гурион своих коллег, - тринадцать штатов превратились в пятьдесят. Пример показался убедительным. На том и порешили: границ Израиля не определять, а резолюцию ООН, установившую эти границы, игнорировать.

Уже 30 июня 1948 года в израильском официальном вестнике "Решумот" появился "Ордонанс о покинутых районах". Власти наделили себя правом по своему усмотрению объявлять "покинутым" любой район страны, "завоеванный вооруженными силами или сдавшийся им или покинутый всеми или частью своих жителей" и управлять этим районом.

В ноябре-декабре 1948 года "чрезвычайными постановлениями" израильского правительства был введен принцип присвоения собственности "отсутствующих лиц", который в 1950 году был окончательно закреплен "Законом о собственности отсутствующих". В марте 1953 года Кнессет утвердил "Закон о приобретении земли", легализовавший практику передачи еврейским поселенцам и их кооперативам земель, конфискованных у вполне "присутствующих" арабских граждан Израиля. В апреле 1958 года "Законом о сроке давности" были установлены правила, согласно которым немногие арабские землевладельцы могли доказать свое право на землю: для этого надо было обладать соответствующими документами 20-летней давности, т.е. периода британского мандата, когда мало кто имел такие документы. На "основании" этих законов 3 июля 1967 года был принят новый ордонанс "О покинутом имуществе частных лиц". Израильские военные власти получили таким путем "право" присваивать денежные средства, товары, движимую и недвижимую собственность арабов, покинувших оккупируемые районы.

Пытаясь обосновать свои права на захваченные земли, израильское правительство выдвигает различные мотивы, которые, по его замыслам, должны придать устремлениям Израиля некую международно-правовую форму. Основной "довод", который выдвигается израильскими правящими кругами, заключается в том, что обладание захваченными землями якобы необходимо Израилю "для защиты его безопасности". Говоря об отказе вывести войска с оккупированных

земель, премьер-министр Израиля Голда Меир подчеркивала: "Мы не пойдем ни на какие уступки, которые бы могли поставить под угрозу наши права и нашу национальную безопасность". Ее предшественник, премьер-министр Леви Эшкол уже в июне 1967 года заявил, что - Израиль не согласится вернуться к тому положению, которое существовало неделю назад. Мы вправе определить, что составляет истинные жизненные интересы нашей страны, и они должны быть обеспечены.

Выдвинутая в период господства в международных отношениях грубой силы, эта теория в современных условиях утратила свою легитимность и не соответствует современному международному праву. Устав ООН, Декларация Генеральной Ассамблеи о предоставлении независимости колониальным странам и народам содержат нормы и положения, которые не оставляют места для применения подобного рода доктрины, основанной на теории "эффективного владения". Тем не менее, израильские руководители ссылаются на то, что созданные ими органы власти действуют на оккупированной территории, "обеспечивая применение израильских законов". Особый упор при этом делается на экономическое освоение занятых земель как обоснование того, что они отныне входят в состав государства Израиль.

Израильские правящие круги также нарушают принцип неприкосновенности государственной территории, являющийся общепризнанным принципом международного права, закрепленным в целом ряде международных актов. Но что особенно важно, принцип территориальной неприкосновенности государств зафиксирован в Уставе ООН. Равным образом этот принцип подтвержден в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 г. В этой декларации указывается, что всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций. В этой же декларации подчеркивается, что "все народы имеют неотъемлемое право на полную свободу, осуществление своего суверенитета и целостность их национальной территории".

Равным образом незаконным является распространение израильского гражданства на жителей оккупированных территорий. Выдаваемые израильскими властями удостоверения личности в качестве "подданных" Израиля в период захвата территорий не имеют законной силы с точки зрения международного права.

Как известно, международная практика знает случаи перемены гражданства в результате изменения государственных границ и перехода части территории одного государства к другому. В этом случае изменение гражданства может проходить в результате оптации, то есть в силу добровольного выбора тем или иным лицом одного из двух гражданств, либо же путем трансферта, то есть автоматического изменения гражданства в связи с произведенными территориальными изменениями. И оптация, и трансферт могут иметь место лишь в случае территориальных изменений, опирающихся на нормы международного права, на основе взаимной договоренности государств, то есть таких территориальных изменений, которые не

представляют собой покушения одного государства на суверенные права другого. В связи с этим никакое изменение гражданства населения, проживающего на территориях, оккупированных Израилем, не может быть признано обоснованным с точки зрения международного права.

Можно резюмировать, что Устав ООН, договорная практика государств и международно-правовая практика Организации Объединенных Наций рассматривают территориальную неприкосновенность государства как воплощение суверенитета, как условие осуществления народом своих суверенных прав, в число которых входит территориальное верховенство субъекта международного права. Следовательно, посягательство на территорию «арабского государства», ее захват и присоединение к своей территории является покушением на суверенные права другого народа и государства, грубым нарушением его государственного и национального суверенитета.

Нарушения, касающиеся военных действий в Палестине. Ведение агрессивных действий против палестинцев не могло не вызвать сопротивления с их стороны. В данной связи сразу проясним вопрос о том, кем являются «борцы за освобождение Палестины» – партизанами или террористами. К сожалению, международное право до сих пор не вывело четкого определения терроризма. Общее мнение сводится в настоящее время к двум основным признакам терроризма, как применение силы к гражданским лицам для достижения определенных политических или религиозных целей. Действительно, такие случаи имеют место, подтверждением чему является небезызвестный взрыв в одном из супермаркетов Тель-Авива, но подобные случаи носят неорганизованный характер и являются ответной реакцией на действия израильских войск на оккупированных территориях. В большинстве же своем палестинское сопротивление имеет организованную структуру и направлено на вооруженные силы Израиля.

Еще 12 июня 1968 г. в Каире был создан Национальный палестинский совет, ставший высшим руководящим органом палестинского движения сопротивления. В него входило около ста членов-представителей основных палестинских организаций: Национальное освобождение и подчиненные ей военные, рабочие и студенческие организации; "Аль-Фатх" и связанные с ней организации; Народный фронт освобождения Палестины и др. Наиболее крупными являются Национальное освобождение и "Аль-Фатх".

Первая организация, созданная в 1964 году, была признана Лигой арабских стран и большинством арабских государств (ОАР, Сирия, Алжир, Ирак, Иордания, Кувейт, Ливан, Судан, Марокко). Вооруженная партизанская борьба этой организации осуществляется палестинской освободительной армией и народными силами освобождения.

Организация "Аль-Фатх" окончательно сформировалась в 1965 году и является наиболее боеспособной. Действия ее партизанских соединений - "Аль-Асифа" - получили широкую известность своими масштабами.

Израильские власти вынуждены держать в постоянной боевой готовности крупные военные и полицейские силы в районе Западного берега реки Иордан и в

районе Газы, обрушивая репрессии на мирное население и партизан. В настоящее время тысячи борцов против израильской оккупации томятся в тюрьмах.

Ведя борьбу за осуществление законного права жить на своей земле свободно и независимо, палестинские арабы оказывают сопротивление Израилю в виде партизанского движения, и это означает, что в данном случае должны применяться нормы международного права, касающиеся военных действий.

С точки зрения международного права партизаны должны рассматриваться как комбатанты, то есть равноправные участники военных действий воюющих сторон, и в случае пленения им должен быть предоставлен режим военного плена со всеми вытекающими последствиями. Об этом прямо говорится в пп. 2 и 6 ст. 4 Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. и пп. 2 и "б" ст. 13 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г.

Организованное движение сопротивления на оккупированной Израилем территории в соответствии с международным правом имеет статус воюющей стороны, что требует от Израиля соблюдения всех законов и обычаев войны.

Женевская конвенция о защите мирного населения во время войны запрещает применение каких-либо санкций против мирного населения за действия партизан. Однако в тщетных попытках остановить борьбу народа против оккупантов израильская армия применяет репрессии против мирного населения. Так, в ноябре 1969 года генерал М. Даян провозгласил так называемые "коллективные репрессии" (если раньше бросали в тюрьму лишь тех, кто лично подозревался в связях с партизанами, то по приказу Даяна в тюрьму стали бросать всех мужчин, проживающих поблизости от того места, где были замечены партизаны). Дома арестованных взрывают или сносят бульдозерами. Обозреватель лондонской газеты "Таймс" Э. Ходжескин, возвратившийся из поездки на захваченные Израилем территории, писал, что за два с половиной года оккупации израильские войска разрушили более 7 тыс. домов, принадлежащих арабскому населению. В это число входят целые деревни, разрушенные "по соображениям безопасности и по подозрению в сочувствии партизанам".

На протяжении всей истории арабо-израильского конфликта процедура решения палестинской проблемы, которую пытаются навязать арабам, не имеет ничего общего с процедурой мирного урегулирования, посредством переговоров. Для того, чтобы дипломатические переговоры действительно служили делу мирного урегулирования спорного вопроса необходимо, чтобы в их ходе было соблюдено равноправие сторон и взаимное уважение суверенитета. Признание и уважение суверенитета – один из незыблемых принципов современного международного права.

Примечания

¹Первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи по палестинскому вопросу, проходила в апреле 1947 года, вторая – в сентябре - ноябре 1947 года.

²В рекомендациях образованного Генеральной Ассамблеей в мае 1947 года Специального комитета по вопросам Палестины, на основании которых был составлен "План раздела Палестины", принятый

сначала Специальной (Ad Hoc) комиссией Генеральной Ассамблеи, а затем одобренный на пленарном заседании II сессии Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1947 года в форме резолюции 181 (II), прямо и недвусмысленно сказано: "Независимость даруется каждому государству по его просьбе только после того, как оно примет конституцию, удовлетворяющую условиям положений статьи В. 4 (ниже "Плана раздела". - В. Л.), представит Объединенным Нациям декларацию, содержащую ряд определенных гарантий, и подпишет договор о создании Палестинского экономического союза и учреждении системы сотрудничества между обоими государствами и городом Иерусалимом".

Список литературы

1. Don Peretz. Israel and Palestine Arabs. – Washington. 1958.
2. Encyclopedia of Zionism and Israel. - // Edit. by Raphael Patai. New-York, 1971.
3. Starke J. The process in International Law. – N. Y. 1943.
4. Colliard C. A. Institutions Internationales. – Paris. 1967.
5. Ahmed Khalidi. Middle East Secyrgity: A Palestinian viewpoint. //International Affair, vol. 71, № 1, 1995.
6. Alian Guichard. Les Juifs. – Paris, 1971.
7. Ann Mosely Lesch. Transition to Palestinian Self-Government: Practical steps toward Israel-Palestinian Peace. //Report of a Study Group convened by the American Academy. Chap. Two. – Indiana University Press.: 1992.
8. Charles Ritter. Israel's Settlements in the occupied territory. //Swiss Review of World Affairs. Vol. 35 № 8, 1985.
9. David Ben Gurion. Rebirth and Destiny of Israel. – N.Y., 1954.
10. Dictionnare Diplomatique. t. VI Academie Diplomatique Internationale.- Paris. 1957.
11. Documents of the UN Conference on Internationals organizations (San-Francisco. 1945). Vol. 12. – N.Y., 1945.
12. Луцкий В. Б. Палестинская проблема. – М.: 1946.
13. Ладейкин В.П. Источник опасного кризиса. - М. 1973.
14. Доклад Специального комитета по вопросам Палестины, представленный Генеральной Ассамблее. Документ ООН A/364 от 03.09.47.
15. Блищенко И.П., Кудрявцев В.Д. Агрессия Израиля и Международное право. – М., 1970.
16. Международное право в избранных документах. Том второй. – М.: 1957.
17. Шевелев С.С., Палестина под мандатом Великобритания (1920 – 1948 гг.). - Симферополь: ГНУ им. В.И. Вернадского. 1999.

Поступило в редакцию 28 мая 2001 г.

УДК 323.173

Горенкин В. А.

СЕПАРАТИЗМ: ФЕНОМЕН И ПОНЯТИЕ

Сепаратизм как общественно-политическое явление проходит через всю историю человечества. Однако, само понятие «сепаратизм» пришло в политику относительно недавно. Данный термин произошел от латинского слова «separatus», т.е. отдельный. Корни этого понятия лежат в религиозной сфере. Но церковь всегда была связана с протекавшими в том или ином обществе политическими процессами. Изначально сепаратизм был «связан с движением Браунистов - самого раннего поколения, которые иногда называли себя Независимыми и были предшественниками Нонконформистов. Они полагали, что их долг - отделять себя от господствующей церкви, когда они видят в ней что-либо, что им не нравится; они стремились поставить руководство духом и человеческим сердцем впереди Библии, традиций и церковного закона. Сепаратизм взывал к простым людям и был особенно популярным во времена правления в Англии Оливера Кромвеля (1653-1658 гг.). Сепаратизм был одной из ранних форм Конгрегационализма как направление, отличное от Англиканизма и Пресвитерианизма» [1, с.21].

Стремление сепаратистов к отделению было связано с тем, что основатель этой религиозной секты Роберт Браун (1550-1630) под влиянием учения нидерландских баптистов разошелся с господствующей церковью. В 1581 г. он основал первую общину сепаратистов в Миддлбурге (Зеландия), а чуть позднее в английском городе Норвич. Браун различал царство Христово и царство Антихристово и видел последнее во всякой церковной организации, происходящей от светской власти. Церковь, отождествляемая им с общиной, является собранием верующих [2, с.494]. При этом «всякий член общины имеет право на участие в управлении общиной; местная церковь автономна и независима от какого-либо внешнего церковного авторитета»[3, с.322]. Развившись затем в Индепенденство, данное учение сыграло «великую роль в английской революции..., поднявшись в царствование Елизаветы против королевского абсолютизма англиканской церкви с ее бюрократической иерархией и остатками католических обрядов» [1, с.610].

Таким образом, произошел перенос понятия на сферу политических отношений: сначала сепаратисты отделяли себя от господствующей церкви, а затем эта секта активно участвовала в политическом процессе, вследствие чего термин «сепаратизм» нашел применение в политике, а сепаратистами стали называть людей, стремящихся к отделению.

Так, например, в русской энциклопедии начала 2-й половины XIX в. можно встретить следующее определение сепаратизма:

«Сепаратисты – отделившиеся вследствие различия во мнениях об учении или о культе от господствующей в стране церкви и ищущие в своем частном богослужении того удовлетворения, которое им не может дать общественное богослужение, совершаемое в духе господствующей церкви. В политическом отношении сепаратистами называются люди, желающие отделения какой-либо части от общей территории государства» [4, с.434].

Если в этом определении превалирует религиозная часть, то к концу XIX века на первый план начинает выходить политический аспект данной проблемы:

«Сепаратизм – желание отпасть от церкви или от государства для образования отдельного общества, религиозного или политического». [5, с.564].

А уже в чуть более поздних энциклопедиях сепаратизм рассматривается как чисто политическое явление:

«Сепаратизм – движение, направленное к достижению отдельной областью данного государства автономии или полной политической самостоятельности» [6, с.678].

«Сепаратизм – политическое стремление подвластного народа, живущего в пределах большого государства, революционным путем вернуть или завоевать себе самостоятельность» [7, с.312].

Стоит отметить одну закономерность, что более отдаленные от нас по времени определения сепаратизма, не страдающие «идеологической засоренностью», более отвечают современности.

При рассмотрении проблемы сепаратизма полезно напомнить программные вложения российской социал-демократии по национальному вопросу. Согласно В. И. Ленину, национализм необходимо рассматривать диалектически, видеть в нем не только реакционные черты, но и качества, прямо им противоположные: «В каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы, безусловно, поддерживаем» [8, с.275-276]. Обращаясь к конкретному явлению сепаратизма, В. И. Ленин рассматривал его шире, чем в энциклопедических словарях XIX – начала XX вв., и понимал его как политику «отделения, обособления (от целого)» [9, с.123]. Так что в разряд сепаратистских Лениным включались как борьба за государственное отделение меньшинств, так и деятельность, направленная на дробление социал-демократического движения. При этом к первому он относился равнодушно, а второе считал глубоко вредным. Конечно, В. И. Ленин не выступал сторонником бесконечного раздробления государств по национальному признаку. Он подчеркивал, что «выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны» [10, с.255], но не только не абсолютизировал этого положения, как это делалось впоследствии, а отводил ему подчиненную роль по отношению к праву наций на самоопределение, требовал признания «не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т.е. права наций на самоопределение, на отделение» [11, с.319]. Но тут же подчеркивал, что «ни один марксист, не

разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение» [12, с.251].

В советский период сепаратизм освещался с различной степенью полноты на страновом уровне, но еще не был объектом специального научного исследования. Возможно, отчасти и поэтому в советских политических и справочных изданиях даются определения сепаратизма, которые явно страдают европоцентризмом и основываются на отдаленных от нас исторических примерах. В Большой Советской Энциклопедии, например, сепаратизм определяется так:

«Сепаратизм – в многонациональных государствах стремление определенной группы населения, относящейся к национальным меньшинствам, к отделению от данного государства и созданию самостоятельного государства или автономной области. В отличие от национально-освободительных движений, сепаратизм не является массовым народным движением и отражает узкие интересы определенных кругов буржуазии... В эпоху империализма сепаратистское движение поддерживается империалистами другого государства, использующими это движение в своих захватнических целях» [13, с.530].

Другое определение содержится в Кратком политическом словаре:

«Сепаратизм – стремление к отделению, обособлению, к самостоятельным действиям, обычно выражает узкие интересы определенных кругов местной и иностранной буржуазии» [14, с.405].

Кроме того, упор в этих определениях сделан на национально-классовую природу данного явления. Неточность их объясняется тем, что, во-первых, исходя из принципов классовой борьбы, некоторые движения считались реакционными и именовались «сепаратистскими», а другие – прогрессивными и назывались «борьбой за национальное освобождение», а, во-вторых, исходя из этих определений, в разряд сепаратистских надо включать национальные движения всего мирового сообщества, так как в любом из них присутствует стремление к обособлению и к самостоятельным действиям.

Кроме того, можно согласиться с мнением российского востоковеда Александра Крылова, что данные дефиниции «не подходят к сепаратизму в Афро-Азиатских странах, так как сепаратистские движения в них являются массовыми, буржуазии нет или она слаба, а нации еще не сложились и носителем сепаратизма выступают этноконфессиональные группы, находящиеся на различных уровнях развития» [15, с.6].

Современные определения сепаратизма отличаются большей точностью и взвешенностью оценок данного явления:

«Сепаратизм – движение за отделение той или иной части государства или за предоставление части страны определенного рода автономии по национальному, языковому или религиозному признаку» [16, с.388].

Другое определение дано в Энциклопедическом словаре по политологии: «Сепаратизм – стремление к обособлению, проявляющееся, как правило, у национальных меньшинств в многонациональных государствах и направленное на создание самостоятельных государств или национально-государственных

автономий» [17, с.352].

И, наконец, есть смысл привести определение сепаратизма, сформулированное американским профессором Дональдом Горовицем:

«Сепаратизм – выход группы и ее территории из-под юрисдикции более крупного государства, частью которого она является... с последующим образованием нового государства» [18, с.145].

Американский политолог Збигнев Бжезинский, рассуждая о сепаратизме, считает, что «сначала национальные чувства фокусируются на проблеме возрождения национальных языков, в чем выражено стремление к национальному самосохранению перед лицом прогрессирующей ассимиляции, затем выдвигаются требования национальной культурной автономии и национального культурного самоопределения, что приводит впоследствии к борьбе за национальный суверенитет» [19, с.10].

Сепаратизм в современных государствах можно определить как политическое движение, целью которого является отделение от государства его части и создание на ней собственного независимого государства. Такой вид сепаратизма называют еще сепессией. Другой разновидностью сепаратизма является ирредентизм – движение за отделение с целью последующего присоединения определенной территории к соседнему государству или объединения, в рамках одной территории всех членов некой этноязыковой группы. Идеологией сепаратизма является национализм.

Различные исследователи по разному подходят к вопросу о возможности использования данного понятия, когда речь идет об автономистских движениях. Так, по мнению А. Крылова, из понятия «сепаратизм» следует исключить автономистские движения, так как они «не посягают на территориальную целостность государства» [20, с.9]. Однако, Д. Горовиц склонен объединять сепаратистские и автономистские движения «по меньшей мере для аналитических целей» [19, с.10].

На наш взгляд, для исследования проблемы сепаратизма представляется более удачным подход Д. Горовица, поскольку причины, лежащие в основе этих видов политических движений, совпадают, и, таким образом, по своей сути стремление к получению автономии есть частный случай сепаратизма.

Современный сепаратизм как политическая программа основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения, когда каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию. Но такой смысл не заключен ни в правовой теории, ни в национальных законодательствах, ни в международно-правовых документах. Последние трактуют право народов на самоопределение как право территориальных сообществ (а не этнических групп) формировать систему управления не в ущерб остальному населению. Сепаратизм же в его этническом варианте – это выход из существующей системы или ее разрушение с целью оформления государственности для отдельной этнокультурной общности. Для сепаратистов самоопределение – всегда отторжение от общего государства, политическое и культурное разделение.

Анализ войн и конфликтов в мире в конце XX века позволяет выделить

причины сепаратизма. Условно поставим на первое место взаимные территориальные притязания этносов, которые обусловлены:

- историческим прошлым этносов, наличием исторических, культурных, культовых и других памятников этносов на определенной территории;
- нечеткостью или отсутствием демаркации существующих границ, проведением новой демаркации между этносами;
- возвращением на историческую родину ранее депортированного народа;
- произвольным изменением границ;
- насильственным включением всей территории этноса или части ее в соседнее государство;
- расчленением этноса между разными государствами.

У сепаратизма могут быть и политические причины:

- борьба за власть между различными этническими группами на местном, региональном и государственном уровнях;
- борьба этноса за свой политический статус в рамках единого государства;
- борьба за полную государственную (политическую) независимость.

В числе экономических причин – хозяйственная отсталость многонациональных государственных образований и, соответственно, низкий уровень жизни национальных (религиозных) меньшинств по сравнению с нациями и народностями, представляющими большинство.

Неравномерное размещение населения в различных регионах и многонациональных государствах также может быть причиной сепаратизма. Сравнительно высокий прирост народонаселения определенных этнических групп, скученность, недостаток жизненного пространства – все это также приводит к сепаратистским тенденциям.

Наиболее болезненны и эмоционально насыщены сепаратистские выступления, возникающие в результате игнорирования ценностей этноса или религиозной группы. Нередки противоречия, связанные с различиями в языке, традициях, обычаях и других особенностях. Причины бытового характера обусловлены социально-психологическими факторами, общей подсознательной неприязнью к представителям определенного этноса.

Основываясь на вышеприведенных определениях и причинах и, исходя из политического аспекта понятия «сепаратизм», можно сделать следующие выводы:

- 1) сепаратизм – стремление к отделению части страны от остальной территории государства (т.е. политический процесс, тенденция);
- 2) цель такого отделения – создание нового, независимого государства, присоединение отделившейся части к другому государству или получение автономии в рамках существующего государства;
- 3) сепаратизм – *политическое движение* за отделение части государства и создание нового государственного образования;
- 4) сепаратизм характерен для определенных групп людей – подвластного народа или вообще людей, недовольных своим положением в обществе (или даже самим обществом);
- 5) считается, что носителем сепаратистских идей может быть национальная

(этническая) или религиозная группа населения.

Сепаратизм характерен как для огромных государств (распад СССР, сепаратистские тенденции в Индии), так и для небольших, унитарных и даже почти гомогенных по своему этническому составу государств (к примеру, стремление к обособлению различных регионов Италии не носит этнический характер, а имеет причины экономического характера).

Таким образом, сепаратизм свойственен для различных стран с разными политическими системами и режимами. Сепаратизм неразрывно связан и поэтому характерен для государства как основного политического института общества. Вот почему корни сепаратизма следует искать в генезисе государства – в его природе и противоречиях, ему присущих.

Список литературы

1. Энциклопедический словарь русской библиографии Института Гранат.–М., 1901.–Т. 21.
2. Энциклопедический словарь русской библиографии Института Гранат.–М., 1901.–Т.6.
3. Энциклопедический словарь /Под ред. Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А.– СПб., 1900.– Т. 30.
4. Энциклопедический всенаучный словарь / Под ред. Ключникова В. – СПб.,1878.–Ч. 2.
5. Энциклопедический словарь / Под ред. Павленкова Ф.– СПб., 1899.
6. Энциклопедический словарь / Под ред. Филиппова М. М.– СПб., 1901.
7. Энциклопедический словарь русской библиографии Института Гранат.– СПб., 1901.– Т.38.
8. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений.–М., 1955.–Т. 25.
9. Ленин В. И. Сепаратисты в России и сепаратисты в Австрии // Полное собрание сочинений.– М., 1955.–Т. 23.
10. Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Полное собрание сочинений.– М., 1955 –Т. 27.
11. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение// Полное собрание сочинений.–М., 1955.–Т.25.
12. Ленин В. И. К вопросу о несчастном мире // Полное собрание сочинений.– М., 1955.– Т. 35.
13. Большая Советская Энциклопедия – 2-е изд.– М., 1955.–Т. 38.
14. Краткий политический словарь.– М., 1987.
15. Крылов А. Б. Сепаратизм в странах Востока.– М., 1992.
16. Краткий словарь современных понятий и терминов.– М., 1993.
17. Энциклопедический словарь по политологии.– М., 1993.
18. Горюхи Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение: Материалы международной научно-практической конференции "Национальная политика в Российской Федерации". – М., 1993.
19. Бжезинский З. Посткоммунистический национализм.– М., 1991.
20. Крылов А. Б. Сепаратизм в странах Востока. – М.: Наука.,1992.

Поступило в редакцию 23 мая 2001 г.

УДК + 141.8+316.286

Корнилов Ю.П.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК МЕХАНИЗМ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Проблема взаимоотношений между обществом и государством всегда была одной из главных общечеловеческих проблем независимо от того, наделялась ли она материалистической или идеалистической формой, классовым или внеклассовым характером. С тех пор, как человеческая общность приобрела более или менее цивилизованный вид и от нее отделилось государство, существует проблема их взаимоотношений.

Уже Б. Спиноза подчеркивал, что естественное право каждого в гражданском состоянии не прекращается, что "цель государства в действительности есть свобода" [1, с. 261].

И если у Канта правовое государство – это долженствование ("Государство, - отмечал он, - это объединение множества людей, подчиненных правовым законам" [2, с. 233]), то у Гегеля оно становится действительностью. Без государства не может появиться и гражданское общество. Поэтому "в действительности государство есть вообще первое, внутри которого семья развивается в гражданское общество" [3, с. 278].

Вместе с тем на пороге XXI столетия значение этой проблемы невероятно возрастает.

Во-первых, она становится сейчас своеобразным ключом для выяснения перспектив прогресса человека и общества на рубеже столетий.

Во-вторых, она должна играть глобальную роль объединяющего начала, указав собой прогрессивный путь развития человеческой цивилизации.

В-третьих, новейшая история, кажется, на этот раз уже окончательно «вытолкнула» эту проблематику из сферы академической науки в сферу предметно-практического знания, внешней и внутренней политики.

Гражданское общество и правовое государство — это не сооружения, и «построить» их нельзя подобно архитектору, можно только создать условия — надлежащую социально-экономическую, политико-правовую и культурно-идеологическую среду — для их постепенного становления. А такой процесс, в свою очередь, начинается с реального обеспечения всей совокупности гражданских прав человека со стороны государства, которое находится под надежным контролем общества. Имея такие права, человек способен самостоятельно занять в обществе то

место, которое он заслужил и которое в самой большей мере отвечает объему и качеству реализованного им личностного потенциала.

Соблюдение гражданских прав человека выступает не только главным принципом взаимоотношений между обществом и государством. Широта и реальность таких прав, собственно, и поднимает тот или другой социум до отметки, дающей возможность рассматривать общество как гражданское, а государство как правовое. При этом во взаимоотношениях последних отлаживается механизм расширенного воспроизведения настолько активной социокультурной, политической и экономической сферы, которая в свою очередь формирует человека во всех его измерениях как индивида, личность, гражданина.

Сама теоретически-логическая последовательность словно бы понятна. Государство производно от общества, но без него нет юридически зафиксированных прав и правовых отношений всех уровней.

Без прав человека и его правовых отношений с другими людьми не может быть гражданина, без гражданина, следовательно, не может быть гражданского общества. А без гражданского общества, где права человека не только гарантированы государством, но и ограничивают собой и своей широтой его полномочия, не может быть и правового государства. Гражданственность и государственность, таким образом, выступают как взаимозависимые, однопорядковые понятия.

Взаимоотношения между обществом, которое развивается к гражданскому, и государством, претендующим на статус правового, призваны обеспечивать

- для человека: утверждение его самоценности в диапазоне от общественной мысли к предметным правовым нормам, создание достаточной правовой основы для реализации политической свободы, социальных гарантий и справедливости, для защиты от государственно-чиновничьего своеволия;
- для общества (имея в виду его неминуемую социальную неоднородность): одинаковую правовую защищенность всех его социальных слоев со стороны государства, безусловное преимущество консолидирующих основ в общественной жизни, его бесконфликтность и политическую упорядоченность (все разногласия решаются в рамках принятых законов), режим гражданского мира и согласия, общая защита общества как целостного, социально дифференцированного, саморегулирующего организма от отрицательного влияния внешних факторов и контроль общества над государством;
- для государства: адекватное воплощение прав человека в юридических нормах и в механизме защиты этих прав, которые исключают политический волюнтаризм властных структур, социальную и национальную дискриминацию и обеспечивают полнейшее господство права (от быта к сфере функционирования высшей власти), формирование оптимальной, самодостаточной системы государственно-политических институтов, создание условий для продуктивной законотворческой деятельности, результаты которой отвечают интересам человека и воссоздаются в повседневности через мощный исполнительный механизм, эффективное формирование всех ветвей власти в процессе их функционирования.

Последовательное развитие институтов гражданского общества и наделение институтов политических лишь тем объемом полномочий, который является необходимым для внутренней и внешней защиты первых, возможны лишь на основе экономической и политической свободы личности, ее социальных прав, то есть на основе разнообразия форм собственности и полноценной демократии. В таких условиях интересы различных социальных слоев населения, которые составляют гражданское общество, выделяются и структурируются наиболее выразительно и закрепляются соответствующими политико-правовыми институтами государства. Среди таких форм можно назвать трудовые коллективы предприятий, объединений и фирм, финансовые, кооперативные и предпринимательские структуры, разнообразные общественные организации и творческие ассоциации, общественные объединения, партии, профессиональные союзы, религиозные конфессии и т. д.

Регламентация отношений между институтами гражданского общества и политическими институтами требует, с одной стороны, правового обеспечения и охраны государства, а с другого — налаженного общественного контроля. Деятельность правового государства призвана осуществляться в таких юридических рамках, которые делали бы невозможным ее непосредственную политическую интервенцию в социально-экономической или культурной сферах общества, но разрешали бы ему обеспечить оптимальное объединение интересов как по общественной вертикали — личности, социальной группы, общества в целом, так и по общественной горизонтали — регионов, административно-территориальных единиц, наций и этнических групп.

Таким образом, гражданское общество представляется динамической системой активно взаимодействующих между собой социально-экономических институтов, которая направлена прежде всего на реализацию творческого потенциала личности, в частности на ее защиту от превышения государством своих полномочий и на целесообразное в каждый данный исторический момент регулирование количества властных структур и содержания их деятельности.

В этом плане нельзя не согласиться с выводом гениального немецкого философа Гегеля, что гражданское общество есть результат экономических взаимоотношений людей таким образом, когда зависимость всех от всех всесторонне переплетается [3, с. 207].

Правовое государство — это довольно устойчивая совокупность органов публичной власти, призванных служить гарантом гражданских прав и свобод человека, внешне- и внутривнутриполитическим инструментом жизнеобеспечения гражданского общества, охраны общественного порядка и личной безопасности граждан. Правовая государственность тождественна государственности справедливой и, следовательно, основана на принципах демократии и гуманизма, свободы и равенства всех людей, неотъемлемости, неотчужденности основополагающих прав человека и гражданина (свобода слова, совести, собраний, право на равную защиту законом и на справедливый суд, другие). Она охватывает также разнообразные государственно-правовые способы, применение которых препятствует спонтанной, личностной или олигархической узурпации власти с вариантом и неподотчетности, и неподконтрольности человеку, народу, обществу.

"Я вижу близкую гибель того государства, - отмечал древнегреческий философ Платон, - где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон - владыка над правителями... я усматриваю спасение государства..." [4, с. 188-189]. Реальность прав и свобод граждан, верховенство закона и равенство всех перед ним, относительный суверенитет государственной власти, основанный на принципе распределения власти, — это главные характеристики правовой государственности.

Отдельно стоит проблема взаимоотношений и взаимодействия власти и прав публично-политической власти. Другими словами, речь идет о механизме становления правового государства, о том, когда и какое государство становится правовым не по названию, по сути. А суть эта состоит во взаимной ответственности власти перед правом простого человека и простого человека перед властью.

Право, не будучи в отличие от закона зависящим от свободы законодателя и имея специфические объективные качества, только тогда получает регулятивную силу, когда оно реально поддерживается и практически признается публично-политической властью. В этом случае оно само приобретает властную силу. Публично-политическая власть, которая в свою очередь признала и поддержала право и, следовательно, стала ограниченной им в своих действиях, тем самым оправдывает свое существование и имеет законное право называться справедливой. Справедливой является лишь та власть, которая часть своих властных полномочий и своей властной силы отдает праву, получая вместе с тем статус правового государства.

Обретение государством статуса правового равносильно прекращению господства управленческого аппарата над гражданским обществом. В результате принцип «государство для человека» из чисто декларативного превращается в реально действующий, естественным образом отбрасывая собой неправо, антигуманное и антидемократическое аппаратно-административное правило «человек для государственной власти». Закономерно происходит необратимый, с точки зрения права, процесс постепенного поглощения государственной власти гражданским обществом. Государственный аппарат управления и его властные полномочия сводятся до необходимого для жизнеобеспечения общества минимума. До того минимума, который не дает возможности государственным чиновникам на свое усмотрение и под прикрытием ведомственных инструкций, которые подменяют правовой закон, вмешиваться в развитие гражданственно-правовых отношений, где все конфликтные ситуации улаживаются на основе закона через суд.

Понятие правового государства неразрывно связано с понятием справедливости. Право, включая в себя принцип формального равенства, одновременно содержит и требование справедливости. Справедливость, в сущности, и является смыслообразующей основой права. С помощью правовых законов она призвана охватывать все сферы общества и его взаимоотношений с государством:

- в сфере экономики справедливость означает соответствие результатов труда его материальному вознаграждению и вместе с тем достаточное и

разноплановое обеспечение со стороны государства тех граждан, которые без этого обеспечения не имеют возможности поддерживать уровень жизни, достойный звания человека;

- в сфере юридической ответственности граждан перед законом справедливость воплощается в соответствии степени наказания мере преступления;

- в сфере политических отношений она диктует государственной власти свои ограничительные условия и дает главную гарантию от злоупотребления ею;

- в сфере культуры справедливость состоит в равном для всех граждан доступе к культурным ценностям.

Правовой смысл справедливости должен фиксироваться в законах, вследствие чего сами законы превращаются в правовые. Эти законы лишают государство патронажных функций относительно тех граждан, которые в них не имеют абсолютно никакой потребности. Подобные законы наделяют человека всеми необходимыми правами и свободами и тем самым дают ему реальную возможность законным путем самому, целиком самостоятельно реализовывать свои интересы и потребности.

Если за справедливостью не признается правовой смысл, а сама она не фиксируется в законах, то это опасно тем, что за справедливые могут выдаваться неправовые, а то и противоправные элементы общественной жизни. Скажем, экономические, политические интересы или идеологические или моральные требования каких-нибудь социальных групп, как правило, тех, кто у власти. В таком случае отдельный, корпоративный интерес подчиняет себе и подавляет правовой смысл справедливости и отождествляет закон с правом и справедливостью. Вследствие чего имеем усеченные права (по сути — бесправие) личности, взаимный правовой нигилизм как со стороны власти, так и со стороны подвластных, свосвоение ангажированного законодателя и исполнителя. Все это сводится в закон и получает, таким образом, будто бы легитимную силу.

Поэтому правовое государство и гражданское общество предусматривают утверждение правовых взаимоотношений между властью и гражданами, которые являются, в конце концов, исходными, первоначальными законодателями и одновременно субъектами права. Это означает, что права и свободы человека-гражданина его «подвластному» состоянию являются не подаренными свыше, со стороны власти, а составляют важнейший объективный компонент социокультурной среды каждого индивида. И ему должны подчиняться не только все сограждане, но и прежде всего публично-политическая власть в лице своих конкретных представителей (исполнителей).

Таким образом, основными принципами становления и функционирования правового государства, так же, как и принципами его взаимоотношений с гражданским обществом, являются:

- «глубокоэшелонированная» законами защита прав и свобод человека как безусловный приоритет государственной политики во всех сферах общественной жизни;

- конкретно-практическое различие права и закона, гражданских прав и государственных законов, взаимответственность граждан и государства, обусловленная правовыми законами;

- верховенство закона во всех сферах общественной жизни и равенство всех граждан перед ним независимо от их социального статуса, национальности, любых других признаков, невозможность ведомственного диктата над законами;

- отработанная регламентация полномочий государства на основе распределения власти при системе всестороннего конституционно-правового контроля за его действиями со стороны институтов гражданского общества;

- наличие механизма демонополизации власти, делающего невозможным ее сосредоточение в руках одного лица, государственного или общественно-политического института как отдельной группы людей;

- соблюдение демократических требований при разработке, принятии и применении законов со взаимно правовым закреплением в законах принципов и механизмов демократии, присущих гражданскому обществу.

Реальная жизнь, однако, дает свои коррективы, временами поразительно противоположные теоретическим дефинициям. Что может дать правовой романтизм в слепом соблюдении широко известного принципа Монтескье «разрешено все, что не запрещено законом» при условиях великого множества правовых пробелов и фактического отсутствия правового государства? Можно быть уверенным, что ничего, кроме анархии, предельно искривляющей и гражданское общество, и его взаимоотношения с государством, и общественно-правовые отношения между гражданами.

В сущности, сегодняшнее, крайне неоднородное украинское общество это не одно, а сразу несколько социально-политических секторов с противоположными экономическими и социально-политическими ориентациями. В качестве лидеров среди них уже давно определились крайние национал-радикалы, сторонники коммуникабельной независимости, приверженцы создания нового союза или возрождения старого. В рамках этих групп также существуют крайние фланги, которые несут на себе четкую печать национальной, социальной, региональной и одновременно партийно-политической принадлежности.

Некоторые из таких групп отстаивают свое, во многих случаях абсолютно противоположное, понимание прав и свобод, справедливости и общественной необходимости (полезности) тех или иных законов, имея в виду прежде всего свою собственную выгоду и благосостояние. А это противоречит основным принципам жизнедеятельности «нормативного» гражданского общества. Ибо такое общество является однородным в том, что касается не только самих прав и свобод граждан, но и понимания гражданами этих прав и свобод и равенства всех перед законом. Так что говорить о нынешнем украинском обществе как о гражданском в полном смысле данного слова просто некорректно. Указанное разногласие, на наш взгляд, можно назвать основным разногласием становления гражданского общества в современных условиях развития Украины.

Разногласия между обществом и государством усложняются и внутренними разногласиями процессов становления как гражданского общества, так и правового

государства, что отодвигает перспективу достижения ощутимых результатов в будущее. Более того, в условиях кризиса, который практически может в перспективе парализовать государственные структуры и при этом расцезть властную вертикаль на мелкие звенья, очень быстро формируется эффективный механизм дальнейшего обострения противоречий. И надо признать, что его действие на определенном этапе может стать необратимым. То есть речь идет и о целостности государства, и о возможности соблюдения при таких условиях прав и свобод его граждан вообще.

Осознавая, что от центральной власти ничего, кроме противоречивых указаний и директив получить нельзя, региональная власть может прийти к выводу, что рассчитывать она должна только на свои силы. С этих пор она начинает действовать не как марионетка высших властных структур, а как реальная суверенная власть, присвоив себе такой суверенитет и оставив центру роль свадебного генерала. В любой другой ситуации такую самостоятельность можно было бы лишь приветствовать, поскольку она устраняла бы мелочную, надоедливую опеку центральной бюрократии и оставляла бы ей лишь то, что и принадлежит — руководство макропроцессами.

Однако сейчас, когда экономический хаос, социальная и моральная деградация, политическое безвластие становятся явно все более ощутимыми, а волна анархии заполняет общество, такое «самоуправление» по принципу «спасайся, кто как может» чревато полной дезинтеграцией государства. Тем не менее и дезинтеграция страшна не только сама по себе, а тем, что в таких условиях местные политические элиты в своем стремлении отделиться от остатка одряхляющего социума, апеллируют к зарубежью, а не к соседним регионам или к центру, усиление социального и национального напряжения может привести к кровопролитию. (Примеров таких можно привести много. Это и крайне напряженная ситуация в Узбекистане и Таджикистане, на Северном Кавказе, в Приднестровье, наконец, в Чечне и Югославии и т.д.).

Таким образом, стартовые условия для становления гражданского общества и создания правового государства крайне неблагоприятны. В таких условиях переходного периода, отягощенного кризисом, напрасно надеяться на мгновенные и радикальные перемены к лучшему и тем более на то, что все изменит законодательная власть принятием новых законов. Заставить их работать способна только сильная представительная и исполнительная властные вертикали. "Для того, чтобы предупредить... злоупотребление властью, необходимо, как это вытекает из самой природы вещей, чтобы одна власть сдерживала другую... Когда законодательная и исполнительная власти объединяются в одном и том же органе... не может быть свободы..." [5, с. 16-17]. Другими словами, социальная терапия как метод лечения больного общества, присущий законодательной власти, должна быть дополнена социальной хирургией как методом действий властной вертикали на местах.

Это объясняется тем, что, во-первых, в нынешней критической ситуации любая законодательная власть малопродуктивна, ибо требует слишком много времени для подготовки, согласования и принятия решений. И вдобавок принятые

решения и законодательные акты всегда носят предельно усредненный характер, который существенно снижает эффективность их действия. Во-вторых, специфика любой законотворческой деятельности такова, что продолжительная разработка законов, рассчитанных, как правило, на будущее, препятствует запуску их в действие сразу же после принятия. А в экстремальных условиях нужны оперативные практические мероприятия. В-третьих, в любом случае законодатели непосредственно связаны с региональными, национальными и партийными интересами или пристрастиями, то есть с интересами, которые иногда противоречат объективности оценок и позиции. В-четвертых, законодательные структуры безлики, с помощью чего, несмотря на все контрмеры, можно сравнительно легко избежать персональной ответственности за коллективное решение.

В результате этого напрашивается вывод, что в условиях такой вакуумной среды становление гражданского общества и правового государства должно происходить при посредничестве сильных и здоровых структур власти, способных укротить социальные и национальные разногласия, обеспечить в обществе режим гражданского согласия и консолидировать народ. Ведь переходный период всегда был очень мучительным и сопровождался нарушением прав и свобод граждан, вызванным поляризацией общества на конфликтующие группы-корпорации. Эффективнее всего примирить их может лишь авторитетные Верховная Рада Украины, Верховная Рада Автономной Республики Крым, представительные органы местного самоуправления, исполнительная вертикаль власти (от президентского уровня до районного масштаба), которые используют для этого всю силу права и закона.

Список литературы

1. Спиноза Б. Избранные произведения. Т.2, М.,1957.
2. Кант И. Соч. Т.4, ч.II, М., 1967.
3. Гегель Г.В. "Философия права". М., 1990.
4. Платон. Соч. В 3-х тт. Т. 2, Ч. 2, М., 1971-1972.
5. Локк Дж. Избранные философские произведения. Т. II, М., 1960..

Поступило в редакцию 25 мая 2001 г.

УДК 141.8+316.286

Медведев Е.П.

ЛЕВОРАДИКАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ И СИТУАЦИЯ ПОСТМОДЕРНА

Вхождение мира в новую, постмодернистскую эпоху с её поликультурностью и плюрализмом стилей жизни делает необходимой всеобщую ревизию ценностей и принципов, до недавнего времени определявших образ жизни человеческого общества прежнего, индустриального типа. Среди этих принципов одними из главных являются утилитаризм и инструментализм. Последовательно проводимые в индустриальных социумах (будь то социалистическое общество, или западная демократия), утилитаризм и инструментализм всемерно способствовали моральной деградации, примитивизации мышления и всеобщему упадку культуры. В условиях коренной трансформации социума, начавшейся после второй мировой войны, одной из главных задач становится последовательное преодоление этих принципов, являющихся наследием постренессансной европейской культуры и связанного с ней новоевропейского проекта, плодами реализации которого и является повсеместное их распространение.

Необходимость преодоления в социальной практике утилитаризма и инструментализма, деформирующих социальную жизнь, согласуется с изучением степени укоренённости в социуме этих принципов и степени деформаций, вызванных их функционированием. Изучение комплекса кризисных явлений современного социума и культуры явилось одним из важнейших направлений социальной философии в нашем столетии, и имеет множество версий. Утверждение кризиса постренессансной культуры и инспирированного ею новоевропейского гуманизма, базирующееся на наследии Ницше и Шпенглера, стало центральной темой культурфилософской рефлексии во второй половине XX в. Философский пессимизм и культурборчество Ницше в сочетании с его генеалогическим методом критической деконструкции социокультурной реальности был унаследован представителями направления теоретического антигуманизма, развивших на различных основаниях критику сложившихся в обществе эпохи модерна социокультурных практик. Теоретический антигуманизм доказывает важность гуманистических начал культуры, как бы пользуясь методом от противного. И не всегда его итог ведет к утверждению подлинного гуманизма. Споры о смерти гуманизма, возможности и формах его возрождения во многом позволяют понять суть полемики в философии конца нашего века.

Первым по времени, и одним из наиболее радикальных и жёстких по критике современного социума вариантов теоретического антигуманизма является неомарксизм Франкфуртской школы. Наше обращение к философскому наследию Франкфуртской школы обусловлено рядом причин. Прежде всего, представители Франкфуртской школы явились пионерами постмодернистского критического дискурса, синтезировав в своих работах марксистскую критику политической экономии, аристократический антигуманизм Ф. Ницше, учение З. Фрейда о репрессивном подавлении обществом инстинктов и идеи М. Вебера о прогрессирующем росте формальной рациональности в жизни западного общества. Этот сплав социальной философии, психологии, социологии и политэкономии был спаян в стремлении концентрированно критически осмыслить весь комплекс проблем, связанных с взаимоотношением индивида и социума в современных условиях развития общества. При этом впервые их внимание как продолжателей марксистской традиции было обращено в сферу социокультурных противоречий современного общества. Сформулировав их и стимулировав саму дискуссию по ряду основных проблем, возникающих в современных социальных и культурных практиках, франкфуртцы открыли дорогу всеобщей конструктивной критике социальной и культурной реальности индустриального общества, продолжающейся, несмотря на серьёзные в ней изменения, и поныне.

Генеалогический метод исследования и теоретическая деконструкция незыблемых, казалось, основ современной цивилизации сделали их пионерами и в методологической сфере. В их работах оформился специфический тип теоретизирования, по форме в корне отличный от безличного схематизма современной им позитивистской традиции. Явившись учением, резко отвергающим ценности модерна (и вместе с ними - науки Нового времени), философия франкфуртцев во многом стимулировала развитие формы постмодернистского дискурса с такими её элементами, как неопределённость, принципиальный фрагментаризм изложения и недоверие «тотализирующему синтезу» как его результат, неприязнь к авторитетам, их опровержение и отвержение. Развитие этих элементов впоследствии привели к оформлению собственно постмодернистской философии с её специфическим предметом, целями, методами исследования (в котором немаловажную роль играет критическая деконструкция) и формой теоретизирования. Их тотальная критика социума и культуры, её место в социальной философии нуждается в переосмыслении в контексте постмодернистской ситуации в социуме и культуре.

В работах теоретиков неомарксизма Франкфуртской школы успехи разума, созидającego цивилизацию, выглядят направленными против человека. Они репрессивны по отношению к его витально-жизненному началу, попирают его путем безудержно нарастающей регламентации. Парадоксальным образом агония гуманистического начала сопряжена с деяниями самого человека. Обосновывая такой взгляд, философы Франкфуртской школы синтезируют в своих сочинениях тезисы философии Гегеля, Маркса, Ницше, Фрейда, М. Вебера и других мыслителей прошлого и современности. В классических программных работах франкфуртских теоретиков содержится пафос ницшеанского культуророборческого бунта, оказавший

большое влияние на формирование идеологии новых левых, а впоследствии движения «зеленых» на Западе.

История, рассуждают Адорно и Хоркхаймер, несомненно, отмечена печатью достижений человеческой разумности, однако они отвергают в ней смысловое единство, предполагающее прогрессивное развертывание разумного начала, которое необходимо ведет к увеличению степени человеческой свободы. Они согласны с тем, что появление человеческого разума составляет особую эпоху земной истории. Но, подобно сторонникам философии жизни, Адорно и Хоркхаймер видят в разуме лишь средство приспособления человека к окружающей среде, который вырастает из природы и служит её покорению, и поэтому не может быть и речи о прогрессивном развертывании разума в истории, которое необходимо ведет ко все большей свободе человека. Критика просвещенческой идеи предзаданности постоянного совершенствования человеческого рода увенчана Хоркхаймером и Адорно ультрапессимистическими выводами.

Рассмотрение всей предшествующей истории как бессмысленной, несущей людям лишь беды и страдания, предполагает поиск виновника, ответственного каковым Адорно и Хоркхаймер называют разум. Последовательная рационализация мира именуется ими «Просвещением», ведущим к покорению природного начала не только вне человека, но и в нем самом. Самый первый шаг к созданию рациональной картины мира, согласно авторам «Диалектики просвещения», ведет к отчуждению. Оно - извечный спутник человечества. Уже мифологическое сознание предстает в трактовке Адорно и Хоркхаймера осуществлением импульса просвещения и «воли к власти». Рационализация мира в мифе оказывается чудовищной ошибкой человечества, которое отныне противостоит природе как активное начало пассивному. Она приводит к утверждению отношений эксплуатации не только природы, но и человека человеком. Более того, индивид начинает активно преследовать, подавлять в себе «цензурой разума» все жизненное, природное. Все последующее развитие человечества превращается в безудержную эскалацию агрессивных возможностей разума.

Процесс Просвещения, нарастания степени рационализации мира, согласно Адорно и Хоркхаймеру, связан с все более увеличивающимся подавлением жизненных основ человеческого существования. Логика их построений ведет к выводу о тождественности системного характера мышления и тоталитаризма. Продукты системного (читай – научного) постижения действительности, по их мнению, сами по себе являются идеологией, служащей тоталитарным целям и исключаящей свободу человека. Основанные на нём философия, наука и техника Нового времени, по мнению авторов «Диалектики просвещения», приводят к созданию образа математически калькулируемой и функциональной природы, впоследствии реализующей идеал машинизированного социального организма, где нет места ни творчеству, ни свободе.

Франкфуртские теоретики подмечают, что результаты усилий человека по покорению мира обращаются против него и приводят к созданию цепей цивилизованного рабства. «Техническая рациональность, - заключают они, - есть сегодня рациональность самого господства. Она есть принудительная сила

отчуждения от себя общества» [1, с. 151]. В постренессансную эпоху возобладал дух покорения мира, и научно-техническая рациональность вплоть до сегодняшнего дня служит главной характеристикой деятельности людей в самых различных общественных обстоятельствах. Её гипертрофия во многом влечет за собой появление научно-технического отчуждения как универсального феномена, накладывающего отпечаток на бытие человека в XX столетии. Хоркхаймер и Адорно увидели, что, подчиняя свои деяния сугубо научно-техническим и экономическим побуждениям, индивид рискует оставить в забвении ценности гуманизма, дефицит которых столь очевиден в нашу эпоху.

Основные идеи «Диалектики Просвещения» развиваются Г.Маркузе, который видит всю предшествующую историю в столь же мрачных тонах и полагает её подлежащей тотальному отрицанию. Свои рассуждения, проникнутые пафосом противопоставления насыщенной жизни и омертвляющего репрессивного разума, созидающего цивилизационное начало, он строит путем соединения неомарксизма и фрейдизма. Именно так он приходит к утопии «новой чувственности», призванной оттолкнуть историю как царство зла, начинающегося с первых шагов цивилизации. В современных условиях, по мнению Маркузе, порабощение индивида достигло наивысшего предела, поскольку если раньше индивид осознавал свое рабство и тем самым был живым отрицанием существующего общественного порядка, то теперь он его не осознает, ибо рабство это сублимировано и комфортно. Данная ситуация стала возможной в результате особой системы контроля над индивидом и управления им; откровенное насилие заменено сложным, тонким и эффективным механизмом манипулирования потребностями.

Современная цивилизация не столько удовлетворяет нормальные человеческие потребности, сколько создает потребности искусственные. Иллюзия свободного выбора «ценностей» поддерживается мифом об уравнивании потребностей «слуг» и «хозяев». И сама эта иллюзия свободы превращается, по Маркузе, в надежный инструмент подавления, ибо решающим фактором определения степени человеческой свободы является не диапазон выбора, предоставляемого личности, а то, что может быть выбрано и что выбирается в действительности. Но последнее как раз и регламентируется системой социального контроля. Стандартизация потребностей превращает человека в совершенно безликое существо, высшим стремлением которого становится вещь. При этом даже общение между людьми приобретает характер субъект-объектного отношения. Рассматривая окружающих людей сквозь призму собственных потребностей, индивид утрачивает способность видеть и воспринимать внутренний мир другого человека, и тем самым теряет главное, что определяет его как нравственного субъекта [1, с. 7-9].

Понятие отчуждения теряет привычный смысл, поскольку отчужденный субъект полностью сливается со своим отчужденным существованием, прекращая бытие в качестве самостоятельно мыслящего существа, собственно человека. И не может идти речь о деформации общественных отношений, в результате которой процесс труда, его условия и продукты, социальные нормы и институты, идеология превращаются в силы, враждебные человеку и господствующие над ним. Человек

современной цивилизации добровольно отождествляет себя с социальной реальностью, сливается с навязываемыми ему нормами и стандартами [1, с. 39-43].

В ходе анализа Франкфуртской социо- и культуркритики перед нами стоит важный вопрос: в какой степени «радикальный прорыв» современной ситуации постмодерна, столь превозносимой ныне за деконструкцию основных принципов предшествующей эпохи и радикальную их трансформацию, в действительности является таковым. Иначе говоря, насколько в этой ситуации преодолеваются те негативные явления, которые подверглись резкой критике франкфуртцами?

Ситуация постмодерна чрезвычайно противоречива. Как выясняется из работ современных философов-постмодернистов, постмодерн не стремится до основания разрушить сложившиеся структуры предыдущей эпохи. Все его трансформации происходят скорее на уровне ценностей, изменяя мировоззренческие ориентации. На поверку оказывается, что общество постмодерна не только не соответствует идеалам плюрализма и свободы, но скорее усугубляет все те противоречия, которые приписывались модерну.

Нападки постмодернистской философии на науку и сциентизм ничуть не мешают тому, что эпоха постмодерна рассматривается как целиком определяемая научным и технологическим комплексом. Господство техно-науки как синкретического комплекса знания и производства во много крат умножает интеграционные возможности социальной системы. Информатизация жизни человека и возросшие объёмы социальной информации дезориентируют человека, приводят его на грань безумия. В этих условиях он вынужденно следует одному из вариантов культуры, предлагаемому ему реформированной масс-культурой. Информатизация на самом деле лишь умножает силу воздействия масс-культуры, превращая её в инструмент оглашения нового порядка и функционирования новой, уже не индустриальной, но информационной утопии.

На поверку же, постмодерн является эпохой «ничто», «post-age». История, движимая трансцендентальными идеалами умножения разумного начала в жизни человека, остановилась. Не развиваясь, социум лишь воспроизводит прежние формы культуры и социальной жизни. Это не эпоха освобождения, но эпоха упадка и пессимизма, время полного отсутствия смыслового наполнения жизни человека и развоплощения основных принципов его жизнеустройства. Индивид обречён жить среди нежизнеспособных фантомов прежних его изобретений - культурных феноменов и социальных практик; они утратили смысловое наполнение, но в силу всеобщего культурного стазиса вынужденно используются в повседневной практике.

Постмодерн сохраняет и усугубляет такие отрицательные моменты прежней эпохи, как господство внешних мотиваций в жизнедеятельности индивида, манипулирование им посредством массовых коммуникаций, сохраняя таким образом тотальную несвободу. Техно-наука и культ технических достижений всё более неприкрыто функционируют в качестве универсальной идеологии, вне зависимости от провозглашённого постмодерном культурного плюрализма. Если говорить об изменениях, то в эпоху постмодерна трансформировалось преимущественно отношение к реальности в сфере философской рефлексии, исчез

безудержный оптимизм по поводу конструктивной возможности разума. Установилось отстранённо-критическое отношение к социокультурной реальности, как к сфере глубокого кризиса, которое, тем не менее, ничуть не мешает ей в неизменном виде функционировать и далее. В сфере же повседневности это знаменуется диктуемой осознанием стазиса общества отстранённостью индивидов, особенно молодёжи, от реальности и безудержным стремлением к развлечениям и уходом в субкультурные формирования. Индивид попадает в сети масс-культуры, продолжая свой путь в качестве придатка системы.

Таким образом, корпус идей Франкфуртской школы продолжает оставаться злободневным. Следует признать актуальность и для современного, постмодернистского, социума комплекса проблем, проанализированных представителями философии Франкфуртской школы. Критическая теория продолжает оставаться действенным инструментом критики капитализма в современных его вариантах. Задача её в новых условиях заключается в том, чтобы проанализировать эмансипаторские возможности, открываемые технокapитализмом - есть ли они и сколь возможно освобождение индивида в новую эпоху. Ключевые аспекты нового критического сознания, созвучного новой эпохе, находятся в том числе и в неомарксистской критической теории, которая разработала многие необходимые исходные позиции для теоретического осмысления, новых социальных условий технокapитализма и постмодерна.

Список литературы

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. - М.-СПб.: Медиум - Ювента, 1997.
2. Маркузе Г. Одномерный человек. - М.: REFL-book, 1994.

Поступило в редакцию 19 мая 2001 г.

УДК 321.01

Николко М.В.

ЮМОР КАК АСПЕКТ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Некоторые значимые феномены социальной и политической жизни остаются вне пределов исследования ученых, хотя присутствуют ежедневно в жизни каждого индивида и их влияние на структурирование социума не вызывает сомнения. К таким слабо исследованным феноменам можно отнести политический юмор. Этот феномен давно обрел собственный дискурс в политической и общественной жизни, но сложился спонтанно и до сих пор не обрел должного теоретического осмысления.

Политическая власть всегда подвергается бдительному вниманию и тщательному контролю со стороны участников политической жизни. Демократическая система управления разработала сложную структуру предупреждения и контроля над политическими процессами для поддержания стабильности всей системы в целом и отдельных ее представителей: 1) периодически проводятся независимые равные выборы во все органы власти; 2) осуществляется разделение и независимость трех основных ветвей власти: правительства, парламента и Верховного суда; 3) постоянный контроль осуществляется СМИ; 4) политические партии, общественные организации и гражданское общество в целом имеет возможность следить за соблюдением Конституции:

В идеале система управления и все уровни власти должны быть совершенно прозрачны. Теоретиками демократии предусмотрено, что политическая система будет настолько устойчива, что никакие социальные недовольства, периодические трансформации и изменения не должны привести к вооруженному конфликту и гибели строя. В конституциях Франции и Германии (которые сейчас считаются наиболее подробно разработанными и служат эталонами для молодых демократий) существует возможность мирного решения любого социального напряжения.

Одним из наиболее точных индикаторов возникшего в социуме недовольства выступает политический юмор. На первый взгляд кажется, что политический юмор только делегитимирует власть, т.е. способствует понижению уровня доверия граждан, но проведенный ниже анализ этого феномена позволяет говорить о полифункциональности политического юмора.

Упоминания о природе и происхождении смеха встречаются у Платона и Аристотеля. Первые дошедшие до нас классификации юмора были созданы римскими философами (анализом юмора занимался, в том числе, Цицерон). В

христианской культуре явление смеха воспринималось как однозначно греховное (принято считать, что это связано с моментом осмеяния Христа по пути на Голгофу) и подвергалось «остракизму» в теологических текстах. Отдельные упоминания встречаются у философов Нового времени (Декарт, Гоббс), но первые теоретические труды, посвященные собственно этому явлению возникают на пороге XX века, как только обозначилось новое поле психологических наук [1, с.6-9]. Впервые З. Фрейд выносит юмористическое за рамки привычного эстетического дискурса (вплоть до Бергсона юмор и явления комического обитают в рамках эстетики).

Происхождение смеха как социального явления, связано с ранними формами совместной жизни людей. Необходимо сразу же сказать, что смех и его производные - явления человеческие (даже когда мы смеемся над животными, мы переносим на них повадки людей). К. Лоренц, сопоставляя мимику агрессии и смеха, делает вывод, что смех происходит от агрессии. Смех – это измененный угрожающий жест, триумфальный крик животного, он содержит в себе значительную долю агрессии по отношению к предмету осмеяния. Но смех как проявление агрессии несет несколько иную информацию: если триумфальный крик, угрожающий жест или оскал предшествует бою и демонстрирует о готовности вступить в схватку, то, как правило, смех агрессора не ведет к дальнейшему нападению его на жертву. Более того, почти всегда конфликт разрешается мирным путем. З. Фрейд считает, что юмор и смех ведут к сублимации конфликта: проблема видоизменяется и, хотя способами юмора решить ее нельзя, острота ослабевает, т.к. проблема подвергается анализу с иных позиций. Участники дистанцируются от проблемы, напряженность снижается и как следствие наступает релаксация: агрессор удовлетворен и испытывает облегчение.

Фрейд видит происхождение юмора в бессознательном, ибо он, использует те же приемы, что и сновидение: сгущение, экономию, бессмыслицу. Сгущение перерастает в гиперболу или ситуацию *qui pro quo*, где одинаковые или схожие по звучанию, но разные по смыслу слова взаимозаменяются, когда в форму известной фразы частично вставляется измененное содержание и т.д. Экономия в остроумии выступает, как минимализация используемых слов и употребляется в виде метафоры (комичным становится сюжет, когда из фразы изымается «как», «подобно»). Явная бессмыслица выступает как алогичность, деление не по одному основанию и пр. Остроумие, как и сновидение, говорит о наиболее важном, где бессмыслица хранит в себе истину [2, с. 277].

Сублимирующая функция юмора осуществляется через коммуникацию. Высказывание позиционирует *отправителя* (того, кто произносит высказывание), *адресата* (получателя, кому оно обращено) и *референта* (предмет коммуникации). Юмор как разновидность коммуникации выстраивает две идентификационные связи. Одна образуется между отправителем и адресатом: коммуникация возможна только тогда, когда оба они находятся в одном семиотическом поле, т.е. предмет юмора им знаком. Оба (отправитель и адресат) имеют сложившиеся представления о нем. Коммуникация не состоится, когда, к примеру, адресат не продемонстрирует ответной (ожидаемой) реакции. Отправитель в своем ожидании того, что адресат

поймет предмет юмора, отождествляет себя с ним, он предполагает, что адресат имеет ту же информацию, дает ту же оценку предмету, что и он. Демонстрируя ответную реакцию, адресат подтверждает ожидания отправителя, укрепляя идентификационную связь.

Вторая идентификационная связь: отправитель - предмет, адресат - предмет. Имеется клише, устоявшийся образ предмета, который через призму ценностей соотносится с уже имеющимся собственным представлением о предмете или явлении у адресата и отправителя. Юмор ставит отправителя и адресата выше предмета шутки, сообщая отправителю статус эксперта. Более того, юмор производит чувство ликования у адресата, связанное с тем, что адресат осознал нечто значительное в себе самом [3, с. 9]. Юмор является разновидностью языковой игры, где и отправитель, и адресат следуют определенным правилам, определяющие свойства предмета и соответствующий способ его интерпретации [4, с. 30-32].

В ситуации юмора агрессия, ему присущая, не тождественна агрессивности, которая реализуется в поведении. Агрессия выступает как акт, связанный с *воображаемым отношением*, будучи *проговоренной она снимается* [2, с. 135]. Предмет юмора, источник агрессии, воспринимается участниками коммуникации как зло, противоречие между сущим и должным, но зло ограниченное, преодолимое, подвластное, подконтрольное и в какой-то мере зависимое от отправителя и адресата.

Зависимость политического юмора от отправителя и адресата (которыми выступает гражданское общество) свидетельствует о легитимирующей функции юмора. Юмор укрепляет гражданское общество и указывает на негативные и опасные моменты в деятельности власти. Полностью укорененный в обществе он способствует распространению информации внутри слоев и социума в целом, информируя наиболее безразличных к политической жизни граждан о происходящем в стране. Политический юмор использует множество приемов, самыми распространенными являются:

- интерференция (наложение одного плана на другой), происходит нарушение логического закона тождества, когда на привычную форму накладывается новое содержание (особо удачно этот прием используется в телепередачах «Куклы» («НТВ») и «Великі перегони» (“1+1”)), сюда же можно отнести «смещение стилей», несоответствие стиля речи ее содержанию, и парадокс – смешение сущего и должного;

- гипербола, доведение до абсурда (*ad absurdum*) или ее противоположность – эвфемизм (нарочное преуменьшение);

- ирония или антифраза, когда отправитель говорит прямо противоположное тому, что думает, но делает намек адресату с помощью интонации;

- метафора, когда из фразы убирается слово «как», «подобно».

По Фрейду удовольствие от остроумия проистекает из двух источников – из техники и тенденции. Под техникой понимается форма, прием, используемый для подачи информации, тенденция – непосредственное содержание юмора, то есть

явление, которое выступает объектом приложения юмора. Тенденция юмора всегда направлена против *всякой власти*, против Отца, против того, что является наиболее важным, и имеет власть над участниками юмора. Так же как и сновидение, юмор несет закодированную правду и понимание, доставляет удовольствие.

В социально-политической жизни юмор реализуется во многих формах, но наиболее часто употребляемыми являются анекдот и карикатура.

Анекдот – форма проявления массового сознания, наиболее распространенная форма юмора в русскоязычной политической культуре, рефлексия социальной жизни и результат развития критической функции культуры. Признак определенного успеха общества в углублении социального опыта. Вскрывает амбивалентность явления, смысл которого до сих пор рассматривался как монологический, прямолинейный. Противостоит монологической серьезности идеологии [1, с. 12]. Анекдот демонстрирует высокий уровень рефлексии общества по отношению к происходящему в стране, сигнализирует о сложившемся активном политическом диалоге. Одна из характеристик анекдота – быстрое распространение и безымянность (почти всегда анонимен).

В Советском Союзе политический анекдот распространился за границы юмористического дискурса, он стал паролем, лозунгом, благодаря которому человек демонстрировал свои политические убеждения. Всплеск политических анекдотов в эпоху Брежнева свидетельствовал с одной стороны об отчужденности от власти, с другой стороны о наличии активного, интеллектуального общества. Большое количество политических анекдотов в эпоху перестройки являлись комментариями к происходящим изменениям и демонстрировали вовлеченность и интерес общества к происходящему в стране.

Анекдот явно агрессивен, но в то же время вождь воспринимается как образ советского человека (совокупность национальных анекдотов из серии: про хохла, про чукчу, про еврея, про русского из триады «американец-русский-француз»), немощного, но плутоватого, остроумного. Герой – негативный, но не абсолютно, он – «нехороший, но свой». Ситуация, описанная в данном анекдоте, информирует о происходящем в стране, но в особой форме, благодаря которой явление приобретает частичное принятие социума. Отправитель и адресат объединяются в определенное сообщество на основе некоторой информации, а усиливает это объединение эмоциональный ряд, сопровождающий анекдот.

Сегодня почти отсутствуют политические анекдоты (особенно украинские), что свидетельствует, о пассивности общества, разочарованности в политических изменениях. Общество не следит за происходящими в стране политическими перетрубациями и интеллигенция (автор большинства политических анекдотов) демонстрирует аморфность, отсутствие энергии, необходимой для создания гражданского общества.

Карикатура, напечатанная в периодике, легитимирует власть уже тем, что последняя подспудно понимается как открытая для анализа и критики. Большинство карикатур касается отдельных важных тем, таких как избирательная кампания, коррупция в правительстве и демонстрирует позицию не только карикатуриста, но и журнала в целом. Карикатуры часто используют феномен преувеличенной

похожести некоторых известных лиц. Текст надписи сведен к минимуму, он вербализует образ, дополняет догадку адресата. Карикатура в большей степени, чем анекдот вызывает к чувствам, а не к разуму, действуя посредством образов, и является высокоэффективным средством воздействия на людей. Юмористические телепрограммы совмещают в себе анекдот и карикатуру.

Проведем экспресс-анализ печатных СМИ Украины на предмет наличия в них юмористических заметок и карикатур политического содержания. Периодические издания Украины не балуют своих читателей подобной информацией. Ежедневная газета «Факты», популярная и не дорогая, ограничивается публикацией анекдотов неполитического содержания. Газета «День» содержит более весомые комментарии и раз в неделю в рубрике «Аукцион событий П. Хвостива» выставляет на продажу лоты с «перлами» наиболее отличившихся украинских политиков. Газета «Сегодня» редко, но публикует карикатуры, описывающие жизнь украинского политического Олимпа. Периодические всплески политических фельетонов в еженедельной газете «Зеркало недели» связаны с эпохальными событиями: выборы в Верховную Раду, выборы Президента, утверждение бюджета, кризис правительства. В газете представлена аналитика высокого уровня и имеет широкий резонанс у читающей публики, именно потому, что юмористической критике подвергаются все активные участники политического процесса (даже «неприкосновенный» для политического юмора президент). «Зеркало недели» часто публикует на передовицах политические карикатуры. Среди журналов можно выделить ПiК и «Компаньон», которые имеют разделы политической карикатуры и юмора.

Из всего вышесказанного следует:

- политический юмор полифункционален, анализ феномена в границах одной функции (к примеру, психологической разрядки) не дает возможность всесторонне изучить это явление;
- появление политического юмора сигнализирует о диссонансе между ожиданиями граждан и действиями властей, юмор констатирует, что диссонанс пока не привел к открытому проявлению агрессии, то есть не достиг критической точки;
- свидетельствует о том, что общество отреагировало, следовательно, связь между властью и обществом не прервана, она существует и осуществляется довольно активно, ибо юмор всегда ситуативен и связан с определенными политическими событиями;
- более того, наличие политического юмора говорит о самосознании гражданского общества, "политики, представители власти – наши политики"; оформляется иной, неофициальный канал коммуникации "власть – общество";
- способствует усилению идентификационных связей внутри общества, о сформировавшейся идентичности "мы-граждане";
- юмор информирует наиболее инертную часть общества о происходящих в стране изменениях - в наиболее доступной форме (часто в упрощенной и гиперболизированной) рядовой обыватель получает информацию о самых актуальных событиях, происходящих в стране;

- юмор как высказанная агрессия общества не несет призыва к агрессивному поведению, если в последующих действиях диссонанс между требованиями граждан и ответом политической власти не будет возрастать;
- представленный средствами массовой информации, юмор демонстрирует политическую толерантность и демократичность власти;
- сообщает власти настроение разных слоев общества, выступает как один из инструментов рефлексии гражданского сообщества;
- юмор привносит новое, содержит в себе творческое начало, часто ведет к анализу ситуации с новых позиций, выводит проблему за рамки критических вопросов.

Становится понятно, что политической власти следует не столько опасаться юмора, сколько способствовать его распространению, ибо юмор направленный на конкретные личности, не подрывает авторитет системы в целом, но способствует политической рефлексии и в конечном счете позитивным изменениям в обществе.

Список литературы

1. Лук А.Н. Юмор, остроумие, творчество. М., 1977.
2. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // «Я» и «Оно». Труды разных лет. – Тбилиси, 1991.
3. Горностаева М.В. Символический закон «признания другого» как основа человеческого общежития (в психоаналитической концепции Ж. Лакана). // Вестник МГУ, сер. 18, социология и политология, - №2. - 2000.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – С.-Пб., 1998.
5. Лоренц К. Агрессия. – М., 1994.
6. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта.– М., 1991.–Т.3.
7. Дмитриев А.В. Социология юмора: очерки. – М., 1996.

Поступило в редакцию 22 мая 2001 г.

УДК 32.019.511

Рогожин М.В.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Настоящая статья имеет своей целью инициировать практическую дискуссию специалистов, серьезно занимающихся информационно-аналитической работой и моделированием в интересах подготовки управленческих решений. И если в банковской или производственной деятельности вполне приемлемы годами наработанные теоретические и практические стереотипы, то в сфере политики и регионального управления существует много белых пятен, ждущих своих исследователей.

Многие существующие теории моделирования и ситуационного анализа не приживаются на уровне практического применения. И если в качестве оправдания неоспоримо выглядит тезис о нестандартности и нестабильности затянувшегося переходного периода, то объяснение проблемы низким уровнем культуры современного управленца совершенно неприемлемо.

К сожалению, не находят должного применения в управленческих структурах специалисты, предлагающие различные аналитические модели, причем вовсе не потому, что плохи их модели или низка квалификация. Неудачные попытки внедрения системного подхода зачастую компрометируют саму идею аналитической поддержки, поскольку вложенные в построение сложных масштабных моделей силы и средства редко оправдывают ожидания руководителей высшего и среднего уровня. Для того, чтобы подойти к решению этих вопросов, необходимо рассмотреть проблему от постановки задач до меню практических результатов, предлагаемых на выходе.

Информационно-аналитический отдел Представительства Президента Украины в Крыму на протяжении четырех лет пытается решать обозначенные проблемы, сочетая эмпирические подходы с различными теоретическими положениями.

Мы можем констатировать определенные успехи, прежде всего в вопросах организации автоматизированной обработки информационных потоков, эффективных приемах представления материалов как руководству в регионе, так и в интересах подготовки решений высшего уровня. Имея некоторое преимущество в техническом обеспечении и понимании со стороны заказчика, мы прошли начальную стадию становления и готовы поделиться своим практическим опытом постановки задач и взаимоотношений с нынешними управленцами.

Сейчас мы не готовы к научному спору вокруг терминологии и определений базовых понятий, возможно, к этому вернуться наши сотрудники в своих научных работах. Однако свои принципиальные наработки в области сбора, обработки и формализации информации, апробированные методики анализа мы готовы отстаивать как теоретически, так и на базе накопленного эмпирического материала. В данной статье предлагается к рассмотрению лишь та часть применяемой нами технологической цепочки, которая относится к технологии ивент-анализа, вопросы же применения социологического инструментария и их взаимодействия могут быть рассмотрены дополнительно.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕЙ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данный опыт не может быть универсальным, а предлагается лишь как пример для обсуждения.

Практика показывает, что большинство политических решений на региональном уровне принимаются при наличии «под рукой» не более 8-12% необходимой информации, зачастую в очень жестких временных условиях, притом, как правило, вполне доступны простейшим методам сбора до 67% необходимой информации. Наиболее значимым является вопрос времени и ресурсов, необходимых для сбора и обработки необходимого количества информации. Бессистемная информационная работа не позволяет создавать и эффективно сопровождать весь перечень информационных массивов.

Решение информационной задачи на базе современных технологий автоматизированной обработки данных дает возможность получения не менее 60% материалов буквально в считанные минуты и упрощает процесс «добора» недостающих данных.

Квалифицированный анализ может добавить еще 15-17% очень весомой информации, но очень «дорогой» в ресурсном и временном отношении.

Таким образом, на практике при создании и настройке информационно-аналитической системы выделяются две существенные проблемы:

- построение эффективной системы сбора, обработки и хранения проблемной информации;
- создание быстродействующих и эффективных приемов анализа и прогноза.

Неверен подход к моделированию системы, в котором конечным продуктом видится готовое решение. Здесь пересекаются как технологические, так и моральные проблемы. Некорректно давать рекомендации управленцу, несущему за них персональную ответственность, тем более что аналитические методики в политической сфере недостаточно снабжены аппаратом формализованных критериев доступных математическому инструменту обработки. Это прямой путь к компрометации любого аналитического центра, который, превращаясь в астрологический клуб, рано или поздно сталкивается с неразрешимой проблемой ответственности за нелогичные результаты.

С точки зрения технологии крайне неэффективно гнаться за дорогостоящей точностью прогноза, когда даже школьник может принять грамотное, логичное решение, имея 60% структурированной информации по проблеме. Конечно, могут существовать такие структуры, в которых безошибочность решения несоизмеримо выше любых предполагаемых затрат, но в реальных условиях принятия решений в политической сфере и в сфере регионального управления, завышение стоимости аналитических работ крайне неэффективно, да и нереально.

Если следовать классической теории управления, то всякое управленческое решение несет на себе значительную долю отрицательной составляющей. Принимая решение, управленец учитывает массу дополнительных параметров, имеющих субъективные корни, а поэтому гораздо практичнее сосредоточить усилия специалистов на подготовке объективной составляющей решения, не формулируя и не навязывая окончательного варианта.

Поскольку понятийный аппарат ученых и практиков часто различен, целесообразно определить, что подразумевается под понятиями первичная информация, анализ и, наконец, прогноз.

Прежде всего, необходимо заметить, что, не умаляя возможностей эвристического анализа, целесообразно вести разговор о технологичных методах и приемах обработки информации. При построении системы мы исходим из того, что любое аналитическое подразделение представляет собой своего рода фабрику, сырьем для которой служит первичная информация, а на выходе получается вторичный продукт, который мы и определяем как анализ.

Такой подход дает основание для оценки качества вторичного документа по количеству обработанной первичной информации. Хотя это не самый короткий путь к лучшему результату, однако он более технологичен. Грамотное использование современной компьютерной техники позволяет значительно сократить количество неквалифицированной технической работы, связанной с индексацией, хранением и представлением больших объемов информации.

Таким образом, мы можем предложить задачу создания алгоритмов и методик аналитической обработки собранной информации в соответствии с генеральными управленческими функциями.

Проработка тенденций развития проблем и оценка возможных вариантов принятия решений составляет аналитический прогноз. По нашей шкале оценок это более высокий уровень аналитической продукции.

Мы часто сравниваем наш информационно-аналитический центр с фабрикой информации, поскольку этот достаточно утилитарный подход позволяет сохранять на практике приверженность к комплексному пониманию аналитической системы. Т.е. под информационно-аналитической системой мы понимаем единство концептуальной модели, набора технологий, комплекса технических средств и коммуникационных сетей, организации самой системы и информационных потоков и, наконец, но не в последнюю очередь, квалифицированных специалистов.

При подготовке выходных документов необходимо четко различать материалы, готовящиеся к публикации, и материалы, представляемые заказчику под принятие решений. Такое различие принципиально, поскольку присутствие в

диалоге с управленцем «посторонних», коими являются читатели (зрители), может принципиально исказить вторичный аналитический продукт. Именно поэтому мы достаточно критично относимся к аналитическим материалам средств массовой информации, не отвергая их совсем.

Технология аналитической работы под задачи информационной поддержки принципиально отличается от публичного анализа, следовательно, должна определяться концептуально при создании аналитического подразделения и оговариваться при постановке задач.

Для завершенности картины принципиальных положений разработанной нами концепции необходимо добавить, что **главным критерием оценки** нашей информации является ее востребованность, как непосредственным заказчиком, так и всеми допущенными к нашим массивам пользователями.

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИЧЕСКОЙ СХЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Сбор информации, как первичная стадия информационно-аналитической работы, по-прежнему остается камнем преткновения для многих специалистов. Прежде всего, проблема заключается в неопределенности порядка представления информации, которая по своей сути не является секретной, однако повсеместно скрывается чиновниками в соответствии с десятилетиями сложившимися стереотипами закрытости отношений государства и общественности.

Конечно, инициатива в данном вопросе должна принадлежать государственным органам, однако огромная армия специалистов, обслуживающая информационные потребности власти, может катализировать процесс. В данном случае я имею в виду не столько прессу, сколько аналитиков и ученых.

Практика нашей работы подтверждает, что не стоит ждать панацеи в виде каких-либо глобальных государственных программ, достаточно в сфере своих интересов демонстрировать практическую выгоду прямого взаимообмена информацией. Все участники равноценного обмена быстро привыкают к новым потокам информации и легко идут на расширение информационного поля. Государство может принять участие в этом процессе, определяя некоторые общие правила, а также предоставляя коммуникационные возможности в совместное пользование.

Процесс обработки и хранения информации имеет наибольшее количество теоретических и практических вариантов реализации. Может быть, потому так трудно в наше время остановиться на какой-либо одной модели, тем более подобрать программное обеспечение.

Наиболее важное значение имеет проблема, связанная с развитием использования реляционной модели хранения информации. Реляционная модель, имея лучшие эксплуатационные характеристики, по-прежнему представляет определенную сложность, как в проектировании баз данных, так и в наглядности выходных материалов. Наиболее привычная для нас иерархическая модель даже в современных СУБД не лишена проблем значительного дублирования данных. Новые Web-технологии позволяют решать вопросы совмещения лучших качеств не

только реляционной и иерархической модели, но и использовать привычные для систематиков сетевые модели хранения и индексирования данных.

Государственные органы призваны определить некоторые единые стандарты хранения информации, а именно:

- единую систему индексации, хотя бы по ключевым словарям относимости;
- права и порядок доступа к информации государственных структур;
- систему электронных архивов.

Специалисты, которые возьмутся за решение этих проблем, найдут свое поле деятельности.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Вопрос представления готовых результатов почему-то не востребован теоретиками и квалифицированными специалистами. Считается, что можно ограничиться текстуальной популяризацией до уровня удобочитаемости, а дальнейшее должно зависеть от общего уровня образованности и культуры заказчика-управленца. Не беру на себя ответственность оценивать общий уровень образованности наших управленцев, однако точно знаю, что там, где мы забывали про этап представления информации руководителю (заказчику), там, безусловно, проигрывали.

Практика подготовки результирующих материалов подтверждает применимость хорошо известных правил маркетинга. Все приемы и методики этой работы мы почерпнули у Ф.Котлера.

Наибольшую сложность представляет организация системы регулярных выходных данных, востребуемых управленцем. С одной стороны, если аналитический продукт не имеет ежедневных, еженедельных и других стандартов периодичности, то работа аналитического подразделения превращается в аналитический клуб. С другой стороны, если подавать «на стол» руководителю только то, что само собой получается в ходе повседневной обработки информации, это, в конце концов, приводит к остановке развития аналитического подразделения.

Очевидно, что легче подогнать интерфейс подачи материалов под конкретного руководителя, чем пытаться научить его пользоваться любыми непривычными стандартами. Конечно, в этом случае смена руководства может нанести серьезный удар по всей схеме презентации результатов аналитической работы, однако даже в этом случае считаю целесообразной работу по перенастройке меню и форм регулярно подаваемых материалов.

Другим сложным элементом, требующим внимания ученых, разрабатывающих системы аналитической поддержки, можно считать построение механизма оперативного реагирования на сложные запросы, как непосредственного руководителя, так и вышестоящих инстанций. Более того, время ответа на запрос нужно считать одним из основных формальных критериев оценки эффективности работы аналитического подразделения (аналитической системы).

Чаще всего данную проблему пытаются решать при помощи экстенсивных приемов накопления информации. Конечно, если управленческая структура заказчика позволяет осуществлять сбор и хранение всех возможных данных (т.е. за счет постоянного увеличения штатной численности информационных работников),

то остается лишь не запутаться в бесчисленных архивных массивах. Другая крайность – попытка предугадать запрос, также малоэффективна. Ключ к проблеме лежит в более плотной работе с формальной и неформальной стратегией обслуживаемой организации. Создавая структурированный комментарий к реальной стратегии, можно четко определить схему накапливаемых массивов и последовательность тематических анализов. Такая работа себя оправдывает в 90% случаев неожиданных запросов и не требует дополнительных сил и ресурсов памяти. Всё кажется просто, но нельзя забывать о том, что полнота знания стратегических задач зависит от уровня взаимного доверия управленца и аналитика, который в свою очередь зависит от качества представляемых выходных материалов.

Профессиональный аналитик, сходящий с «дистанции» в борьбе за единство качества и оперативности представления информации обнаруживает свою некомпетентность.

Производственный цикл хорошей ежедневной газеты обычно составляет 1-1,5 суток, поэтому то, о чем сообщает руководителю аналитик в порядке текущего анализа событий, как минимум не должно иметь большего запаздывания. Простейшая организация сбора информации решает только часть проблемы, а вот то, насколько глубже газетной публикации будет аналитический продукт, полностью зависит от применяемых технологий, приемов и методов обработки данных.

В тех случаях, когда не требуется прямое совмещение аналитических функций с повседневной информационной работой, вопрос своевременности представления информации приобретает еще более острое значение, прежде всего из-за кажущейся неочевидности.

Таким образом, норматив оперативности представления информации, независимо от постановки задач заказчиком, должен стать одним из ведущих собственных критериев оценки работы аналитической системы.

Важное значение имеет форма подачи материалов, ее простота и наглядность, ясность и максимальная краткость.

Так, нами неоднократно отмечалась большая эффективность иерархичной структуры выходной информации по сравнению с табличной (реляционной). Современные компьютерные технологии, позволяющие легко оформлять материалы при помощи макроссылок, систем ниспадающих меню и деловой графики, упрощают техническую часть этой работы. Именно поэтому разработка современных подходов и методик подачи материалов приобретает все большее значение.

Другим аспектом этой проблемы является дифференциация подачи информации. Если квалифицировано работающий информационно-аналитический аппарат подаст весь имеющийся значимый материал к рассмотрению, то это может обескуражить любого самого трудолюбивого управленца. С другой стороны, право селекции выходных материалов может вести за собой и элемент манипулирования деятельностью управленца. Такое положение вещей, безусловно, переводит любую аналитическую структуру в зону жесткой борьбы за влияние, что очень часто ведет вообще к разрушению какой-либо системности.

Избежать подобных проблем на практике можно построением многоуровневой схемы подачи информации и аналитического продукта. Так, первому лицу подается информация по принципу отклонения от нормы и все аналитические материалы, более обширный массив информации представляется заместителям в соответствии с курируемыми тематиками. Всю имеющую вторичную информацию должны получать специалисты по проблемам. Информация, не востребуемая ни на одном уровне, должна сниматься с производства.

КЛЮЧЕВАЯ ЗАДАЧА ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Любое решение задачи создания достаточно технологичных систем анализа упираются в проблемы формализации логических единиц информации. Независимо от того, какая модель используется аналитиком, так или иначе необходимо решить задачу описания следующих элементов: действие; событие; лицо; организация; конфликт; документ; параметры взаимосвязи указанных элементов.

Большинство существующих аналитических моделей имеют очень сложные механизмы описания элементов системы и слишком большое количество параметров. Особенно этим страдают экспертные системы, ориентированные на готовые решения в качестве результата. Излишнее количество параметров не только не увеличивает точность выходных результатов, но еще и значительно усложняет настройку и эксплуатацию системы, особенно в динамичной современной обстановке. С другой стороны, упрощенный подход с применением набора рейтинговых механизмов, не позволяет в полной мере использовать современный математический аппарат для анализа.

Другой немаловажной задачей подбора параметров является простота их оценки и интерпретации, поскольку от этого зависит как точность взаимного понимания всех участников аналитического процесса, так и время, необходимое на обслуживание информационных массивов. Особо хотелось бы обратить внимание на временные затраты, необходимые на обслуживание одного информационного объекта. Мы неоднократно замечали, что к обслуживанию разных по объему электронных карточек специалисты по-разному относятся. Грубо говоря, если минимально потребная работа с одним информационным объектом превышает 3-минутный интервал, то с таким массивом специалисты работают с большим нежеланием.

Процесс корректировки, настройки и совершенствования аналитической системы должен быть непрерывен, а, следовательно, при определении параметров основных элементов необходимо предусмотреть достаточно гибкий и хорошо определенный набор коэффициентов настройки.

В заключение немного хотелось коснуться кадрового обеспечения. По-видимому, наша высшая школа со временем найдет механизмы коррекции в программах подготовки специалистов, поскольку не может быть нормальным такое положение вещей, когда готовится огромное количество невостребованных прикладных и системных программистов и фактически не ведется целенаправленная подготовка специалистов по СУБД (системам управления базами данных). Если мы хотим повысить эффективность государственного и

политического управления, то необходимо заботиться о подготовке специалистов информационной обработки, потребность в которых будет возрастать по мере роста информационной культуры в государстве. Возможно, назрел и курс подготовки специалистов–постановщиков, специалистов–интеграторов и мастеров информационной поддержки управленческих решений, которые бы сочетали в себе не только хорошее знание компьютерных технологий, но и владели теорией управления, имели навыки аналитической работы.

Список литературы

1. Гвишиани Д. Методологические аспекты системных исследований. Системный анализ и системное моделирование. - М., 1983.
2. Proctor J.H. A theoretical basis for International Organization Change with Comments from thirty year perspective// Journal of the Washington Academy of Sciences, 1992.
3. Саати Т., Кернс К. Аналитическое планирование. Организация систем. - М., 1991.
4. Саати Т. Математические модели конфликтных ситуаций. - М., 1977.
5. Tikhomirov V. New International Development Strategy: A systems analysis approach. - N.Y., 1981
6. Тихомиров В. Планирование и анализ эксперимента. - М., 1974.
7. Шабров О.Ф. Компьютерное моделирование социально-политических процессов. – М., 1985.

Поступило в редакцию 23 мая 2001 г.

УДК 323.15

Сенюшкіна Т.О.

ДЕРЖАВНА ПОЛІТИКА КРАЇН ЄВРОПИ У СФЕРІ ЗАХИСТУ ПРАВ НАЦІОНАЛЬНИХ МЕНШИН

Питання, що пов'язані з перспективами існування національних меншин та їх взаємодії з більшістю населення останнім часом набули актуальності майже для всіх європейських країн. Об'єднання Європи та устремління до європейської інтеграції йдуть поруч з відродженням пошуків національної незалежності. Крім цього, майже всі європейські держави спіткала проблема емігрантів з Середньоземноморських країн, а також біженців, завдяки чому більшість сучасних Західноєвропейських суспільств перетворились з мононаціональних на багатоетнічні.

У свою чергу, процес трансформації в колишніх соціалістичних суспільствах привів до системних змін у державному устрої цих країн. Після падіння трьох федерацій – СРСР, Югославії та Чехословацької Республіки на мапі Європи з'явилося 27 нових держав, територіальні кордоні яких не завжди відповідають етнічним кордонам. Все це сприяло активізації національних меншин, а в деяких випадках призвело до етнічних конфліктів.

Як правило, етнічні меншини чітко формулюють свої устремління. Найчастіше вони сфокусовані в реалізації кількох цілей:

- 1) боротьба за рівні права і недискримінацію з боку титульного етносу;
- 2) отстоювання групових (колективних) прав;
- 3) устремління до інституаналізації групових прав у межах персональної автономії;
- 4) вимоги встановлення територіальної автономії;
- 5) устремління до самовизначення та реалізації права на відділення не виключаючи повну політичну незалежність.

Більшість з цих цілей можна розглядати у межах основних прав людини. Поряд з цим, певні питання є дискусійними та не мають однозначної відповіді. Міжетнічні відносини - протирічливий соціальний феномен, який розвивається під впливом історичного розвитку, етнічного складу населення, економічних, політичних та інших факторів. Міжетнічні відносини завжди конкретні, у кожній країні вони специфічні і потребують регулювання з боку держави.

У світовому досвіді вже не одне десятиріччя існує певна система заходів щодо забезпечення прав людини та реалізації принципів етнічної рівності. Фактично

розробленим є міжнародно-правовий інститут прав та свобод етнічних меншин. В більшості розвинутих країн реалізується довгострокова державна національна політика. Однак, слід зауважити, що розробка державної політики в сфері захисту прав національних меншин в Європі є більш результативною, ніж в інших частинах світу. Саме тому вивчення європейського досвіду у сфері регулювання міжетнічних відносин має велике значення для України, це допоможе більш конструктивному вирішенню міжетнічних проблем в країні та вдосконаленню державної національної політики.

ДЕФІНІЦІЯ ТЕРМІНУ “НАЦІОНАЛЬНА (ЕТНІЧНА) МЕНШИНА”

В міжнародно-правових актах термін національна (етнічна) меншина практично не має єдиної дефініції. В основних документах ООН використовується декілька термінів: “національні, етнічні, расові та релігійні групи” (Конвенція про попередження злочинів геноциду та покаранні за нього, 1948 р.); “етнічні, релігійні чи мовні меншини” (Пакт про цивільні та політичні права, 1966 р.). Термін “національна меншина” використовується також в інших європейських документах і документах ОБСЄ [1].

Найбільш поширене визначення терміну “етнічна меншина” було запропоновано Ф.Капоторті, який був спеціальним доповідником підкомісії по попередженню дискримінації і захисту меншин Комісії з прав людини ООН. Згідно з цією дефініцією, етнічна меншина визначається як “група, що має меншу кількість у відношенні до основного населення держави і не займає домінуючого положення в ньому, члени якої – громадяни цієї країни – мають етнічні, релігійні та лінгвістичні особливості, що відрізняють їх від іншого населення, а також демонструють почуття солідарності, які націлені на збереження своєї культури, традицій, релігії та мови” [2, с 96].

Етнічна група, що знаходиться у стані національної меншини, може мати різні соціокультурні риси: бути малою часткою більш крупного етносу, який має свою державу, бути часткою етносу, розселеного по різних країнах, бути цілісною групою, яка не має своєї державності. В деяких випадках до національних меншин також відносять корінні народи та біженців.

Проблема дефініції меншин також ускладнюється у зв'язку з визначенням критеріїв етнічної ідентифікації. Найчастіше головним критерієм є мова: материнська мова (канадський підхід), основна мова сімейного спілкування (швейцарський підхід). Але цей принцип є також дискурсійним. Мова не завжди визначає етнічну само ідентифікацію людини.

ДІЮЧІ МЕХАНІЗМИ ЗАХИСТУ ПРАВ НАЦІОНАЛЬНИХ МЕНШИН У МІЖНАРОДНОМУ ПРАВІ

Існує два рівня регулювання захисту меншин: міжнародний і внутрішньодержавний. Документи міжнародного права можуть мати універсальний, регіональний і двосторонній характер. Відповідно з міжнародно-правовими

нормами захисту меншин існують індивідуальні права, колективні права та об'єктивні гарантії.

Тривалий час у міжнародному праві існувала точка зору, відповідно з якою гарантії індивідуальних прав розглядались як достатні для захисту інтересів національних меншин. Концепція групових прав, ідея захисту меншин як спільноти почала розвиватися з кінця 80-х років.

Вперше питання про рівні права малих народів особливо гостро заявило про себе після першої світової війни. В цей час почалось активне формування системи їх міжнародно-правового захисту у межах Ліги Націй. Серед основних принципів правового регулювання становища національних меншин, які були оформлені в документах Ліги, слід визначити такі як: національне рівноправ'я громадян держави, тобто рівні цивільні та політичні права незалежно від різності раси, мови та релігії, гарантії користуватися рідною мовою в судах; відсутність державних обмежень незалежно від офіційної мови, у відношенні вільного користування якою б то ні було мовою в приватних та торговельних відносинах, в релігії, пресі, публічних виступах. Меншинам гарантується однакове право утворювати за свої кошти благодійні, релігійні та громадські установи, школи та інші виховуючі установи, з правом використовувати свою рідну мову і вільно сповідувати свою релігію; в окремих випадках розглядаються питання щодо адміністративної автономії та самоврядування [3, 23].

В 1947 році Комісією ООН по правам людини була створена підкомісія щодо запобіганню дискримінації та захисту меншин. Крім цього, Генеральною Асамблеєю ООН була прийнята Резолюція 217 с (3) під назвою "Доля меншин". В 1966 році ООН приймає Міжнародний пакт цивільних та політичних прав, в якому є спеціальна стаття, що присвячена правам меншин: "В цих країнах, де існують етнічні, релігійні та мовні меншини, особам, що належать до таких меншин, не може бути відмовлено в праві разом з іншими членами тієї ж групи використовувати свою культуру, сповідувати свою релігію, використовувати її обряди, а також вживати рідну мову" [2, с. 96].

В 1992 році Генеральною Асамблеєю ООН була прийнята Декларація про права осіб, що належать до національних або етнічних, релігійних та мовних меншин. В цьому документі розглядаються права меншин та їх представників (щодо захисту зі сторони держави, використання своєї культури, мови, віри, утворення своїх громад, вільних та мирних контактів крізь кордони з громадянами інших держав тієї ж національності, релігії та мови, активної участі у вирішенні питань, що до них належать та ін.), а також обов'язків держав утворювати умови для розвитку меншинами своєї культури, мови, релігії, для більш повної їх участі у розвитку держави, враховувати законні інтереси меншин у внутрішній та зовнішній політиці та ін.

Механізми захисту меншин присутні також в документах регіональних організацій, які є суб'єктами міжнародних відносин. Радою Європи в 1992 році прийнято Європейську Хартію про регіональні мови та мови меншин. В межах цієї організації було розроблено "Рамочну конвенцію (Європейську) про захист національних меншин", яку 19 лютого 1995 р. підписали 21 держава Європи.

Новий етап у розвитку проблеми захисту меншин пов'язано з діяльністю РБСЕ (з 1994 ОБСЕ). Перша зустріч міністрів іноземних справ всіх європейських держав (за виключенням Албанії), а також США і Канади відбулась у 1973 році, а 2 роки поспіль було підписано укладений документ цієї зустрічі, відомий як Гельсінський акт [4, 189].

Концепція РБСЕ щодо національних меншин була суттєво доповнена на Венській зустрічі у 1986 році, Паризьській у 1989 році, Копенгагенській у 1990 році, Женевській у 1991 році. У 1992 році відбулась зустріч на вищому рівні у Гельсінкі, в результаті якої була створена посада Верховного Комісара по національним меншинам, головними завданнями якого є: збір інформації з питань меншин, оцінка кризових ситуацій у їх найбільш ранньої фазі та пошук шляхів запобігання конфліктам. В 1992 році на зустрічі в Будапешті РБСЕ було перетворено на ОБСЕ (організація з безпеки та співробітництва в Європі). Стандарти, що були вироблені ОБСЕ, стали основою багатьох документів-узгоджень між окремими країнами, законів та ін. Важливе місце серед них займають регіональні проекти співробітництва. Так, у 1991 р. Польща, Чехія, Словачія та Угорщина створили так звану "Вишеградську групу", в лютому 1993 р. Україна, Угорщина та Польща у місті Дебрецені підписали декларацію "Про співробітництво націй та народностей", що мешкають в Карпатському регіоні.

Принципи взаємовідносин між державою та меншинами розроблені також в багатосторонніх та двосторонніх угодах про співробітництво. Наприклад, Австрія та Італія після другої світової війни домовились про становище німецькомовних громадян. Угода 1955 р. між Данією та ФРН передбачає заходи щодо захисту німецьких мешканців в Данії. Таке ж саме становище мають мешканці в ФРН [5, с. 31-34].

На початку 90-х років в Європі з'явилися двосторонні угоди. Німеччина підписала угоди про співробітництво та партнерство з країнами, де мешкають німецькі меншини – з колишнім СРСР, Польщею, Угорщиною, колишньою Чехословаччиною, Румунією. Польща підписала угоди з Україною, Росією, Литвою. Договір про принципи співробітництва у сфері захисту прав меншин було підписано також між Україною та Угорщиною, Росією та Угорщиною, Словенією та Угорщиною. Крім того, було підписано програми співробітництва в галузі науки, культури, освіти між колишньою Югославією та Італією, Австрією і Угорщиною.

ОСНОВНІ НАПРЯМКИ ДЕРЖАВНОЇ ПОЛІТИКИ КРАЇН ЄВРОПИ В СФЕРІ МІЖЕТНІЧНИХ ВІДНОСИН

Документи ООН, Ради Європи, ОБСЕ політично та морально зобов'язують держави до виконання розроблених цими неурядовими організаціями критеріїв, але не втручаються в системи державних юридичних норм. Багато питань залишаються в компетенції окремих країн. У спеціальному дослідженні ООН щодо расової дискримінації у політичній, соціальній та культурній сферах (1971) сформульовані основні підходи до проблеми етнічних меншин:

1. Асиміляція базується на ідеї переваги домінуючої культури, гомогенності країни за рахунок відмови від багатоманітності культур у користь домінуючій.
2. Інтеграція постулює процес, в якому багатоманітність елементів культури комбінується у єдність, утримуючи базову ідентичність. Інтеграція передбачає гарантію рівних прав та можливостей для всіх громадян незалежно від їхньої групової належності.
3. Фузія представляє собою процес, в якому двічі більше культур комбінуються та утворюють нову культуру, що відмінна від похідних. Фузія – це не стільки політика, скільки результат, який дає можливість для меншої ієрархії та більшої рівності між культурами, що вступили в контакт.
4. Плюралізм – це політика, яка націлена на об'єднання різних етнічних груп, культивує рівність та повагу. Але в багатоетнічних суспільствах така політика символізує як роз'єднання, так і об'єднання, або внутрішнє роз'єднання союзу.
5. Сегрегація – це політика, яка базується на домінації однієї культури при збереженні деяких етнічних груп в незмішаному вигляді, але в ієрархічній позиції [6].

Форма закріплення особливостей статусу та каталог прав етнічних груп в країнах Європи різні. На державному рівні діють такі акти внутрішнього законодавства: конституційні, що вміщують в себе норми про охорону прав іншомовних громадян або їх груп; законодавчі, що пов'язані з наданням автономного статусу автономним одиницям; комплексні, які регламентують правовий стан всіх іншомовних груп в державі, або конкретної групи; акти, які закріплюють окремі аспекти правового статусу іншомовних груп або спеціальні заходи що до захисту у конкретних сферах; нормативні, що регулюють права громадян або сфери діяльності, які мають спеціальні положення про діяльність представників іноетнічних груп.

Аналіз прав та статусу меншин в країнах розвинутої демократії показує, що існують різні методи внутрішньодержавного регулювання становища етнічних груп. В багатоетнічних державах ця проблема у законодавстві проявляє себе в гарантіях рівності культур окремих етносів і спеціальному захисті культури національних меншин.

Один з найбільш цікавих прикладів у цьому зв'язку є – конституція Італії, яка регламентує правовідносини у сфері міжнаціональних відносин таким чином: 1. Повне визначення рівності всіх громадян, незалежно від національності, раси та віри; 2. Визнання існування окремих меншин, право на їх захист; 3. Можливість створення спеціальних регіональних автономій, для того, щоб забезпечити права основних лінгвістичних меншин; 4. Повна повага релігійного плюралізму, також завдяки визначанню різних релігійних конфесій як інституціонально значущих “соціальних формувань”.

Особливу позицію займає Франція, яка не підтримує статтю 27 Міжнародного пакту про громадянські та політичні права стосовно меншин. Згідно зі статтею 2

Конституції Франції, ця країна “забезпечує рівність перед законом всіх громадян, незалежно від походження раси чи релігії” [7].

Дослідження ситуації в країнах Східної Європи показує, що в минулому всі конституції соціалістичних країн включали до себе статті стосовно меншин. В ході конституційних реформ перехідного періоду вони уточнювались, в деяких випадках конкретизувались. Особливо слід відзначити статтю 68 Конституції Угорської республіки (1989 р.), статті 24 та 25 Каталогу основних прав та свобод, що було прийнято Чехословацьким парламентом в 1991 р. і досі діючого в Чехії, статті 61-65 Конституції Словенії, статті 33-34 Конституції Словаччії. Поряд з тим, Конституція Болгарії (1991р.), навпаки, не визначає наявності меншин і заперечує політичні партії за етнічним принципом. Також наявність меншин ігнорується в Конституції Польщі [8].

Конституційні засади регулювання становища етнічних меншин конкретизовані в законах про меншини, що прийняті в країнах, де мешкають меншини. Наприклад, в Австрії Закон про національні меншини гарантує їм захист з боку держави, цілісність складу, повагу до мови та народності. Громадяни Австрії можуть вільно входити до складу меншини, однак ніхто не зобов'язаний доводити свою належність до тієї чи іншої категорії населення. Закон передбачає форми фінансової допомоги, що надає держава для збереження культурної самобутності і забезпечення прав, підтримки існування. У розділі 3 цього закону доводиться, що міністр фінансів повинен передбачати в проекті бюджету федерації певну суму для підтримки меншин. На території, де представники меншини складають 25 відсотків населення, передбачається двомовність топографічних назв, а також використання мови меншин, як офіційної поряд з німецькою в деяких установах [5, с. 71].

Не менш детально розроблена система захисту меншин в Угорщині. Спеціальна глава угорського Закону про меншини присвячена самоврядуванню меншин в сфері культури та освіти. Держава підтримує викладання рідної мови меншин, що мешкають на території Угорщини; в вищих учбових закладах. Дитина відповідно з бажанням батьків, може навчатись на рідній мові або вивчати рідну мову як спеціальну дисципліну, отримуючи освіту на Угорській мові. Закон не заперечує використання вчителів, які прибули з країн рідної мови.

Одна з глав закону передбачає умови використання мови. В Державних Зборах депутат, що був обраний від національної меншини може використовувати рідну мову. Протоколи органів місцевого самоврядування мають вестись на двох мовах - угорській та мові національної меншини. Крім цього, держава підтримує фінансову реалізацію прав меншин. З цією метою нараховуються кошти для дошкільного навчання рідною мовою а також для діяльності органів самоврядування та громадських організацій [5, с. 127].

Закони про меншини також були прийняті в Латвії (19.3.1991), Литві (26.11.1989 з уточненням 29.1.1991), Естонії (1993), Молдавії (26.6.1992), Білорусії (11.11.1992), Хорватії (4.12.1991 з доповненням 17.6.1992). Особливе значення мають закони про мову, що були прийняті на початку 1989 р. в республіках Прибалтиці, а потім в 1989 - 1991 рр. і всіма республіками колишнього СРСР. Закони про мову були також прийняті у Сербії (1991 р.) та Чехословаччині (1990 р.).

Дослідження законів, прийнятих Європейськими країнами, показує, що вони базуються на статті 27 Міжнародного пакту про громадянські та політичні права. При цьому колективні права національних меншин розглядаються спеціально лише в окремих випадках, а в більшості ситуацій пріоритет залишається за індивідуальними правами, що націлені на колективну силу. Наприклад, стаття 12 Латвійського закону про меншини гарантує національній групі право на збереження національної культури, стаття 64 Словенської конституції наділяє італійські та угорські меншини індивідуальними та груповими правами.

Реально групові права можуть бути реалізованими у випадку, коли національна спільнота визначається у якості соціального феномену, а також, якщо йому дозволено легально утворювати установи та об'єднання. Об'єктивні гарантії індивідуальних прав дає їх узаконювання на колективному рівні. Наприклад, Угорська республіка надає захист національним та мовним меншинам, гарантує їм участь у житті суспільства, розвиток їх культури, вживання рідної мови, освіти на рідній мові, а також вживання традиційних етнічних імен. Особливо слід виділити три типу колективних гарантій, які надаються країнами Європи національним меншинам: освіта, вживання рідної мови і представництво в органах влади.

Отже, вивчення механізмів управління і функціонування державної національної політики в багатоетнічних суспільствах Європи надає різноманітну інформацію для аналізу та використання у практиці державного управління в Україні. Звичайно, міжетнічні відносини завжди конкретні, у кожній країні вони специфічні і потребують регулювання у певних умовах найбільш ефективними засобами. Однак, слід зауважити, що устремління та цілі етнічних меншин, а також засоби їх реалізації мають спільні прояви в різних країнах. Аналіз Європейського досвіду показує, що головні питання, які актуалізують меншини, пов'язані з проблемами вживання рідної мови, освіти, та представництва в органах державної влади. Всі ці проблеми вирішуються в Європейських країнах на рівні міжнародного права, регіонального самоврядування та внутрішньодержавного врегулювання. Саме тут знайдено також розумний баланс співвідношення між правами меншин та обов'язками держави створювати умови для розвитку меншинами своєї культури, мови, релігії, головної участі у розвитку держави.

Вивчення цього досвіду є важливим фактором для розробки стратегії і механізмів політики у відношенні національностей в Україні. На наш погляд, основа політичної формули України повинна базуватися на позиції демократичного союродянства та культурного плюралізму. Багатоетнічний склад населення України може бути плідною основою для розвитку культури та становлення держави, але в той же час ця обставина може привести до складних проблем та гострих конфліктів. У цій сфері найбільш плідним є використання матеріалів міжнародних організацій (ООН, ОБСЄ та ін.), які мають досвід у питаннях оцінки кризових ситуацій та раннього запобігання конфліктам. З боку держави, у свою чергу, слід здійснювати професійний аналіз розвитку міжетнічної ситуації, володіти механізмами впливу та регулювання, а також мати політичну волю та засоби здійснення механізмів управління конфліктами.

Наприкінці відмітимо те, що треба проявити розуміння і терпіння перед лицем дуже складної проблеми меншин. Час – це важливий фактор у формуванні громадянської культури та розробці політики, що здійснюється за демократичними правилами. Саме тому погляд на меншини слід направити не у минуле, але у майбутнє. Для цього необхідно подолати спокусу ностальгії або санкцій, що направлені у минуле.

Питання, які розглянуті у цій статті, торкаються лише деяких проблем регулювання становища меншин у багатоетнічному суспільстві. Деякі аспекти життя національних меншин – правова забезпеченість, особливості соціального статусу, співвідношення прав меншин і людини ще будуть дискутуватися. Однак, на наш погляд, загальні принципи політики у сфері захисту меншин і концепції окремих держав повинні базуватися на виконанні кількох умов:

1. національні меншини повинні володіти всіма громадянськими, політичними, економічними, культурними правами, які має домінуючий етнос;
2. національним меншинам важливо забезпечити умови, що дозволяють зберігати та розвивати культурні особливості, мову, релігію та ін.; у ряді випадків меншинам слід надавати певні пільги;
3. необхідно шукати мирні шляхи демократичного існування різних груп в суспільстві, не допускати гострих питань, орієнтуватися на діалог.

Перелік літератури

1. Documents on Autonomy and Minority rights. Ed. H. Hannum. - Dordrecht, 1993.
2. Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. U.N.Doc...E / CN.4 / Sub2 / 384.
3. С.В. Соколовский. Международно-правовые проблемы защиты меньшинств // Права и статус национальных меньшинств в бывшем СССР. - М., 1993.
4. Национально-культурные автономии и объединения. Сборник документов. Т.3. - М. 1995.
5. Protection of minorities. - N.Y., 1967.
6. Dub.: UN Special Study on Racial Discrimination in the Political, Economic, Social and Cultural Spheres. UN Publication, Sales № 71.14.2.
7. Конституции буржуазных государств Европы. - М., 1982.
8. The Constitution of new Democracies in Europe. Ed.P.Raina. - London, 1995.

Поступило в редакцію 21 мая 2001 г.

УДК 321.7

Стариш А. Г.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ОТКРЫТЫХ СИСТЕМ

Первой задачей философии должно оказаться получение чистого опыта, то есть без всего того, что в развитии мышления оказалось примесью к опыту.

Рихард Авенариус

Достижения науки конца 40-х – начала 50-х годов уходящего столетия заставили современных философов достаточно существенно пересмотреть взгляды на общество, на системы общественного устройства, на традиционные системы ценностей. Отправной точкой такой трансформации послужила теория конвергенции. Однако, осуждаемый гуманитариями "технологический подход", во всем блеске, особенно с учетом создания системы международных информационных телекоммуникаций, проявился на рубеже II и III тысячелетий.

Естественно, что информационная революция спровоцировала и новейшую революцию в области гуманитарных и социальных наук. В свою очередь эта революция показывает, что гуманитарными науками все больше осваивается заимствованная у естествознания модель «точной науки», опирающейся не только на качественный, но и на количественный анализ, эксперимент и ориентированной не столько аксиологически, сколько технологически.

Так с каких же позиций выступает новейшее гуманитарное знание, изучающее разнообразное влияние «человеческого фактора» при моделировании современных технополисов? Служит ли оно приспособлению техники к человеку или человек является рабом-слугой техники?

Сегодня существует две основные тенденции-предпосылки при рассмотрении данного вопроса:

- постмодернистское *предостережение* прогрессу;
- открытое (постиндустриальное) общество *наследует* индустриально-техническую доминанту.

Если справедлива первая предпосылка, то все вопросы, связанные с ней, упираются в главный, касающийся самой сути человека: является ли гуманитарное знание, сформированное западной цивилизацией, наиболее адекватным выражением человеческой природы, не знающей естественных норм и границ, или, напротив, Запад явил миру авантюру – отклонение от естественного человеческого образа и естественного порядка.

Если справедлива вторая предпосылка, и открытое общество наследует технико-технологическую доминанту, соответствующим образом адаптированную к современным условиям и вызванными ими соответствующими требованиями: вместо энергоемкого – наукоемкое, вместо промышленной гигантомании – гибкие малые и средние формы на базе high technology, вместо традиционной машинной индустрии – информационная, то можно с высокой степенью вероятности прогнозировать капитуляцию новифилологической элиты. Постоянно прогрессирующие достижения научно-технического прогресса и, как следствие, экономического благосостояния будут способствовать постоянному сужению политического ареала гуманитарной элиты.

С точки зрения теории открытых систем, можно прогнозировать, что вслед за политическими лидерами государств переходного типа, провозгласившими пересмотр основополагающих принципов развития своих держав, последует более многочисленное среднее звено – звено «командиров производства». И по мере преодоления технического консерватизма индустриальной эпохи и переориентации на high technology оно будет становиться адептом западного постиндустриализма. Его тяготение к правоцентристским коалициям с явными уклонами в стратегию «третьего пути» постепенно сменится последовательным техническим экуменизмом в духе открытого – демократического общества.

Современный политический гуманизм имеет два лица: националистическое и космополитическое. При этом, как считают как «технари», так и гуманитарии, они имеют достаточно глубокое внутреннее сходство, которое, например, А. Турен выразил так: «Две доминанты современной культуры выступают в тесной взаимосвязи: чем больше окружающий нас мир выступает как произведенный универсум, как техническая среда, тем больше люди выступают в качестве социальных атомов, лишившихся прежних богов и ритуалов – всей символической системы, с помощью которой прежние общества привязывали к себе индивида». Таким образом, учитывая сходство между техническими универсалиями демократического общества (шкала по теории открытых систем) и универсалиями либерализма, объединяющими людей помимо сословно-групповых и этнических перегородок, можно с высокой степенью вероятности ожидать консолидации между технократической и гуманитарной элитами, выступающими с лозунгами *единых прав человека и единого информационного пространства*.

То есть мы вновь возвращаемся к теории конвергенции Дж. Голбрейта и У. Ростоу и трансформируем ее положения, применительно к современному уровню научных достижений, таким образом: по мере развития мировой информационной (коммуникационной) системы будет происходить сближение полюсных (крайних) взглядов, путей и способов-технологий развития человеческой цивилизации.

Отметим при этом, что процессы информационного накопления значительно опережают возможности информационных инвестиций – возможности адаптировать общие модели к специфическим областям политической практики. Таким образом, духовные элиты государств всех трех – демократического, переходного и недемократического типов, дискредитируя известные способы жизнеустройства, не могут установить новые (пример М. Горбачева). В контексте политических технологий это можно обозначить как неспособность государственных элит стать субъектами конкретного политического действия, трансформаторами общих целей и ценностей (практически всегда заимствованных) на язык интересов конкретных групп. Хотя особенность подлинных элит состоит в том, что, активно взаимодействуя со средой, центрами национального и мирового духовного производства, они не порывают с группой, интересы которой представляют, активно привносит сюда почерпнутую из вне информацию. Сложность в развитии государств переходного типа состоит еще и в том, что их социальные группы еще не сформировали своих элит, способных удовлетворять названным требованиям: чем интенсивнее их (элит) контакт с внешним окружением, тем слабее их связь с внутренним. Такое состояние можно охарактеризовать как денационализацию политической элиты. При этом параллельно идет денационализация наиболее мобильных социальных слоев, прежде всего тех, благодаря которым социум государств переходного типа приспособляется к новой эпохе, ее нормам и требованиям. И в первую очередь это относится к молодежи.

В свете сказанного целесообразно остановиться на следующем. В настоящее время каждые десять лет объем производимой цивилизацией информации удваивается. И эта тенденция непрерывно стремится к геометрической прогрессии. То есть имеются все основания констатировать тот факт, что производство знаний превратилось в полноценную самостоятельную отрасль современной экономики. Естественно, что технология данного производства требует наиболее квалифицированных кадров. В этих условиях особую роль приобрел вопрос о практическом использовании-применении производимых знаний, повышении информационного обеспечения общественной практики, возрастании удельного веса high technology и социально-управленческих знаний в общей сумме инвестируемого интеллектуального капитала. Очевидно, что главным аспектом эффективности использования уже накопленного и создаваемого новейшего знания является демографическая проблема.

Практика показывает, что особое место в системе интеллектуальных запросов отводится новейшим экспериментальным поискам научной и общественно-политической мысли. Не обремененная познаниями предыдущих поколений, наиболее активным как производителем, так и потребителем новейших знаний практически всегда выступает *молодежь*: т. е. на духовный климат общества информационная революция оказывает влияние преимущественно через образование молодого поколения. Таким образом, молодежь выступает в качестве группы, посредством интеллектуальной, профессиональной и культурной

активности которой общество интегрирует достижения научно-технического прогресса.

Реакцию – удовлетворенность-неудовлетворенность (S – satisfaction) – социальной группы, занятой в процессе информационного обмена – отношении информации уже адаптированной к новым условиям и используемой при принятии соответствующих решений (V' вых.) к накопленной (V' нак.) и сгенерированной (V' сген.) можно представить в виде формулы:

$$S = \frac{V'_{\text{вых.}}}{V'_{\text{нак.}} + V'_{\text{сген.}}} \quad 100 \% \quad (1)$$

Активное взаимодействие различных социальных групп государств переходного и демократического типов (к недемократическим системам это относится в значительно меньшей степени) создает условия, когда V' нак. значительно опережает возможности ее перевода в V' вых., то есть в плоскость использования-применения для принятия практических решений. Очевидно, что такой информационный обмен способствует циклическому развитию общества: сперва доминируют периоды накопления информации, за ними следуют периоды использования обработанной и проанализированной информации. При этом цикличность проявляется в том, что при некотором критическом значении S – перепроизводстве общей информации по отношению к информации социальной – наступает кризис. И, соответственно, наоборот: по мере роста использования уже накопленной информации – общественный подъем.

Геометрический рост технико-технологических достижений, когда человек не только на работе, но и в быту окружен последними новинками high technology, создают высоконасыщенную информационную среду постоянного обитания. При этом внешняя информационная среда (что наиболее характерно для стран недемократического и, частично, для стран переходного типов) искусственно («железный занавес») отделялась от внутренней среды, среды трансформации языка абстрактных знаний на язык практических решений.

С разработкой и внедрением современных информационных технологий очень быстро достигает критического значения и огромный информационный поток, даже частично прошедший через сознание индивидов держав недемократического типа, рушит «железный занавес». На наш взгляд, это только вершина айсберга информационной революции.

В условиях информационной революции ключевым для общества переходного типа является вопрос: сумеет ли оно сохранить в собственном социокультурном поле передовые общественные группы? Особенно остро эта проблема касается наиболее инновационной части общества – молодежи.

Научно-технический прорыв послевоенного (1939-1945 гг.) периода привел к массовому моральному старению профессий: более 50% всех ныне существующих профессий не были известны каких-то 30 лет назад. Решение этой проблемы в основном сводится к активизации профессиональной миграции, в которой главная

роль принадлежит молодежи, так как прежде всего именно она занята освоением новых специальностей. Практика показывает, что территориальная подвижность молодежи в пять раз выше территориальной подвижности других возрастных групп населения.

Такая территориальная подвижность молодежи порождает как минимум две проблемы:

1. Миграция городов – города-призраки;
2. Межнациональные браки – стирание отличительных национальных особенностей конкретных культур – базы национальностерильных государств.

В свою очередь, проблему миграции городов целесообразно разделить на две подпроблемы:

1.1. Миграции, вызванной оттоком в поисках работы населения детородного возраста и, как следствие, естественного вымирания населения и появления городов-призраков;

1.2. Миграции, вызванной техногенными катастрофами – ключевое *влияние человеческого фактора* и/или ошибки в целесообразности проектирования высокотехнических производств на потенциально опасных территориях – территориях возможного проявления природных катаклизмов: вулканических извержений, землетрясений, цунами, смерчей.

Результатами этих проблем является невосполняемая затратная экономика и падение жизненного уровня населения, провоцирующие очередную миграцию населения.

И если первая из обозначенных проблем имеет однозначно негативные последствия для общества, то вторая имеет и свои, правда, уже более для мирового сообщества в целом, нежели для конкретной нации, положительные стороны.

Первая из них состоит в том, что интернациональные браки воспроизводят более жизнеспособное население.

Вторая – миграция населения способствует:

– перераспределению всех имеющихся у человечества материальных ресурсов, при вполне, с точки зрения цивилизации в целом, разумной концентрации интеллектуальных;

– относительно быстрому разрушению «железных занавесов» и, как следствие, переходу от состояния державы недемократического (потенциально взрывоопасного не только для внутреннего, но и для внешнего мира) к переходному и – в перспективе – демократическому типу.

Естественно, что, так как носителем информации является индивид, именно постоянно мигрирующий человеческий поток и является составной частью межсредового информационного пространства. Вторым носителем информации в межсредовом информационном пространстве являются коммуникации. И, естественно, нет никакого смысла противопоставлять один информационный носитель другому – они органически взаимосвязаны. Таким образом вопрос: что первично или кто главнее – теряет всяческий смысл.

Политическая система как таковая не имеет какого-то специфического инструментария, позволявшего бы ей сорбировать и целенаправлять материально-

интеллектуальный потенциал управляемых ею. Естественно, что для эффективности политической системы она должна быть способна перерабатывать социальные заказы в принимаемые (поддерживаемые) населением политические решения и технологии их реализации.

Какие же технологии при этом используются?

1. Трансляция информации из внешнего информационного потока во внутренний.

2. Превентивное развитие внешнего информационного потока.

Рассмотрим теперь каждую их технологий в отдельности.

Основной деформацией, характеризующей державы недемократического типа является неспособность и/или нежелание их политических систем постоянно сопоставлять интересы, генерируемые внутренним и внешним информационными потоками. В этом случае социальная неудовлетворенность – крайне низкое значение S – практически не имеет легального выхода. При том, что официальный (внутренний, полностью контролируемый) информационный поток пресыщен оптимизмом и благодушием. В условиях, когда общественная деятельность приобретает более комплексный характер, узкоотраслевой способ сбора и обработки информации становится тормозом, препятствует развитию общества. Межведомственная разобщенность фактически является «черной дырой», сорбирующей социальную информацию и, как следствие, не учитывающую интересы различных социальных групп. Кроме того, структура официальной коммуникации всегда – даже в системах демократического типа – консервативна и, как следствие, с большим опозданием реагирует на новые социальные требования времени, постоянно таким образом подвергая себя возможности быть отлученной от власти, т. е. вызвать новые социальные потрясения.

Таким образом, для полноценного функционирования внешнего информационного потока только внедрение новых достижений научно-технического прогресса недостаточно. Информационная революция должна носить и социальный характер: то есть обеспечить свободный информационный обмен между внутренним и внешним информационными потоками. Отметим при этом, что появление межсредового информационного пространства при слабом влиянии друг на друга внутреннего и внешнего информационных потоков только увеличивает пропасть между ними, приводит к запаздыванию в принятии решений и вместо созидательных порождает разрушительные для политической системы силы. Теперь становится понятным философский смысл государств демократического типа: накапливаемая во внешнем информационном потоке информация стабильно поступает во внутренний информационный поток, что дает возможность политической системе оперативно реагировать на новые социальные проблемы, возникающие не только по инициативе самой политической системы, но и под влиянием межсредового информационного пространства.

Перейдем теперь к рассмотрению второго пути – технологии трансляции социального заказа в принимаемые решения.

Для государств недемократического типа характерна монополизация всех государственных функций в руках политической системы. Недоверие к обществу,

крайняя ревность к самостоятельности и независимой инициативе заставляет систему стремиться вмешиваться в сферы общественной жизни, включая личную. Такое вмешательство связано не с попыткой получения обратной связи на принимаемые системой решения, но на тотальное распределение – влияние на собственное общество. При этом практически вне поля зрения, остаются целые пласты народной жизни: хозяйственной, культурной, семейно-бытовой, опирающиеся на соответствующие обычаи и традиции, а, следовательно, и не учитываемые при принятии решений. Таким образом, государственные институты власти выступают гегемоном, требующим самоотказа от проявления любых инициатив во имя светлого будущего. Этатизм деформирует всю систему управления, препятствуя не только развитию самоуправления, но даже в рамках собственной административной системы разумного делегирования административных полномочий сверху вниз.

Опыт становления государств открытого типа показывает, что при принятии решений, кроме его принимающего, должны также присутствовать эксперты. Но информационная революция внесла свою поправку в эту схему. В диалог двух неравных – управленца и эксперта (будь то «гуманитарий» или «технар»), должен быть включен третий участник – тот, чью судьбу в той или иной степени затрагивает принимаемое решение, то есть представитель заинтересованных групп населения. Так как именно ему предстоит пожинать результаты принимаемого решения. И, как показывает опыт, благодаря прежде всего интуиции заинтересованной стороны можно избежать фатальных ошибок при принятии решений. Такая модель дает не только колоссальный выигрыш во времени и оперативности принятия решения, но и, что не менее важно, выигрыш в качестве.

Модель государства демократического (открытого) типа включает не только внутренний, циркулирующий между субъектами политической системы, но и внешний информационный поток, обеспечивающий стабильные, полноценные связи во внешней среде. Отметим при этом, что внешний информационный поток значительно больше внутреннего по объему, т. е. по количеству вырабатываемых и принимаемых внутри него решений. Внутренний же определяется сравнительно узким кругом проблем государственного масштаба. Однако, этот круг динамичен: государство демократического типа эволюционирует по пути возрастающего делегирования функций сверху вниз: от государственных институтов власти к многообразным субъектам гражданского общества.

Теория открытых систем, построенная на основе создания и внедрения современных информационных технологий, уже перевернувших в умах многих представление как об устройстве общества и общественном сознании, так и о возможных путях развития человечества, позволяет предположить следующее.

Конкуренция интересов различных социальных групп практически всегда (но уже на государственном уровне!) препятствует созданию четкой стратегической линии и/или выработке определенного стратегического курса при принятии тех или иных решений. Тем более, что далеко не всегда возможно рассчитать или предопределить результаты-последствия тех или иных научных исследований и разработок. Именно на этом стыке мы подходим к пониманию истоков

противоречия "гуманитарии" – "технологический подход". Политики, определяющие стратегию и тактику развития государства, обычно люди – 50-ти и более лет. Их отставание от уровня научно-технического прогресса более чем существенно. Ученые же и разработчики обычно далеки от политики. Этим и только этим мы можем объяснить тот факт, что, являясь родителями систем телекоммуникаций – от оборудования до программного обеспечения – США так и не стали хозяевами Internet и, как следствие, всех тех возможностей, которые Internet предоставляет. Повторимся: пользователями – да, хозяевами – нет: дети научно-технического прогресса *уже опережают* своих родителей!

Таким образом, можно констатировать тот факт, что межсредовое информационное пространство, давая неограниченные возможности в смысле личностного (индивидуального) общения и обмена произвольными информационными массивами, практически *не подвластны* какой бы то ни было *идеологии*. При этом, являя собой систему сообщающихся сосудов между государствами с различными политико-экономическим, социальным, национальным, религиозным и культурным укладами, **открытые системы фактически являются внесударственной системой. В этом и состоит смысл теории открытых систем.**

Перспективы применения теории открытых систем огромны, например, как только открытые системы достигнут критической в рамках мирового пространства массы (определенное количество пользователей-абонентов, влияющих в той или иной степени на принятие решений системой, в которой они находятся и рассчитать которую сегодня практически невозможно, а косвенные оценки вряд ли когда-нибудь совпадут с реальными), государственные институты власти, включая политическую элиту, увидят, что их властные полномочия сокращаются: внешняя среда не принимает вырабатываемые политической системой решения.

То есть через систему сообщающихся сосудов начнется перераспределение власти, перераспределение сфер влияния в сторону выравнивания возможностей всех членов-участников системы. В качестве примера такой ситуации и/или модели можно привести Канаду и Австралию – доминионы Великобритании и независимые постсоветские (переходного типа) государства: *реальных возможностей для развития у доминионов больше, чем у независимых государств*. Парадокс? Отнюдь. Просто работает открытая система – система сообщающихся сосудов.

Смеем предположить, что теория открытых систем станет основополагающей технологией моделирования путей развития мирового сообщества на ближайшие десятилетия.

Внедрение средств телекоммуникаций и современных информационных технологий окажет непереоценимое влияние на взгляды и убеждения не только личности как таковой, но и наций и народов. Это влияние приведет к качественному росту их мировосприятия и, как следствие, коренному изменению мировоззрения, что повлечет за собой существенное сглаживание разницы в уровне мышления всех действующих лиц открытых систем.

Таким образом, межсредовое информационное пространство – пространство международных контактов, развивающееся вне рамок традиционных национальных

государств, созданное многонациональными корпорациями, неправительственными организациями и научными обществами, получившее колоссальное развитие благодаря Internet, фактически являет собой неофициальную мировую систему сопряжения интересов, способствующую более упорядоченному и всеохватывающему сотрудничеству в глобальных масштабах. В ближайшие десятилетия на базе межсредового информационного пространства может быть создана реально функционирующая система глобального сотрудничества, которая постепенно возьмет на себя роль мирового «регента», способного нести груз ответственности за стабильность и безопасность во всем мире.

Список литературы

1. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. – М., 1994.
2. Старіш О. Г. Духовність і суспільство на порозі 2000-річчя Різдва Христового. – Матеріали Міжнародної Ювілейної конференції. – Севастополь – Сімферополь, 1997.

Поступило в редакцію 21 мая 2001 г.

УДК 111.6+304.4+141.7

Филатов А.С.

ИМПЕРАТИВ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Говоря об императиве, регулирующем поведение человека, невозможно оставить без внимания философию И. Канта. Он был первым, кто ввел в понятийный оборот этот термин и представил его значение в качестве основной этической нормы. Для Канта императив (в любом его виде - гипотетический или категориальный) есть *повеление*, лежащее в основе социальной деятельности личности и регулирующее эту деятельность. Потому мы имеем дело с определенными повелительными нормами, которые требуют от человека соблюдать их предписания и в соответствии с ними регулировать свою повседневную деятельность. Это означает, что отклонение или даже невыполнение таких норм и правил возможно, но оно несет негативные последствия для самого человека. На примере морально-нравственных ценностей И.Кант показал необходимость и даже выгоду соблюдения принципов гипотетического, а особенно категориального императивов.

Для нас императив выходит за пределы морально-нравственной сферы и относится к комплексному бытию социальной системы в ее взаимодействии с окружающей средой. При этом процесс взаимодействия создает необходимые экзистенциально значимые условия для человеческого существования. И именно эти условия содержат в себе императивные ценности, как повеление условий существования человека, где реализуется его деятельность.

Известно, что этимологом современного термина "экология", введенным в научный оборот Э. Геккелем в 1866 г., является древнегреческое *oikos* - обиталище. *Oikumenē* у древнегреческого историка и географа Гекатея Милетского (ок. 546-480 гг. до н. э.) это обитаемое пространство, среда, освоенная человеком.

Придерживаясь этих исходных значений, следует под экологией понимать учение об осваиваемой (освоенной) и создаваемой (созданной) среде обитания человека, либо непосредственно саму эту среду. В этом случае эпитет "экологический" позволяет подчеркнуть принадлежность к среде, освоенной Человеком и содержащей в себе условия его социального существования. Таким образом экология (как синоним ойкумены) это не вся Природа, а только та ее часть, где о-существляется социальная деятельность. Условия этой среды во многом определяются, особенно в современную эпоху, самой деятельностью Человека. Поэтому экологический императив характерен не только для общества "эпохи ноосферы" и не сводится лишь к нравственным ценностям, как считает Н.Н. Моисеев. Он фактически является необходимым атрибутом истории существования

человеческого общества. Этим отмечается значение деятельностного фактора в создании условий существования Человека. В результате реализации своих деятельностных возможностей человек создает продукты, предметы, процессы в окружающей его среде. Тем самым обеспечиваются условия человеческого существования, определяется дальнейшее развитие и параметры совершенствования человеческой деятельности, ее пределы и формы. Получается, то, что человек создает и как создает, тем он и пользуется, то и формирует рамки его социального бытия. В этом русле дается трактовка экологического императива, определяются его специфические признаки.

Для Н.Моисеева переход биосферы в сферу разума (ноосферу) еще ожидает человеческое общество и "это будет мучительный и небыстрый процесс выработки новых принципов согласования своих действий и нового поведения людей. Другими словами, **новой нравственности** (выделено мной - А. Ф.)" [1, с. 25].

Социальная деятельность личности, основанная на определенном качестве сознания, определяет индивидуальную свободу, а также обуславливает свободу других социальных субъектов. Она же позволяет человеку активно взаимодействовать с окружающей природной средой. Но, в то же время, социальная деятельность имеет свои параметры, свидетельствующие о ее качестве, свои ограничения, связанные с условиями ее осуществления и свой уровень притязаний, выражающий возможности действующего субъекта. Эти атрибуты социальной деятельности непосредственно связаны с принципами, лежащими в основе взаимодействия Человека и природы, со спецификой способа такого взаимодействия, признаками освоения Человеком окружающей среды и ее качеством.

Процесс социальной эволюции имеет в своей основе автономность человека в мире природы. Оставаясь частью мироздания (Вселенной) человек строит свои собственные жизненные конструкции, взаимодействуя с природной средой. "Отторжение" человека от природной, в том числе животной, среды требует от него создания жизненно-необходимых конструкций. Конструирование жизни предполагает не только обеспечение биологических потребностей в пище, одежде, продолжении рода, но и организацию социальной структуры. Причем организационный фактор, обеспечиваемый человеческим сознанием, является основополагающим в создании жизненных конструкций. К его компонентам относятся язык, религия, другие социальные институты, культура в целом и т. п. Но, *конструирование жизни* становится возможным только при условии взаимодействия с "отторженной" природой, процессы которой человек активно использует для обеспечения своего существования. Поэтому уже в историческом прошлом человека четко просматривается процесс использования определенных природных источников существования.

Следовательно, понятие **источника социального существования** предполагает определенные процессы в окружающей Человека среде, в которые он включается и посредством взаимодействия обеспечивает необходимые условия своего существования. Процесс взаимодействия и система отношений общества и природы выступают как необходимые основания человеческого существования.

Изменения в использовании источника существования, особенно на ранней стадии исторического развития, влекут за собой неминуемые социальные последствия. Например, экологический кризис связан, прежде всего, с изменившимся и изменяющимся источником и условиями социального существования. Не исключено, что либо следствием либо причиной, а может быть тем и другим одновременно, "неолитической революции" был глобальный экологический кризис [См. 2, с. 132]. Потому так важно сейчас, осуществляя и добиваясь свободы социальной деятельности, руководствоваться экологическим императивом. Прямым следствием нарушения экологического императива становится деструктуризация общества, разрушение ее системности. Это происходит по той причине, что процесс взаимодействия Человека с природой является необходимым компонентом функционирования социальной системы.

Системный характер взаимодействия общества с природой лучше всего может понять положение, высказанное в свое время Г.Гегелем: "Все, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования" [3, с. 301]. Следуя гегелевской логике по определению существования как отношения целого и части, являющихся противоположностями, можно отметить применительно к рассматриваемой нами проблеме следующее. Общество, в период своего становления, относится к природе как часть, - противоположная, - к целому. В современную эпоху природа (Земли) предстает как часть целого социопланетарного явления - ноосферы по В.И. Вернадскому. И в этом одна из примечательных черт нашего времени.

В качестве основных исторических форм или способов взаимодействия общества и природы выступают: **присваивающий, производящий и созидающий способы экзистенциального взаимодействия.** Для первого характерны такие виды хозяйственной деятельности как охота, рыболовство и собирательство. В этот период существует *первобытный способ производства.* Второй способ взаимодействия обеспечивает развитие земледелия и скотоводства. Он позволяет повсеместно утвердиться *сельскохозяйственному способу производства.* Благодаря переходу к третьему, созидающему способу экзистенциального взаимодействия интенсивное развитие получают автономные промышленные технологии. Это свидетельствует о формировании и совершенствовании *промышленно-автоматизированного способа производства.*

В рамках функционирования источника социального существования и реализации способа экзистенциального взаимодействия обозначается существование экологического императива. Он выражает обратное (возвратное) повеление человеку от условий реализации и самой реализации его деятельностных качеств. Экологический императив регулирует процесс реализации, а значит, воздействует на социальную свободу личности. Поэтому, *экологический императив есть детерминация параметров, пределов и возможностей деятельности социальных субъектов (от личности до социума) способом, качеством и принципами освоения и создания человеком среды обитания.* В таком случае действие экологического императива в целом характерно для

экзистенциального взаимодействия Человека и природы в процессе всего социально-исторического развития.

Исходя из данного нами определения, действие экологического императива предполагает:

- взаимосвязь настоящей и предшествующей человеческой деятельности;
- причинную обусловленность деятельности условиями созданной и создаваемой Человеком среды обитания;
- ограничения деятельности принципами, лежащими в основе условий человеческого существования;
- зависимость содержания, направленности, состояния, характера, формы и других параметров деятельности от качественных показателей условий социального существования;
- существенное влияние на содержание и форму деятельности способа взаимодействия Человека с природной средой, который выступает в качестве основного средства ее освоения и преобразования.

В процессе исторического развития человеческого общества возрастает значение деятельностного фактора в формировании экологического императива. Уже на самой ранней, начальной стадии социального развития человек, реализуя свое деятельностное начало, *включаясь* в естественно-природные процессы, непосредственно участвует в формировании условий своего существования. И тогда же, наряду с определенной степенью свободы в реализации своих сущностных сил, человек обретает социальную ответственность. Она в полном объеме может и не осознаваться, но это абсолютно не меняет сути происходящего. В случае любого вида или формы деятельности социальных субъектов (их деятельности в обществе и посредством общества), совершаемой на основе свободного выбора, неизбежно возникает ответственность за результаты и последствия. Ответственность может наступать в самых разнообразных формах (не всегда непосредственно) в различных сферах (иногда одновременно) общественной жизни человека.

Наличие возможности и, более того, необходимость свободного выбора у человека, отторгнувшись от природы, приводит к обязательному возникновению ответственности за действия выбирающего субъекта. В этом состоит принципиальное отличие человека от животных, жизнедеятельность которых включена в естественно-природные процессы и не требует свободы выбора. Следовательно, свободный выбор социального субъекта уже сам по себе предполагает ответственность за действия и деятельность в целом. Осознание ответственности является необходимым компонентом экологического императива.

Ж.-П. Сартр в лекции "Экзистенциализм - это гуманизм" говорит о том, что человек обречен на свободу выбора, ибо он есть "проект", который ему самому предстоит реализовывать в процессе существования, тем самым, обретая свою сущность, сущность человека. В противном случае человека не будет, будет что-то другое - "мох, ... плесень, ... цветная капуста", но не человек. При такой раскладке делает вывод французский философ, "если существование действительно предшествует сущности, то человек ответственен за то, что он есть. Таким образом

первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование" [4, с. 323].

Необходимо отметить, что ответственность личности возрастает пропорционально росту ее само-осознания. Причем личность предстает в качестве субъекта, способного свободно выбирать и реализовывать в актах социальной свободы не только свои индивидуальные потребности и интересы. Личность реализует также "выбранные" интересы социальной общности, представителем которой она является, и в целом общественные потребности и интересы. В последнем случае особенно ответственность сопряжена с экологическим императивом и предполагает целую систему по саморегуляции и регуляции деятельности, ее ограничению при необходимости.

Человек, становясь творцом жизненно важных для себя процессов, развивающихся в окружающей среде, просто обязан возложить на себя высокую долю ответственности за результаты социальной деятельности. Не только в юридическом плане, но и нравственном. Тем более, что нравственная ответственность в эпоху индустриального производства имеет первостепенное значение. Ведь результаты созидательной деятельности человека в сфере материального производства могут повлечь такие последствия, которые невозможно будет восполнить ни экономической, ни юридической ответственностью. К примеру: деятельность человека занятого в сфере атомной энергетики с большим долженствованием (в смысле безопасности, предотвращения катастроф) корректируется нравственным императивом. И если И.Кант искал "опору" категориальному императиву в поведении людей на небе, то в нашем примере отступление от нравственного императива может вообще лишит человека и земной, и небесной опоры.

Академик Н.Н.Моисеев в своей книге "Человек и ноосфера" нравственный императив человеческой деятельности непосредственно связывает с выполнением экологического императива. По его мнению, в настоящее время "общество постепенно вступает в эпоху, когда его дальнейшее развитие возможно лишь в условиях выполнения "экологического императива". Современная наука по мере своего развития способна во все большей степени раскрывать его содержание и формулировать систему запретов, обязательных для всех людей, стран и народов" [1, с. 258].

Вероятно столь категорическая постановка вопроса вполне оправдана. Даже по той причине, что она звучит из уст крупнейшего ученого, посвятившего свою научную деятельность разработке теории оптимального управления. Если мы рассмотрим требования экологического и нравственного императивов сквозь призму интересов человека, сохранения достойного существования и существования вообще, то они отнюдь не покажутся чрезмерными. Такие требования будут необходимыми, сходными с известным принципом: "не убий!". И Н.Н. Моисеев, фактически, говорит о нравственном императиве в экологической деятельности.

Таким образом, продолжается традиция, заложенная более двухсот лет тому назад И. Кантом. Тогда немецкий философ впервые сформулировал проблему

нравственного, по своей сути, императива (выступающего в двух видах - гипотетическом и категориальном). Пожалуй, как никто другой в то время он осознал надвигающиеся социальные перемены в мире, которые были обозначены и отражены в трактате "К вечному миру". Эти перемены, как теперь достаточно хорошо видно, связаны с формированием новой системы мироздания. Такого мироздания, в котором фактор экологической деятельности Человека, приводящей к изменениям в окружающей среде, играл немаловажную роль. По этой причине мировоззренческие принципы человека, включающие в себя нравственные ценности, моральные нормы и правила, испытывают влияние экологического императива и подвергаются определенной трансформации.

Процесс формирования мировоззрения в качестве одного из своих компонентов имеет психологические установки человека. Тем самым прослеживается взаимосвязь мировоззрения и социального поведения личности. Человеческое поведение, как отмечал М.Вебер, становится социальным действием тогда, когда действующий субъект осознает свои действия и соотносит их с позицией и поведением других людей. Таким образом, обнаруживается смыслообразующий принцип мировоззрения и социального действия личности, их взаимного влияния. Следовательно, реализация деятельностных качеств личности в равной степени и оказывает влияние на формирование мировоззрения человека, и испытывает его на себе. Этот процесс отслежен М.Вебером в работе "Протестантская этика и дух капитализма". Протестантское мировоззрение сформировалось под влиянием социальной деятельности эпохи Возрождения, основанной на принципах индивидуализма. В свою очередь, дух индивидуализма и этические принципы Протестантизма оказали решающее воздействие на становление капиталистической системы общественных отношений и социальной деятельности.

В тесном взаимодействии с мировоззрением находится мышление. Последнее, особенно реализующееся в форме менталитета общества и ментальности личности, оказывает непосредственное влияние на социальное поведение человека. Недаром и мышление, и мировоззрение становятся атрибутивными признаками для определенной исторической эпохи. Например: мировоззрение первобытного человека и первобытное мышление или средневековое мировоззрение и мышление человека феодального общества.

В этих определениях обозначен базисный уровень исторической эпохи для качественной характеристики мышления и мировоззрения. А параметры эпохи складываются на основе специфических способов взаимодействия Человека и природы, зависящих от уровня развития человеческого сознания. Осознанная реализация деятельностной функции человека в процессе его взаимодействия с окружающей природной средой обуславливает нормативность мышления и мировоззренческие устои. Ведь нормативность мышления человека сельскохозяйственной цивилизации явно и принципиально отлична от нормативности первобытного мышления. основополагающие мировоззренческие устои той же сельскохозяйственной цивилизации, будут характерны для всего данного исторического этапа. Хотя, типы мировоззрения и даже мировоззренческие

принципы будут изменяться, в зависимости от региональной, временной и социальной специфики того или иного общества.

Изменяющаяся система мироздания, исходя из отмеченных процессов взаимодействия Человека и природы, обуславливает качественные преобразования в сфере мышления человека и социума. В принципе, это и является формированием нового мышления. Необходимым становится создание новых понятий и суждений, теорий и концепций о месте и предназначении Человека в мире природы, формирование парадигмы исследования мироздания.

Что касается нового мышления, то оно непременно должно быть реализовано и в сфере экологической деятельности, отчетливо выделяющейся в последнее время со всеми ее специфическими чертами. Экологическая деятельность, с ее глобальным охватом всех форм человеческой деятельности в окружающей среде, настоятельно требует утверждения экологического императива в общественном сознании и мировоззрении. Обоснование экологического императива основывается на разработках отечественных философов, которые неоднократно подчеркивали значение сознательного фактора в регуляции взаимодействия общества и природы. Например, Ю.В.Олейников пишет: "Природные процессы вследствие более низкого уровня развития механизмов саморегуляции (в сравнении с социальными процессами) не могут обеспечить поддержание динамического условия существования системы общество - природа. **Функцию регулятора может теперь выполнять только общество как непосредственный субъект взаимодействия различных уровней организации материи** (выделено мной - А.Ф.)" [5, с. 20].

Совершенно очевидно, что социальная свобода, как способ реализации деятельностных качеств личности, не может быть достигнута без учета экологического императива. Деятельностное участие человека в формировании системы мироздания и экологического императива, создание благоприятных условий для реализации социальной свободы служат основанием для утверждения самостоятельности личности и общества. Это в полной мере отвечает духу современной эпохи, одним из основных признаков которой является становление и утверждение принципов автономного общества. Принципы самостоятельности современного общества проявляются не только в процессе взаимодействия с природной средой, где человек выполняет созидательные функции. Они все более доминируют и в современной системе общественных отношений, отмеченных высокой степенью социальной мобильности, политической независимости действующих социальных субъектов и институтов.

Список литературы

1. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. - М., 1990.
2. Горелов А.А., Гудожник Г.С. Философско-мировоззренческие основы взаимоотношений человека и природы // Гармонизация системы "человек - природа". - М., 1989.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. I. Наука логики. М., 1974.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. Под ред. Яковлева А.А. - М., 1989.
5. Олейников Ю.В. Экологические альтернативы НТР. - М., 1987.

УДК 911.3 + 301 + 324 (477.75)

Хан Е.А.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ

Пространственный подход общенаучен: почти все науки независимо от того, являются ли они общественными, естественными, гуманитарными или техническими, включают в свой инструментарий понятие "пространство" и приспособливают его для собственных предметных областей.

Пространств может быть много, но пространственность, являющаяся объективной и универсальной формой упорядочивания, одна. Ее матрица представляет собой декартову систему координат, в которой ось телесных вещей пересекается с осью смысла, придаваемого этим вещам. Так как эта матрица бессознательно присуща человеку, то она получила название генетической. Она изначально закладывает невозможность построения универсального знания, ориентацию познания вдоль одной из осей [1, с. 18].

Эта принципиальная гносеологическая схема встречается во многих работах самых различных авторов в разных вариациях. В своем исследовании мы будем говорить об общественных науках, в частности, о социологии – науке, претендующей на выработку универсального социального знания. В социологии с момента ее рождения развитие получили два противоположных направления, с трудом сочетающиеся и в наши дни: исследования, посвященные анализу социального факта (в рамках структурного функционализма, позитивизма) и конкретного индивида (феноменология, символический интеракционизм, этнометодология).

В социологии существует, по крайней мере, два рода попыток связать эти уровни исследований. Во-первых, при помощи множества т.н. "средних", "специальных" теорий, которые соединяют социологию и другие общественные дисциплины (изучающие "свои" участки исследовательского пространства). Во-вторых, построение одной объединяющей концепции. Но при этом ученые вынуждены отказаться от построения строгой теории и проводить исследование путем интуитивно-логических, преимущественно теоретических, подборок, единственным критерием достоверности которых выступает их плодотворность [2, с. 24] (рис. 1).

По-видимому, нет оснований сомневаться в том, что все возможности расширения познавательного статуса социологии в рамках традиционного исследовательского пространства уже реализованы. А значит, поиск нового пути построения объединяющих концепций необходимо вести на стыке социальных и других, не относящихся к разряду традиционных общественных дисциплин. Закономерно, что исследовательское пространство в этом случае будет иметь существенно новое качество.

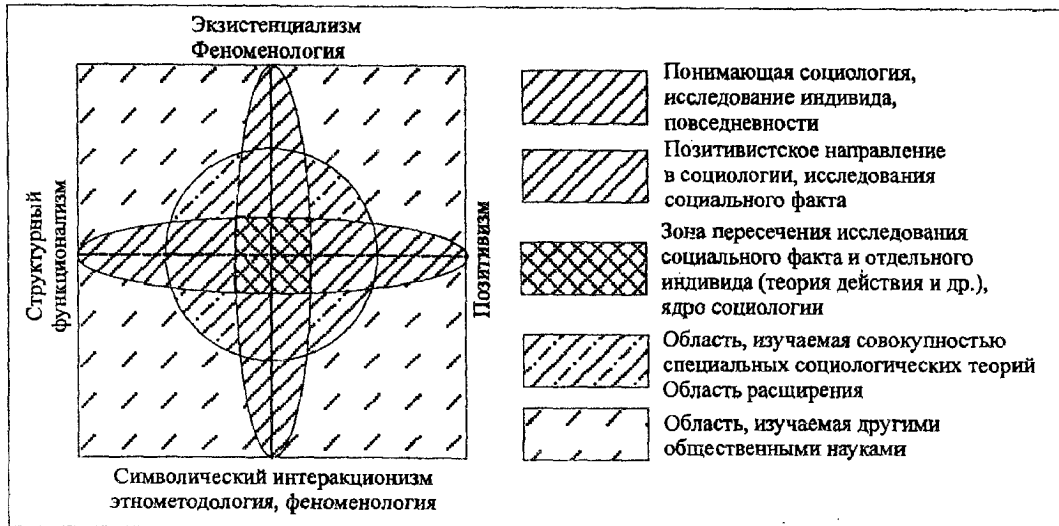


Рис.1. Генетическая матрица пространственности социологического знания

Итак, практически все современные науки включают "пространство" в свой инструментарий, приспособливают его для своих предметных областей. Но в то же время существуют дисциплины, в которых понятие "пространство" является одним из базовых. К числу таких наук относится география. В ней с помощью понятия пространства удачно схватываются единство (совместность) разнородных вещей и цельность мира. Пространство в географии выступает в качестве и предмета, и инструмента (ключевого объяснительного принципа) исследования [1, с. 28].

По выражению Н.Баранского: "Географическое мышление – это мышление ... связанное, комплексное, не замыкающееся в рамках одного "элемента", или "отрасли", иначе говоря, "играющее аккордами, а не одним пальчиком" [3, с. 39]. Для географии объективно, по внутренней сути, присуще стремление связать естественнонаучное и социокультурное понимание пространства, тогда как другие дисциплины могут этим пренебречь. А значит, география – это та наука, которая может рассчитывать на удачу при создании объединяющих общественных концепций.

Подтверждением тому является эволюция наук. Если социология за более чем полтора столетия своего существования, так и не смогла преодолеть субъектно-объектного противоречия, то география это сделала в течение трех десятилетий.

Например, западная общественная география во второй половине XX века прошла путь от "новой" (позитивистской, стремящейся построить математическую модель окружающего мира) к гуманистической (изучавшей географические воззрения отдельного человека, стоящей на философских позициях экзистенциализма, феноменологии). Исследования в рамках этих направлений строились строго вдоль одной из осей (рис.2). Но уже в 70-х гг. XX в. они органично переплелись в рамках Лундской школы, где социально-экономические предпосылки были соединены с психологией восприятия (диффузия нововведений, миграции, электоральная география и др.). Кроме того, страноведение (традиционная географическая "объединяющая концепция") в этот период дополнилась регионалистикой, осуществлявшей комплексный анализ региона, рассматривающей его внешние связи, исходя из понимания роли места в стране.

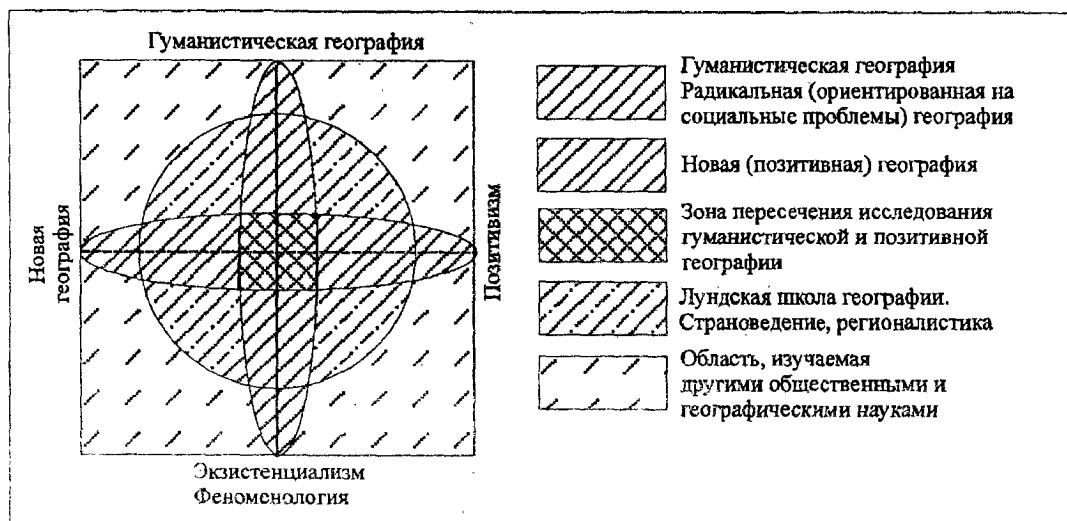


Рис.2. Генетическая матрица пространственности общественно-географического знания (на основе западных исследований)

В отличие от западной науки общественная география в СССР строилась в рамках одной теории и стояла на позициях изучения общества в пределах оси тел (экономическая и социальная география). Ось смысла (культурная география, география человека) практически не рассматривалась. В конечном счете, это привело советскую общественную географию в тупик, который в начале 80-х стал очевиден. Как следствие – в течение двух последних десятилетий гуманизация и социологизация стали основными направлениями развития всех отраслей советского, постсоветского общественно-географического знания, которое и ныне расширяется по вертикали (рис. 3).

Таким образом, география как наука, в которой пространство выступало и предметом и инструментом исследования, смогла (в отличие от социологии с ее множеством частных социологических дисциплин и объединяющих теорий в виде

неверифицируемых общих положений) выработать единые доказуемые синтезирующие концепции.

Каков же механизм этого решения? Для ответа на этот вопрос рассмотрим процесс вертикального расширения постсоветского общественно-географического знания.

Географию от других наук отличает совсем не объект исследования, а метод, ее хорологический подход к изучению мира. А потому география "всеядна", и рост ее знания давно уже происходит не внутри, а на стыке с другими науками. О пограничности исторической, экономической географии написано уже немало, а потому мы рассмотрим малоизученную, но быстро развивающуюся сегодня науку – политическую географию.

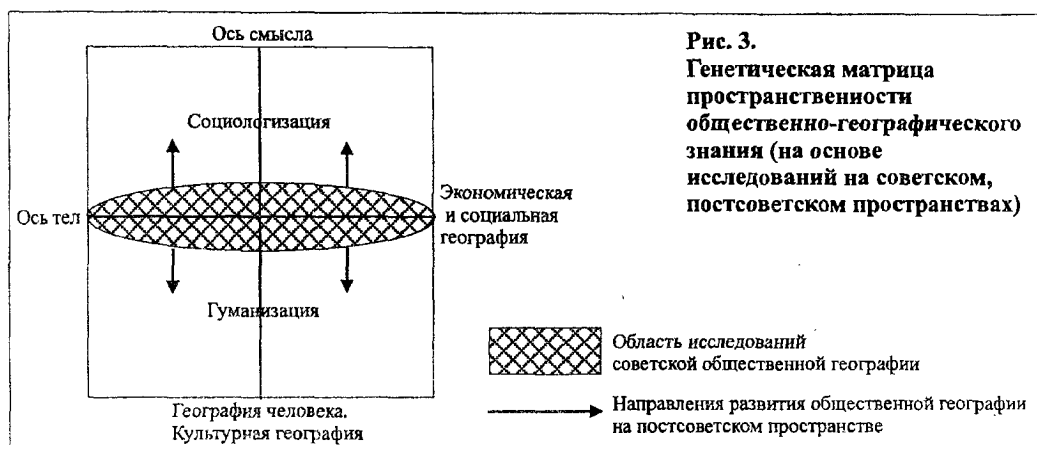


Рис. 3.
Генетическая матрица пространственности общественно-географического знания (на основе исследований на советском, постсоветском пространствах)

Рис.3. Генетическая матрица пространственности общественно-географического знания (на основе исследований на советском, постсоветском пространстве)

Ключевым вопросом, вокруг которого группируются все противоположные точки зрения о предмете, объекте, законах и отраслевой принадлежности политической географии, является вопрос о соотношении политики и пространства. Наиболее широко представлены точки зрения, предполагающие подчиненность одного понятия другому. Одни ученые де-факто говорят о географизированной политической статистике, другие – о статистической географии, а немногочисленные третьи, пытаясь избежать противоречия понятий, приходят к очень общим, ни к чему не обязывающим определениям.

Но лишь при понимании равнозначности и единства, как политической, так и пространственной составляющих, политическая география выступает в качестве самостоятельного научного направления. В этом случае предметом политической географии является не весь комплекс взаимоотношений общественных наук и географии, а лишь та их часть, которая находится в диалектическом единстве, когда

влиянием явлений в одной сфере определяется сущность процессов в другой, и наоборот. Эти процессы образуют особое политико-географическое пространство [4, с. 332].

Например, воздействие географии на политику проявляется в формировании особого типа устойчивых социально-политических общностей - территориальных, значение которых растет в периоды увеличения социальной неустойчивости. Кроме того, пространство само по себе является инструментом политики: пространственная изоляция противника, раздел зон влияния, установление контроля над территорией и т.д. Примером обратного влияния (политики на географию) является геополитика - реальная политическая деятельность, направленная на изменение параметров всего политико-географического пространства.

Таким образом, политико-географическое пространство - это не пространство физических тел, в котором осуществляется политическая деятельность, а сама эта деятельность, взятая с атрибутивной точки зрения. Эта деятельность присутствует на обоих осях, характер взаимоотношений между которыми особый для каждой науки. Это пограничное пространство, образованное в результате взаимодействия "материнских" пространств. Генезис его образования в общем виде может быть описан моделью пересекающихся пирамид.

В зависимости от базового образования исследователя в основании пирамиды его анализа лежат разные пространства: у географа - географическое, у политолога - политическое. Каждый из них, отталкиваясь от своего понимания действительности, стремится постичь противоположное пространство. Пересекаясь, они образуют пограничное политико-географическое пространство. Это пространство охватывает не весь "ромб" пересечения, а только его центральную часть, где политическая и географическая составляющие равны между собой (рис.4).

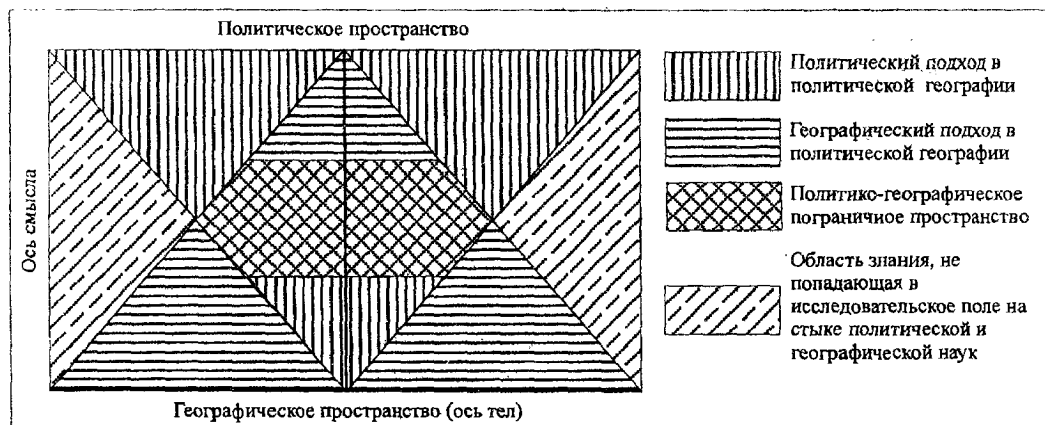


Рис.4 Пограничное пространство в системе общественно-географического знания

Более конкретно процесс образования пограничного пространства рассмотрим на примере электоральной географии (географии выборов).

Формирование электорального поведения избирателей, согласно данным социологов, идет по линии: "идеальные представления – основные мотивы голосования – результаты выборов". Идеальные представления избирателей о политике и постоянно действующих политических субъектах в условиях определения предвыборных идеологических контуров трансформируются в основные мотивы голосования, которые в конкретной политической обстановке, в определенных городах, районах, на строгую дату и дают итоги выборов [5, с. 18].

Эта линия может быть рассмотрена и с точки зрения ученого, занимающегося общественными науками, и с точки зрения географа.

Географ идеальные представления рассматривает с позиций влияния регионального фактора на электоральное поведение, а социолог – социальной структуры. С точки зрения своего доминирующего интереса они изучают и взаимосвязь идеальных представлений с результатами голосования (рис.5).

Так как проводимые ими исследования не дают комплексного понимания действительности, носят фрагментарный характер, то социологи стремятся максимально включить географический фактор в свой анализ, а географы — социологический. Но, как показывает практика, непрофессиональное использование одной наукой методов другой малопродуктивно. В то же время взаимодействие через электорально-географическое пространство открывает перед ними широкие возможности для построения объединяющих концепций. Однако, это возможно только при одном условии — необходимо стоять на позициях пограничного электорально-географического пространства.

В случае электоральной географии пересечение двух исследовательских пирамид происходит на уровне мотивов голосования, в формировании которых политический и географический факторы имеют равное значение. Анализ клубка взаимосвязей в рамках электорально-географического пространства, уже позволил объединить хорошо изученные и социологами и географами зависимости голосования от уровня урбанизации и макрорегиональных различий в теорию политической организации пространства [5, с. 23].

Будучи "проходной" наукой, электоральная география объективно завязана на теснейшее взаимодействие с материнскими пространствами, которые выступают для нее источником информации, а потому тесно контактирует с ними, черпая из них свои знания, и соединяя их в единое исследовательское пространство (рис.5).



В зависимости от разработанности своего аппарата она может быть "центром вселенной" (охватывать все пространство взаимодействия), может быть переходной зоной (играть роль связующего звена), а может даже не иметь собственного лица (когда нет понимания теоретической сути). Для электоральной географии Украины скорее характерна третья характеристика. В рамках этой науки до сих пор защищена только одна диссертация [5, с. 5], и большинством отечественных ученых она рассматривается как узкое направление политической географии.

В своей практической деятельности мы стоим на позициях пограничного пространства, претендуя на охват материала в рамках первой характеристики. Как показала практика, это крайне трудная задача, но высокопродуктивная. В частности, исходя из данных представлений, нами (в рамках Экспертно-социологической группы "Регион") была построена многофакторная модель электорального поведения крымского населения, позволившая еще за восемь месяцев до выборов дать основные параметры мобилизационных возможностей кандидатов, провести точные предвыборные мониторинговые исследования.

Подведем некоторые итоги. Пространственный подход присущ всем наукам современности. Генетическая матрица пространственности содержит две оси: объектную и субъектную, ось тел и ось смысла. Построение универсального невозможно - исследования всегда ориентированы вдоль одной из осей. Это присуще даже социологии - науке о системном понимании общества. Но география, для которой пространство является не только инструментом познания, но и его предметом, позволяет строить объединяющие концепции, в том числе в общественных науках.

В этом случае география вводит дополнительное измерение в традиционное общественное пространство, выступает основой, на которую проецируются общественные явления. Проводящей средой выступают пограничные пространства, в которых географическая и общественная составляющие имеют равное значение. Пограничные пространства, изучаемые соответствующими дисциплинами, носят деятельностно-атрибутивный характер и отражают взаимосвязи явлений в исходных пространствах.

Введение второго исследовательского пространства дополнительно к традиционному и соединение их пограничными полями и дает возможность построения объединяющих концепций, выходящих далеко за пределы традиционного центра, "ядра". Однако главное требование к исследователю при этом — находиться в пограничном пространстве.

Наш опыт показывает, что применение данной теории высокопродуктивно в практической деятельности и может быть с успехом использовано в науковедческих работах..

Список литературы

1. Костинский Г.Д. Географическая матрица пространственности// Известия РАН. – 1997. - №5.
2. Филиппов А. Смысл империи: к социологии политического пространства. – М., 1995.
3. Родоман Б.Б. Уроки географии // Вопросы философии. – 1990. - №4.
4. Аксенов К.Э. Сущностный характер политической географии // Известия Русского географического общества. – 1992. - № 4.
5. Хан Е.А. Электоральная география Крыма: Дисс. ... канд. географ. наук. – Одесса, 1999.

УДК 332.2.021

Шатохин А.М.

АГРАРНА РЕФОРМА В УКРАЇНІ: СОЦІАЛЬНО-ПОЛІТИЧНІ ВИМІРИ

Початок ХХІ століття українське село зустріло у бурхливих хвилях аграрної реформи. Колективна власність, що була пануючою протягом восьми десятиріч, поступається приватній власності на землю і майно. Метою перетворень проголошено відродження на землі ефективного власника, справжнього господаря своєї праці та її результатів.

За останні півтора століття це вже шоста "ринкова атака" на селянство з боку правлячих еліт. Першим в 1861-1863 рр. це намагався зробити Олександр II, звільнивши селян від кріпосної залежності і, створивши умови для розвитку ринку найманої праці. Петро Столипін в 1906-1910 рр. пішов далі, оголосивши землю товаром і об'єктом купівлі-продажу. Він намагався зруйнувати селянську общину, яку вважав гальмом для суцільної капіталізації аграрних відносин у Росії, і пропонував спиратися на "міцного господаря".

Українська революція 1917-1920 рр. продемонструвала цілу "веселку" підходів до розв'язання аграрного питання: від комнезамів, націоналізації та соціалізації землі до відтворення поміщицьких латифундій і проголошення "священного права" приватної власності на землю. Через політичну боротьбу жоден з цих підходів не був реалізований у повному обсязі.

Після "червоногвардійської атаки на капітал" Володимир Ленін і більшовики в 1921 р. проголосили "нову економічну політику", що ґрунтувалася на ринкових засадах у відносинах між містом і селом. Знов ставка була зроблена на "культурного господаря", але нового, не того, що до революції. Він працював на одержавленій, націоналізованій землі, обплутаний низкою обмежень: майнових, фінансових, трудових. Але і йому не судилося вrostи корінням в український ґрунт. В 30-х рр. суцільна колективізація знищила і цього господаря, призвела до голодомору.

В середині 50-х рр. Микита Хрущов зробив помітні кроки на шляху подолання сталінської хвилі закріпачення селян, зрозумівши необхідність переходу до ринкових відносин і розпочавши цей процес із сільського господарства. Але для Хрущова і його оточення товарно-грошові відносини були лише вимушеним, тимчасовим етапом на шляху до комуністичного суспільства, де їм місця вже не було. Звідси й непослідовність цього реформатора, його торохкання, то в бік капіталістичного досвіду, то спроби якнайшвидше покінчити з "проклятим минулим".

У другій половині 60-х рр. Олексій Косигін, реформаторські заслуги якого, на наш погляд, ще недостатньо оцінені, розпочав ринкове реформування в умовах

збереження жорсткого державного регулювання. Населенню знов почали пояснювати значення позабутих термінів "прибуток", "рентабельність", "ефективність" і закликати до формування "почуття господаря". Саме "почуття", бо, що сталося з господарем відомо. Проте навіть такий обмежений крок у бік ринкових відносин привів до справжнього вибуху ділової, виробничої активності як у місті, так і на селі. За показниками ефективності виробництва восьма, дев'ята п'ятирічка були найкращими в історії радянської економіки. І знов чергова адміністративна хвиля зруйнувала нестійкі ринкові будівлі.

Дехто починає відлік сучасного етапу ринкових реформ з 1991р., часу отримання Україною державної незалежності. Звичайно, приємно починати історію з себе, проте такий підхід не відповідає дійсності. Ще Юрій Андропов в 1983 р. фактично легалізував основні ідеї незавершеної реформи 60-х років, а Михайло Горбачов із своїми "виконробами перебудови" розпочав підготовчі роботи, зруйнувавши застарілий будинок адміністративно-командної системи і проголосивши, що на цьому місці буде побудований новий палац у ринкових кольорах. Проте 1987- 1991 рр. пройшли в теоретичних суперечках про те, який у нас повинен бути ринок - регульований чи "дикий" – і в який термін його будувати – за 500, 200 чи 100 днів. Це нагадувало відому дискусію про те, як будувати міст : вздовж чи поперек ріки.

Здається, зараз вже не є актуальною проблема: потрібен ринок чи ні? Відбудувати зруйноване неможливо і непотрібно. Подобається чи не подобається це комусь, але альтернативи ринковим відносинам зараз дійсно немає. Хоч і варто згадати відому пораду українського підприємця Павла Рябушинського, висловлену ним ще в 1917 р. в Державній Думі Росії: не руйнуйте старий будинок, поки поруч не побудуєте нового, в старому можна хоча б сховатися від дощу. Але майже за століття ми не стали мудрішими, тому "маємо те, що маємо".

Сучасний етап ринкового реформування в Україні в центрі уваги поставив долю аграрних відносин. І це не випадково, бо в агропромисловому комплексі зосереджено близько 30% основних виробничих фондів, працює третина загальної чисельності працівників, зайнятих в народному господарстві, виробляється третина національного доходу, формується 70% роздрібного товарообігу. За останні п'ять років Україна фактично перетворилась із індустріальної в аграрну державу. Продукція АПК є однією з основних статей експорту України.

Під **аграрною реформою** ми розуміємо процес цілеспрямованого втручання державних, політичних, господарських та інших суб'єктів у аграрні відносини, що склалися, з метою їх зміни в певному напрямку. На відміну від соціальної революції соціальні реформи можуть проходити декілька етапів і тривати від 2-3 років до 2-3 десятиріч. Проте так само як і соціальна революція соціальна реформа в кінцевому підсумку зачіпає інтереси різних соціальних класів, верств та груп. Через те поруч із реформою, як правило, існує контрреформистська течія. Від співвідношення цих напрямків і залежатиме темп та результати реформи.

Як прихильники, так і противники реформ в запалі полеміки іноді заявляють, що, мовляв, ніяких реформ в аграрному секторі у нас немає. Це, звісно, перебільшення. Є принаймні три моменти, які заперечують таке твердження. По-

перше, це відповідна законодавча база, що налічує понад 20 законів і постанов, прийнятих Верховною Радою за останні роки, зокрема Земельний кодекс, Закон про пріоритетність соціального розвитку села, про оренду, про власність, про колективне сільськогосподарське підприємство, про селянське (фермерське) господарство, про особливості приватизації майна в АПК, про плату за землю тощо. Це, безперечно, ринкові закони.

По-друге, Указами Президента України в 1994-1996рр. розпочався процес роздержавлення земель, передачі їх у колективну власність з наступним паюванням землі і видачею власникам земельних сертифікатів.

Протягом 1997-1999 років переважна більшість радгоспів була перетворена у колективні господарства. А у грудні 1999 р. розпочався третій етап аграрної реформи. За указом Президента України "Про невідкладні заходи щодо прискорення реформування аграрного сектору економіки" протягом 2000 року колективні сільськогосподарські підприємства фактично припинили існування: на їх базі створені господарства приватного типу.

По-третє, ринкова ментальність, принаймні на операційному рівні, розумінні ринкових термінів і понять стала реальним фактором селянської свідомості. Як показують дані соціологічних досліджень, зокрема проведені Уманським соціологічним центром в 1988-1995рр. в селах Черкаської, Вінницької та Хмельницької областей, відбулися помітні зрушення в цьому відношенні. Якщо в 1988р. лише 14-15% селян визнали, що розуміють зміст таких термінів, як самофінансування, самоокупність, госпрозрахунок, то вже в 1991р. таких стало вдвічі більше, а в 1995р. понад половина опитаних нами селян ствердно відповідали на це питання (серед чоловіків у віковому інтервалі 20-50 рр. таких більше 70%). Поняття приватна власність на землю, яке в 1988р. викликало у більшості селян страх, тепер вільно вживається нашими респондентами.

На нашу думку, одна з причин незавершеності ринкових спроб у сільському господарстві полягає в тому, що автори реформ розглядали селянство як об'єкт реформування. і хоча при цьому багато було зроблено на задоволення справжніх інтересів селянської маси, проте реформатори, як правило, намагались "підтягнути" селянство до вимог суспільства, часто нехтуючи особливостями селянської психології. Однією з найбільш помітних рис такої психології є притаманний селянству будь-якої країни "соціальний консерватизм", інерція, обережне ставлення до перетворень і нововведень. Відомо, що найчастіше саме селяни розплачувались за прорахунки реформаторів.

Німецький соціолог Ральф Дарендорф назвав процес радикальних змін в суспільстві революцією, тобто поєднанням революції і реформи. Цей термін, на наш погляд, цілком вдало характеризує процеси, що відбуваються в аграрній сфері України. І хоча метою реформ є створення нової якості - власника, господаря на селі – цей процес неможливо здійснити миттєво, без урахування особливостей того людського матеріалу, що реформується. Колективістські традиції селянства, що закріплювалися не тільки в організаційних формах (община, колгосп), але й в психології, культурі, соціальних зв'язках тощо; суттєво впливають на темпи і форми перемін.

Видатний економіст-аграрник М.Кондратьєв ще майже століття тому сформулював основні вимоги до ефективної економічної реформи: вона має бути реалістичною, не знижувати рівень виробництва, відповідати принципам соціальної справедливості [1, с. 64-65]. Чи відповідає сучасна аграрна реформа в Україні таким вимогам? Нажаль, слід констатувати, що це далеко не так.

Соціальною проблемою соціетального рівня виступає прагнення керівництва держави реформувати сільське господарство на ринкових засадах, підвищити ефективність сільськогосподарського виробництва на базі різних форм власності, з одного боку, та реальні результати перших років реформування, соціальна ціна реформи, з іншого.

В концепції переходу до ринкової економіки, прийнятою Верховною Радою України ще у листопаді 1990 р. [2, с. 141], сформульована теоретична модель ринку, своєрідна мета економічних перетворень: "Ринок України являє собою систему товарно-грошових відносин з механізмом вільного ціноутворення, із вільним підприємництвом на основі економічної самостійності, рівноправності та конкуренції суб'єктів господарювання у боротьбі за споживача. Ринок України передбачає використання економічних регуляторів державного впливу на розвиток народного господарства і наявність ефективної системи соціального захисту населення."

Розробники Концепції виходили з аналізу придатності для українського ґрунту однієї з трьох моделей переходу до ринкової економіки, вироблених світовим досвідом: еволюційної, "шокової терапії" та жорсткого регулювання.

Еволюційна модель триває досить довго -10-15 років - і ґрунтується на поетапному, поступовому введенні ринкових відносин. Такий шлях неприйнятний в умовах гострої економічної кризи.

Модель "шокової терапії" пов'язана з одночасним введенням у дію всіх атрибутів ринку та одночасним переводом економіки на ринкові рейки. "Побічним результатом" такого типу реформування є надмірна інфляція, безробіття і падіння виробництва на першому етапі. І такий шлях у 1990 р. вважався неприйнятним для України.

Модель жорсткого регулювання базується на державному регулюванні цін на найважливіші товари, з одного боку, і прибутків населення - з другого. В її основу покладено стимулювання підприємництва і "заморожування" соціальних гарантій. Для проведення такої політики необхідний сильний уряд, а головне - зміцнення адміністративно-командної системи, що теж не відповідало інтересам суспільства, що реформується.

Відкинувши усі три моделі, депутати Верховної Ради вирішили виробити власний варіант концепції переходу до ринку. Він, зокрема, передбачав введення своєї грошової одиниці, "що надійно забезпечуватиме захист споживчого ринку як від вивозу товарів, так і від ввезення з-за кордонів республіки грошової маси".

Концепція орієнтована на прискорення процесу роздержавлення та приватизації власності "при чіткому і однозначному визначенні обсягу, структури і меж усіх форм власності". Одночасно передбачалося створити "механізм забезпечення

відносно рівних стартових умов для кожного члена суспільства та гарантії соціального захисту населення".

Перехід до ринку, згідно Концепції, передбачався реальним протягом 1991-1992 рр. Не слід, звичайно, дивуватися таким строкам: в кінці 80-х рр. серед економістів по суті йшло "соціалістичне змагання" по створенню програм по якнайшвидшому переходу до капіталізму - за 100, 500 днів або, як у нас в Україні, за два роки. Це показник ідеалізованої "віртуальної" уяви значної частки радянських економістів про капіталізм і ринок, з одного боку, і значним економічним потенціалом СРСР та України - який породжував ринкову ейфорію, з іншого.

Звичайно, хотілось як краще, а вийшло як завжди. В кінці 90-х років можна, на жаль, констатувати, що власна українська модель переходу до ринку так і не була чітко усвідомлена. По-суті були запозичені не найкращі риси і наслідки усіх трьох "світових концепцій". За тривалістю (майже 10 років) економічна реформа в Україні схожа на еволюційну модель. За рівнем інфляції у 1993 - 1994 рр., безробіттям та падінням виробництва - на "шокову терапію". За втручанням держбюрократії у діяльність в переважній більшості вже недержавних підприємств, "заморожуванням" соціальних програм - на третю модель.

Складовою частиною економічної реформи є аграрна реформа. Вона передбачає радикальне перетворення аграрних відносин на ринкових засадах па умовах плюралізму та рівноправності форм власності.

Соціальним результатом таких перетворень, зокрема земельної реформи, має бути зміна форм землеволодіння та землекористування з тим, щоби центральною фігурою на селі став працюючий власник.

І тут теж існує соціальна проблема - протиріччя між задекларованою метою та реальним результатом аграрної політики. Різноманітність форм власності і типів господарських структур на селі стали реальністю. Змінилися форми землеволодіння та землекористування. Але приватизація, оренда, акціонування, паювання поки що не створили клас працюючого власника на селі. Фермерські господарства, їх статус та характер господарської діяльності лише підкреслюють загальне правило.

Як актуальну соціальну проблему слід розглядати руйнування соціальної інфраструктури села та знецінення селянської праці. Більшість селян не може зрозуміти, чому в ході реформи, яка повинна покращувати, значно погіршилися їх умови праці та побуту : роками не сплачується заробітна плата, не оновлюється матеріально-технічна база господарств, закриваються школи, медичні пункти, будинки культури, не ходять за розкладом автобуси тощо.

Протиріччю відбувається й процес соціальної адаптації основної маси селянства до ринкових умов. Для багатьох це пов'язано із зміною соціальною статусу, а іноді - із докорінними змінами у способі життя, що складався протягом багатьох поколінь.

Центральним питанням аграрної реформи є питання **власності на землю**. Безумовно, ринок передбачає існування інституту приватної власності. Але більшість прихильників приватного земельного права розглядають землю не стільки як об'єкт необмеженої купівлі-продажу, скільки як важливу умову формування справжнього господаря на землі.

Однак, як показує досвід різних країн і України у тому числі, форма власності не завжди є визначальною для ефективного господарювання. За даними економістів, вона дає можливість підвищити продуктивність праці у сільському господарстві на 10-15%, а решта залежить від багатьох чинників як суб'єктивного, так і об'єктивного характеру, зокрема від способу господарювання. І в умовах одержавленої колективної власності завжди існували справжні, дбайливі та ініціативні господарі. Одночасно далеко не кожен приватний власник може дійсно ефективно господарювати, що доводить "досвід" майже третини фермерських господарств.

Власник – володар, розпорядник, користувач – найбільш ефективний в умовах дрібнотоварного виробництва. Але це не перспективний шлях. Не випадково у провідних капіталістичних країнах (США, Канаді, Франції, Німеччині) помітний процес укрупнення, концентрації земель, викупу їх державою у дрібних, мало спроможних для сучасної технології і конкуренції, сільських власників.

Аграрна реформа в Україні вступає у вирішальну стадію. Докорінно змінюється соціальний уклад села, який будувався протягом десятиріч. Керівництво держави здійснило політичний вибір: ставка зроблена на приватного власника, працюючого на землі. Перше десятиріччя XXI століття винесе економічну оцінку політичним і соціальним намірам реформаторів.

Перелік літератури:

1. Кондратьев Н.Д. О крупно-крестьянских хозяйствах. Особое мнение. Кн.1. – М., 1993.
2. Про проекти Конституції та програми переходу Української РСР до ринкової економіки: Постанова Верховної Ради Української РСР від 1 листопада 1990 р. – К., 1990.

Поступило в редакцію 30 мая 2001 г.

Габриелян О. А.

СТРАТЕГИЯ РЕФОМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В УКРАИНЕ И МЕГАПРОЕКТ

Современное состояние политической науки в Украине можно характеризовать как выход на уровень стабильного развития политологии. За прошедшие десять лет был осуществлен процесс ее институционального оформления: переименованы институты и кафедры, определены новые специальности в реестре ВАК, введена новая специальность в государственный реестр Министерства образования. Не менее важным явилось то, что были созданы новые или переименованы старые, научные и научно-публицистические издания. Были разработаны учебные программы и написаны соответствующие учебники. Собственно, этап трансформации прошел практически безболезненно, и в настоящее время мы имеем слаженный механизм воспроизводства кадров в области политологии. Это можно утверждать однозначно, если привести такой показатель как количество защищенных диссертаций взятых по годам. (Мы благодарим коллег д.ф.н. В.И.Муляра и к.и.н. В.Венгерскую за предоставленную информацию).

Год	Всего	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации
1993 р.	2	2	—
1994 р.	3	2	1
1995 р.	9	6	3
1996 р.	32	21	11
1997 р.	18	18	—
1998 р.	33	27	6
1999 р.	33	29	4
2000 р.	37	33	4

Как видим, наблюдается устойчивый рост. Картина складывается на удивление идиллическая и можно обсуждать вопрос о лучших методиках, учебниках, исследованиях и т.п.

Не хотелось бы недооценивать ту работу, которая была выполнена коллегами, но следует все же отметить, что мы осуществили только переход от идеологизированного комплекса социальных наук к промежуточному звену. Без него, шаверное, нельзя было обойтись. Возможно, именно он дал нам время

подготовиться к более глубокому пониманию политической науки, и только спустя десять лет мы начинаем обсуждать проблемы собственно именно этой науки.

Нам представляется, что мы находимся на пороге серьезной реформы в области преподавания Политической Науки. Вообще говоря, имело бы смысл обозначать эту науку именно так, подчеркивая тем самым ее самостоятельность, особенность и внутреннюю целостность. Безусловно, можно говорить и о политических науках в смысле различных политических дисциплин.

Принципиальными отличительными чертами Политической Науки от политологии, существующей сейчас в наших вузах, являются следующие.

Политологии свойственна

- историчность,
- умозрительность,
- универсальность,
- концептуальная завершенность,
- репродуктивность,
- просветительно-пропагандисткая функция.

Историчность политологии проявляется в том, что неперенным атрибутом практически всех учебников и учебных пособий является описание истории политической мысли. Эта история рассматривается как составная часть политологии. Нам представляется, что должно быть ясно осознано, что история политической мысли не есть сама Политическая Наука. Как, скажем, никому не придет в голову считать историю социологии или физики составной частью этих наук. Вводный курс может и даже возможно должен содержать историческое введение, но нельзя допускать, чтобы история науки отождествлялась с ней самой. Не стоило бы на этом останавливаться, если не тот факт, что современные учебники по политологии в значительной своей части есть изложение истории политической мысли и политических теорий. Надо принять, что есть отдельное направление исследований, которое обозначается “история политической мысли”.

Здесь мы должны оговориться, что надо конечно, разделять политологию как преподаваемый курс от собственно политологических исследований, претендующих быть логией политики. Однако, для наших рассуждений это не принципиально, так как они относятся и к тому, и к другому.

Умозрительный характер политологии подтверждается уже тем фактом, что в нее вовлекается обсуждение книг и теорий. Рассуждения не подкрепляются конкретными исследованиями с использованием ясно обозначенной методологии, методики и техники исследования. Предметом исследования становятся не политическая реальность, а вторая природа – умозрение ее, осмысление ее в теориях. Последние не используются как инструменты исследования, а выступают авторитетными источниками объяснения политических реалий. Собственно в самом таком процессе нет ничего предосудительного. Это нужно делать, чтобы видеть слабые и сильные стороны той или иной теории, но это не может подменять собой Политическую Науку. Это всего лишь направление политологических исследований, которое обозначается как “политическая философия и теория”.

Универсальность политологии заключается в том, что она стремится найти

самые общие законы политики, объяснить все многообразие политических событий этими законами и простыми теоретическими схемами. То, что это иллюзия сразу же становится очевидным, как только мы начинаем применять эти законы к практике политической жизни. Имеют ли право на существование такие обобщения. Безусловно, да. Но Политическая Наука не есть свод таких общих законов. Эмпирический опыт физики привел к формулировке закона сохранения энергии и материи или другой эмпирический опыт привел к формулировке закона циркуляции элит. Но ни физика, ни Политическая Наука не могут стать сводом самых общих законов, которыми может быть полностью описана физическая или политическая реальность. Даже такая точная наука как математика столкнулась с невозможностью такого описания.

Из принципа универсализма вытекает принцип концептуальной завершенности политологии. Подразумевается, что все тело политологии может быть более или менее строго очерчено, если даже для этого придется допустить возможность научного плюрализма или принцип дополнительности научных теорий. Здесь мы находимся в принципиальной точке расхождения политологии и Политической Науки. Последняя идет по пути дифференциации своих областей исследования, которые со временем превращаются в отдельные политологические дисциплины или политические науки, такие как политическая география, политическая социология или психология. Безусловно, и Политическая Наука идет по пути концептуализации, превращения в единую науку, а не эклектический свод всего о политике. Но этот процесс не предполагает единого методологического основания, тем более, идеологического. И утверждения о принципиальной внеидеологичности Политической Науки не есть вид идеологизации, как считают некоторые наши политологи. Вопрос рассматривается совершенно в иной плоскости. Политической Науки нет необходимости искать своим методологическим основанием ту или иную идеологию и таким образом концептуализироваться. Она есть наука и поэтому у нее есть своя методология как свод методов исследования. Именно так в современной западной Политической Науке понимается слово методология.

Характеристики репродуктивность политологии и продуктивность Политической Науки были предложены социологом А.Пелиным. Имеется в виду, что политология репродуцирует общественное знание, которое ранее существовало в таких формах как исторический материализм и научный коммунизм. Сейчас они заменены политологией, которая не сумела избавиться от репродукции рассуждений об обществе посредством объяснения мира по схемам определенных теорий (в лучшем случае) согласно требуемым властью или желаемым политологом ответам. Политическая Наука продуктивна, так как ее задача исследовать политическую реальность, и ответы неизвестны. Они находятся в результате исследования. Продуцируется знание о реальных политических процессах в реальном обществе.

Политология не сумела избавиться от просветительско-пропагандистской функции. Политическая Наука как учебная дисциплина обладает этой функцией не в большей степени, чем курс физики. Мы сознательно делаем постоянные ссылки на нее, так как при всех особенностях и отличиях социального знания от естественнонаучного, у нас нет для них разных стандартов научности. Политология

же вмонтировала в себя эту функцию и сегодня трудно представить себе не только курс, но даже исследование, в котором слова демократия, либерализм и т.п. хорошие, а слова коммунизм, фашизм и т.п. – плохие. Проблема ценностей крайне актуальна, но сама наука внеценностна. Иначе мы отказываем всем исследователям, живущим вне границ развитых демократий в способности объективно исследовать политическую действительность.

Политическая Наука исторически имела иную судьбу, чем политология и в результате превратилась в систематизированный комплекс научных знаний о политике. Если даже взять исторические этапы ее становления как науки за последние полтора столетия, то мы обнаружим, что наработанное никак не характеризуется отмеченными выше чертами. У политической науки они выглядят следующим образом.

- Выделение истории политической мысли в отдельную дисциплину;
- Обширный научный инструментарий качественных и количественных методов исследования;
- Относительная сформированность ядра науки при активных процессах становления ее специальных областей,
- Продуктивность;
- Прикладная эффективность.

Предвидя возможные споры, постараюсь объяснить сказанное. Находясь в замкнутом поле нашей современной политологии очень трудно понять ее отличия от Политической Науки. Они становятся ясными, как только берешь на себя труд сравнить статьи, например, в журнале *American Political Science Review* и в таком уважаемом мною издании как *Полис*. Мне и моим коллегам по политологическому лагерю придется признать, что мы столкнемся не только с языковыми проблемами. Конкретные исследования, основанные даже на качественном анализе нам трудно доступны и практически непреодолимы статьи с использованием количественных методов исследования. Трудно отрицать это хотя бы потому, что в наших украинских образовательных программах просто отсутствуют курсы по изучению методов исследования, практически нет количественных методов, нет даже основ высшей математики. Правда, включена информатика, которая практически сведена к процессу научения пользованию компьютером.

Я бы хотел быть правильно понятым и избежать упреков в вестернизации. Но западная традиция развития Политической Науки уже имеет богатую историю. Речь идет именно о Политической Науке, а не истории политической мысли. Будем честны и признаем, что если даже такая история начала складываться в нашей стране в начале двадцатого века, то она была прервана, и мы практически начинаем с нуля. Поэтому имеет смысл освоить наработанное другими и стать частью мирового научного сообщества, а не изобретать новую науку или науки.

Как нам видится стратегия реформирования системы преподавания Политической Науки в Украине. Она должна охватить все уровни:

- Методологический;
- Организационно-управленческий;

- Институциональный;
- Кадровый;
- Учебно-методический.

Работа это сложная и начинаться должна с создания критической массы политологов, вовлеченных в процесс преподавания, разделяющих принципы иной парадигмы. Мы показали, что эта парадигма не нова, она другая, существенно отличающаяся от парадигмы современной политологии. Страна четко определилась со своим европейским, западным выбором. Становится частью Европы – это не значит перевезти страну в Европу, а созидать систему ценностей, в том числе научных, соразмерные европейским, здесь и сейчас. В конце концов, наши ученые естественники, математики, программисты хорошо вписались в западное научное сообщество. Относительно безболезненно вошли в него социологи, историки и даже философы. С наибольшими трудностями столкнулись политологи. Во-первых, это объясняется грузом прошлого, и, во-вторых, полной изоляцией от западного научного сообщества. Именно это сегодня необходимо преодолеть посредством активного взаимодействия как институционального, так и личного. Серьезным коммуникативным средством сегодня выступает Интернет. Даже такие количественные показатели как время, проведенное в Интернете, объем скаченной информации, количество внешних связей, частота работы с электронной почтой могут служить объективными оценками работы преподавателя, его готовности к переменам.

Стратегическими результатами, на которые мы должны выйти в процессе реформирования должны стать:

1. *Создание нового учебного плана по специальности “Политическая Наука”.* Очевидно, что только ядро его – фундаментальные и обязательные курсы будут общими у всех вузов. Они должны существенным образом быть переосмыслены и ориентированы не на создание гармонично развитой личности. Все та же ни о чем не говорящая абстракция, а специалиста способного принимать решения в быстроменяющемся мире. Первая абстракция ведет к созданию колоссальных нагрузок на студентов. Они должны знать хоть чуть-чуть, но обо всем, вторая более операциональна. Она превращает студента в личность способную принимать решения и по вопросу собственной гармонизации. Значительная часть учебного плана будет отдана на свободный выбор вузов и студентов. Собственно, эта схема сегодня существует. Задача наполнить ее реальным содержанием и реальной свободой. Сегодняшний студент не формирует индивидуальный курс обучения. Всем, кажется, проще иметь единый свод курсов, единый учебник, единую программу. Но разнообразие и постоянная мобильность курсов – это развитие не только Политической Науки, но и вуза, если он создает продукт для реального рынка образовательных услуг, а не запаса гарантированным государственным заказом, который имеет главный недостаток – он фиктивен, как фиктивны большинство сегодняшних заявок государственных учреждений на подготовку специалистов для них.

2. *Создание учебных программ и курсов.* Причем должны быть применены иные принципы их формирования, учитывающие не только возможность

применения новых образовательных методик, но и форму их представления. Эти программы и курсы должны дать больше времени для самостоятельной работы студентов, больше времени лабораторным и семинарским занятиям и минимум лекций на начальных курсах обучения. Интерактивность должна стать характеристикой взаимодействия преподавателя и студента. Преподаватель не может и не должен быть всезнайкой. Он старший коллега направляющий и координирующий работу студентов.

3. *Создание журнала “Политическая Наука”* (содержащий раздел “Преподавание Политической Науки”). Мы имеем достаточный набор политологических научных и научно-публицистических изданий. Однако нет издания разделяющего принципы Политической Науки. Мы не исключаем ситуацию, что та же “Политическая мысль” или другие серьезные издания будут эволюционировать в направлении развития и представления Политической Науки.

4. *Создание Украинской Ассоциации Политической Науки* по аналогии с существующими ассоциациями в странах, с устоявшимися традициями в этой области. Сегодня существуют профессиональные ассоциации политологов и только от них самих зависит насколько они готовы принять стандарты профессиональных организаций таких как Международная Ассоциация Политической Науки, Американская Ассоциация Политической Науки и др.

5. *Активное членство* в Международной Ассоциации Политической Науки, Международной Студенческой Ассоциации Политической Науки, Европейском Консорциуме Политических Исследований.

6. *Изменение названия специальности в государственном реестре* (или по крайней мере ее аннотации). Конечно, не в названии дело. Вполне возможно сохранить старое название политологии. Вопрос в принятии той парадигмы, которая разделяется мировым научным сообществом.

7. *Изменение названий ВАКовских специальностей*. Должны быть очень веские основания, чтобы вводить такую специальность как 23.00.05 – этнополитология и этногосударствоведение в реестр специальностей ВАК Украины. Нам представляется, что особенность украинской политической мысли будет определяться не такого рода вещами, а традициями, которыми она, безусловно, обладает и, собственно, спецификой самой политической действительности.

Кафедра “Политических наук” Таврического национального университета определилась для себя именно с такой стратегией. И когда осенью 2000 года Международным фондом “Возрождения” был разработан Мегапроект по реформированию преподавания и обучения социальных наук в Украине и объявлен конкурс, то мы приняли в нем участие. Проект начал реализовываться с марта 2001 г. Было бы сильным преувеличением сказать, что те мысли, которые мы изложили выше сложились сразу, до или в ходе написания проекта Центра политических исследований при кафедре “Политических наук” ТНУ им.В.И.Вернадского. Несколько месяцев работы над проектом, активное обсуждение отмеченных выше вопросов с нашими западными коллегами серьезно продвинули нас в направлении иной парадигмы – парадигмы современной Политической Науки.

Мы не хотим останавливаться здесь на описании реализации проекта. Желающие могут ознакомиться со всеми событиями и результатами на сайте Центра www.ps.crimea.com. Мы только добавим, что отмеченная стратегия, на наш взгляд, могла бы быть дополнена такими вещами как

- создание на базе Центра экспериментальной площадки по повышению квалификации преподавателей;
- создание постоянно действующей е-конференции по Политической Науке (менять темы и время от времени издавать лучшее за год);
- Создание портала “Политическая Наука в Украине”.

Было наивностью предполагать, что такое сложное дело под силу одной кафедре даже в партнерстве с Ужгородским государственным университетом, Харьковским Национальным аэрокосмическим университетом и Житомирским инженерно-техническим университетом. Эта задача осуществима только при условии вовлечения в этот процесс коллег со всей Украины, всех тех, кто уже работает или готов работать в иной системе координат, по стандартам мирового научного сообщества.

Децентрализация реформирования одна из особенностей этого процесса. Ни одна институция не может развивать все направления и специализации современной Политической Науки, которых насчитывается более четырех десятков. Даже Киев, с его безусловным значительным интеллектуальным потенциалом, по сравнению с любым регионом не в состоянии потянуть такую ношу. Нам представляется, что на местах будут возникать сильные университетские кафедры, специализирующиеся в той или иной области Политической Науки, со своими изданиями и учеными советами. В целом это со временем и составит единое целое – Политическую Науку в Украине.

Функция Центра в Симферополе не более чем координирующая. В значительной степени Центр виртуален, так как значительная часть его активности – это сайт в Интернете, который становится площадкой реального диалога научного сообщества политологов. Новые возможности технологии преодолевают ограниченность конкретных изданий. Если до Интернета главным коммуникативным и кумулятивным средством выступало научное издание, то теперь его место может занять сайт или портал.

Если внимательно, вчитаться в вышеописанное то, станет ясным, что предлагаемые нами преобразования вписываются в общую логику реформирования страны с ее декларированным европейским выбором и децентрализацией как условием дальнейшего развития. Страна реформируется не частями. Сегодня реформируем одно, завтра другое. Процесс преобразований должен происходить перманентно и везде, но синхронизируется политической волей народа и его элиты, желающих перемен.

Примечание: Автор выражает благодарность к.ф.н. В.В. Буряку, д.ф.н. Ф.В. Лазареву, д.ф.н. В.Н. Николко, к.социол. н. А.Г. Пелину, А.С. Филатову, д.ф.н. А.Д. Шоркину, за активное обсуждение идей, изложенных в данной статье.

АННОТАЦИИ

Буряк В.В. Homo geopoliticus // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2001. - Т.14 (53). №1. – С. 3-12

Проблематизируется концептуальный и методологический статус геополитики. Постулируется необходимость конституирования геополитической антропологии в качестве связующего звена между естественнонаучной и гуманитарной составляющими.

Ключевые слова: геополитика, геополитическая антропология, кибергеополитика, виртуальная география.

Габриелян О. А. Мифотворчество в политическом контексте политики // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2001. - Т.14 (53). №1. - С. 13-22

В статье рассматривается природа, характер и структура политического мифотворчества.

Ключевые слова: миф, политическое мифотворчество, коллективное бессознательное.

Гаюш Усман И. Политологический анализ нормативных актов ООН в контексте палестинской проблемы // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2001. - Т.14 (53). №1. - С. 23-33

Данная статья представляет палестинскую проблему в ракурсе несоблюдения нормативных актов ООН, принятых с целью ее урегулирования. Также приводится анализ нарушений конкретных международно-правовых норм со стороны Израильского государства.

Ключевые слова: палестинская проблема, политическое урегулирование, равноправие граждан.

Горенкин В.А. Сепаратизм: феномен и понятие // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2001. - Т.14 (53). №1. - С. 34-39

Исследуется феномен сепаратизма, его дефиниции в целях уточнения инструментального подхода к решению конкретных политических проблем.

Ключевые слова: сепаратизм, политическое движение, этнос.

Корнилов Ю. И. Правовое государство как механизм становления гражданского общества // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2001. - Т.14 (53). №1. – С. 40-47

Исследуется политико-юридический механизм становления гражданского общества и методы его оптимизации.

Ключевые слова: общество, государство, гражданское общество, власть.

Медведев Е.П. Леворадикальная философия франкфуртской школы в ситуации постмодерна // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2001. - Т.14 (53). №1. – С. 48-53.

В статье рассматриваются социально-политические стратегии постмодернизма, их значения и перспективы.

Ключевые слова: постмодернизм, рационализация, социум.

Никола М. В. Юмор как аспект легитимации политической власти // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2001. - Т.14 (53). №1. - С. 54-59.

Анализируется природа юмора в аспекте легитимации политической власти.

Ключевые слова: легитимация, политическая власть, юмор, ирресия.

Рогожин М.В. Практические проблемы информационной поддержки принятия политических решений на региональном уровне // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки, 2001. - Т.14 (53). №1. – С. 60-67.

В работе анализируется механизм реализации информационной поддержки принятия политических решений на региональном уровне.

Ключевые слова: информационная поддержка, управление, аналитическая модель.

Сенюшкина Т.А. Государственная политика стран Европы в сфере защиты прав национальных меньшинств // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки, 2001. - Т.14 (53). №1. – С. 68-75.

В статье исследуются механизмы защиты прав национальных меньшинств в европейских странах. Рассматривается два уровня государственного регулирования защиты меньшинств: международный и внутригосударственный. Анализируется степень разработанности проблемы в основных материалах ООН, ОБСЕ, Совета Европы. Рассматриваются Конституции и законодательные акты Италии, Франции, стран Восточной Европы.

Ключевые слова: национальное меньшинство, права человека, права этнических групп, межэтнические отношения.

Старши А.Г. Философские аспекты теории открытых систем // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки, 2001. - Т.14 (53). ;1. – С. 76-84.

Изучается возможность применения теории открытых систем в исследовании политических проблем.

Ключевые слова: открытые системы, политический гуманизм, политическая элита, информационные технологии.

Филатов А.С. Императив социальной деятельности // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки, 2001. - Т.14 (53). №1. – С. 85-91.

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия общества и окружающей природной среды. Благодаря используемым определениям «источник социального существования» и «способ экзистенциального взаимодействия» раскрывается содержание экологического императива и характеризуется его значение для социальной деятельности.

Ключевые слова: социальная деятельность, экологический императив, социальная свобода.

Хан Е.А. Пространственный подход к изучению общественных явлений // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки, 2001. - Т.14 (53). №1. – С. 92-98.

В статье описаны механизмы взаимодействия общественных и географических пространств через пограничные общественно-географические пространства. Приведены схемы наукообразования в социологии, географии.

Ключевые слова: социологическое знание, политическая деятельность, политико-географическое пространство.

Шатохин А.М. Аграрная реформа на Украине: социально-политические измерения // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки, 2001. - Т.14 (53). №1. – С. 99-104.

В статье анализируются экономические, социальные и политические предпосылки аграрной реформы в Украине, её содержание, цель, основные этапы и методологические принципы.

Ключевые слова: аграрная реформа, аграрная политика, контрреформизм, собственность, рынок.

Габриелян О.А. Стратегия реформирования политической науки в Украине и Мегaproект // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки, 2001. – Т. 14 (53). №1. – С. 105-111.

В статье дан анализ современного состояния политической науки в Украине и предлагается проект конструктивной трансформации этой дисциплины с целью сближения с западным научным дискурсом.

Ключевые слова: политология, политическая наука, реформа, концептуальность, универсальность.

АНОТАЦІЇ

Буряк В.В. *Номо geopoliticus* // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 3-12.

Проблематизується концептуальний та методологічний статус геополітики. Постулюється необхідність конституювання геополітичної антропології як зв'язку між природознавчою та гуманітарною складовими вищезазначеної дисципліни.

Ключові слова: геополітика, геополітична антропологія, кібергеополітика, віртуальна географія.

Габріелян О.А. *Міфотворення в політичному контексті політики* // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 13-22.

У статті розглянуто природу, характер та структуру політичного міфотворення.

Ключові слова: міф, політичне міфотворення, колективне підсвідоме.

Ганоу Усама І. *Політологічний аналіз нормативних актів ООН у контексті палестинської проблеми* // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 23-33.

Стаття подає палестинську проблему в ракурсі недотримання нормативних актів ООН, прийнятих з метою її урегулювання. Також наводиться аналіз порушень конкретних міжнародно-правових норм з боку Ізраїльської держави.

Ключові слова: палестинська проблема, політичне урегулювання, рівноправність громадян.

Горенкін В. А. *Сепаратизм: феномен та поняття* // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 34-39.

Досліджується феномен сепаратизму, його дефініції з метою деталізації інструментального підходу заради вирішення конкретних політичних проблем.

Ключові слова: сепаратизм, політичний рух, етнос.

Корнілов Ю.П. *Правова держава як механізм становлення громадянського суспільства* // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 40-47.

Досліджується політично-юридичний механізм становлення громадянського суспільства та методи його оптимізації.

Ключові слова: суспільство, держава, громадянське суспільство, влада.

Медведев Е.П. *Ліворадикальна філософія франкфуртської школи та ситуація постмодерну* // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 48-53.

У статті розглянуто соціально-політичні стратегії постмодернізму, їх значення та перспективи.

Ключові слова: постмодернізм, раціоналізація, соціум.

Ніколко М.В. *Гумор як аспект легітимації політичної влади* // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 54-59.

Аналізується природа гумору в аспекті легітимації політичної влади.

Ключові слова: легітимація, політична влада, гумор, агресія.

Рогожин М.В. *Практичні проблеми інформаційної підтримки прийняття політичних рішень на регіональному рівні* // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 60-67.

У статті піддаються аналізу механізми реалізації інформаційної підтримки прийняття політичних рішень на регіональному рівні.

Ключові слова: інформаційна підтримка, керування, аналітична модель.

Сенюшкіна Т.О. Державна політика країн Європи у сфері захисту прав національних меншин // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 68-75.

У статті досліджуються механізми захисту прав національних меншин у європейських країнах, розглядається два рівня державного регулювання захисту меншин: міжнародний, внутрішньодержавний. Аналізується ступінь розробки проблеми у основних матеріалах ООН, ОБСЄ, Рада Європи. Розглядаються Конституції та законодавчі акти Італії, Франції, країн Східної Європи.

Ключові слова: національна меншина, права людини, міжетнічні відносини, права етнічних груп.

Старіш А.Г. Філософські аспекти теорії відкритих систем // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 76-84.

Вивчається можливість застосування теорії відкритих систем у дослідженні політичних проблем.

Ключові слова: відкриті системи, політичний гуманізм, політична еліта, інформаційні технології.

Філатов А.С. Імператив соціальної діяльності // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 85-91.

У статті розглядаються проблеми взаємодії суспільства і навколишнього природного середовища. Завдяки використаним визначенням “джерело соціального існування” і “спосіб екзистенціальної взаємодії” розкривається зміст екологічного імперативу і характеризується його значення для соціальної діяльності.

Ключові слова: соціальна діяльність, спосіб екзистенціальної взаємодії

Хан Є.А. Просторовий підхід до вивчення суспільних явищ // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1. – С. 92-98.

У статті проаналізовані механізми взаємодії суспільних та географічних просторів через прикордонні суспільно-географічних просторів. Наведено схеми наукостворення у соціології, географії.

Ключові слова: соціологічне знання, політична діяльність, політико-географічний простір.

Шатохін А.М. Аграрна реформа в Україні: соціально-політичні виміри // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. - Т. 14(53). №1 – С. 99-104.

У статті аналізуються економічні, соціальні та політичні чинники аграрної реформи в Україні. її зміст, мета, основні етапи та методологічні засади.

Ключові слова: аграрна реформа, аграрна політика, контр-реформізм, власність, ринок.

Габриелян О.А. Стратегія реформування політичної науки в Україні і Мегапроект // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2001. Т. 14(53). №1. – С. 105-111.

В статті подано аналіз сучасного стану політичної науки в Україні та пропонується проект конструктивної трансформації цієї дисципліни з метою зближення з західним науковим дискурсом.

Здійснюється аналіз сучасного стану політичної науки в Україні і пропонується послідовність кроків для гармонічного злиття з західним науковим середовищем.

Ключові слова: політологія, політична наука, реформа, універсальність, концептуальність.

SUMMARY

Buryiak V.V. Homo geopoliticus // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 3-12.

The subject of the article is the conceptual and methodological status of geopolitics. It is postulated the necessity of constituting the geopolitical anthropology as a connecting link between the natural scientific and humane components of the above-mentioned discipline.

Keywords: geopolitic, geopolitical anthropology, cybergeopolitic, virtual geography.

Gabrielyan O.A. Myth creation in sociocultural context of politics // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 13-22.

In this article the author pay attention to nature, structure and character of political myth creating.

Keywords: myth, political myth creating collective unconsciousness.

Qanou Usama I. Political science analysis of the UN normative documents in Palestine problem context // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 23-33.

In this article the author speaks about Palestine problem, analyzes relations with state Israel.

Keywords: Palestinian problem, political regulation, equal rights.

Gorenkin V.A. Separatism: phenomenon and concept. // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 34-39.

The author researches the phenomena of separatism, it's definitions and political problems.

Keywords: separatism, political movement, ethnic.

Kornilov Yu.P. Rechtsstaat (state functioning in accordance with law) as mecanism of a civil society coming-to-be // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 40-47.

The author researches political-legal mechanism of creating civil society and methods of it's optimization.

Keywords: society, state, civil society, power.

Medvedev E.P. Left radical philosephy of Frankfurt school and postmodern situation // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 48-53.

In this article the author looks into social-political strategies of postmodern, it's meaning and perspectives.

Keywords: postmodernism, rationalization, society.

Nikolko M.V. Humor as an aspect of political power legitimacy. // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 54-59.

In the article the nature of the humor analyzing in the legitimated aspects of the power.

Keywords: legitimating, political power, aggression, political humor.

Rogojin M.V. Practical problems of information support of making political decisions on the regional level // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 60-67.

The author analyses mechanisms of realization of information help in political solving on regional stage.

Keywords: information support, management, analytical model.

Senushkina T.O. State policy of European countries of the sphere of defence of national minorities rights // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 68-76.

The article includes an investigation of mechanisms of defense of ethnic minorities rights at European countries. The authors considering two levels of state regulation of minorities defense: international and inside the state. There is the analysis of investigation of problem in materials of UN, OSCE, Council of Europe, Constitutions and laws of Italy, France, Countries of East Europe.

Keywords: National minority, human rights, rights of ethnic groups, interethnic relations.

Starish A.G. Philosophical aspect of the open systems theory // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 76-84.

The author is trying to find the possibility of using the theory of opened systems in the research of the political problems.

Keywords: open systems, political elite, cyber technologies.

Filatov A.S. Imperative of social work // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 85-91.

In the article described principles of interactions Mankind and environment. Used in the article «source of social of existence» and «method existential interaction» render assistance to reveal of the ecological imperative. Author characterize importance ecological imperative for social activity and social freedom.

Keywords: social activity, ecological imperative, social freedom.

Khan E.A. Spatial approach to social phenomena study // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 92-98.

In the article described mechanisms of interaction of public and geographical spaces by means of frontier public-geographical spaces. Brought schemes forming the sciences in sociology, geographies.

Keywords: biological knowledge, politics, political-geographical space.

Shatohin A.M. Agrarian reform in Ukraine: social and political transformations. // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 99-104.

Economic, social and political prerequisites of the agrarian reform in Ukraine, its content, aim, main stages and methodological principles are analyzed in the article.

Keywords: agrarian reform, agrarian policy, property, market.

Gabrielyan O.A. Strategy of reforms of the Political Science in the Ukraine and Megaproject. // Uchenye zapiski TNU. Series: Political science, 2001. – Vol.14(53). №1. – P. 105-111.

Analysing recent condition of Political Science in Ukraine and suggests some steps for improving situation.

Keywords: politology, Political Science, reform, megaproject.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Буряк В.В.** – доцент кафедры философии ТНУ, кандидат философских наук. 95007, Симферополь, ул. Ялтинская 4, телефон 23-02-54.
- Габриелян О.А.** – доктор философских наук, заведующий кафедрой политических наук ТНУ. 95007. Симферополь, ул. Ялтинская 4, телефон 23-03-28. E-mail: gabroleg@mail.ru
- Ганоу Усама Немаил** - аспирант кафедры политических наук ТНУ, преподаватель отделения восточных языков ТНУ. 95007, Симферополь, ул. Рылеева, 2. ком. 605.
- Горенкин В.А.** – ассистент кафедры политических наук ТНУ. 95007. Симферополь, ул. Ялтинская 4, телефон 23-03-28.
- Корнилов Ю.П.** – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук ТНУ. 95007. Симферополь, ул. Ялтинская 4, телефон 23-03-28.
- Медведев Е.П.** – аспирант кафедры политических наук ТНУ. 95007. Симферополь, ул. Ялтинская 4, телефон 23-03-28.
- Николко М.В.** – аспирантка кафедры философии ТНУ. 95007. Симферополь, ул. Ялтинская 4, телефон 23-02-54. E-mail: mosquit@yandex.ru
- Рогожин М.В.** – соискатель кафедры политических наук ТНУ. Представительство Президента Украины в Автономной Республике Крым. 95007. Крым, ул. Ялтинская, 4. Симферополь. E-mail: rruagc@rainbow.ua
- Сенюшкина Т.А.** – доцент кафедры политических наук, кандидат философских наук ТНУ. 95007. Симферополь, ул. Ялтинская 4, телефон 23-03-28.
- Старин А.Г.** – кандидат технических наук, ведущий сотрудник ЦИСИ. 95007. Симферополь, ул. Ялтинская 4, телефон 23-03-28.
- Филатов А.С.** – старший преподаватель кафедры политических наук ТНУ, руководитель Центра опсоциальных исследований при кафедре политических наук ТНУ. 95007. Симферополь, ул. Ялтинская 4, телефон 23-03-28. E-mail: asfilatov@mail.ru
- Хан Е.А.** – старший преподаватель кафедры политических наук ТНУ. Представительство Президента Украины в Автономной Республике Крым, ул. Ялтинская, 4, Симферополь. 95007. E-mail: rruagc@rainbow.ua
- Шатохин А.М.** – кандидат исторических наук, доцент. Умань.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Буряк В.В.</i> Homo Geopoliticus.....	3
<i>Габриелян О. А.</i> Мифотворчество в социокультурном контексте политики.....	13
<i>Ганоу Усама Исмаил.</i> Политологический анализ нормативных актов ООН в контексте палестинской проблемы.....	23
<i>Горенкин В.А.</i> Сепаратизм: феномен и понятие.....	34
<i>Корнилов Ю. П.</i> Правовое государство как механизм становления гражданского общества.....	40
<i>Медведев Е.П.</i> Леворадикальная философия Франкфуртской школы и ситуация постмодерна.....	48
<i>Николко М.В.</i> Юмор как аспект легитимации политической власти.....	54
<i>Рогожин М.В.</i> Практические проблемы информационной поддержки принятия политических решений на региональном уровне.....	60
<i>Сенюшкіна Т.О.</i> Державна політика країн Європи у сфері захисту прав національних меншин.....	68
<i>Старши А.Г.</i> Философские аспекты теории открытых систем.....	76
<i>Филатов А.С.</i> Императив социальной деятельности.....	85
<i>Хан Е.А.</i> Пространственный подход к изучению общественных явлений.....	92
<i>Шатохін А.М.</i> Аграрна реформа в Україні: соціально-політичні виміри.....	99
<i>Габриелян О.А.</i> Стратегия реформирования политической науки в Украине и Мегaproект.....	105
Аннотации.....	112
Анотації.....	114
Summary.....	116
Сведения об авторах.....	118